

ЛИТЕРАТУРНО-ДИСКУССИОННЫЙ ЖУРНАЛ
ПИСАТЕЛЬ 4(53)
 2021
XXI
 ВЕК

- Классическое наследие
- Малая проза
- Душа с душою говорит
- Переводы
- Это было, было, было...
- Проза XXI век
- Портрет современника
- Образование через искусство

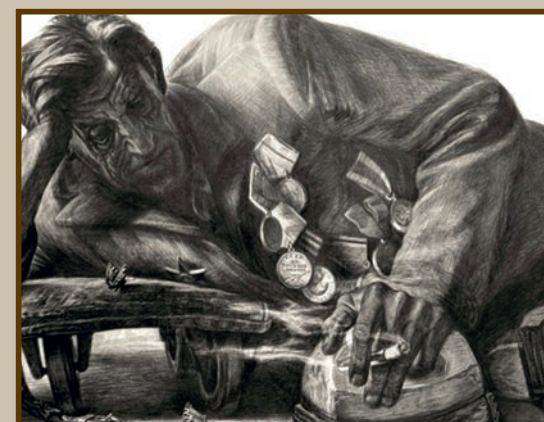
Журнал приглашает
 к сотрудничеству организации
 и всех заинтересованных лиц

ПИСАТЕЛЬ. **XXI** ВЕК 4 2021

ЛИТЕРАТУРНО-ДИСКУССИОННЫЙ ЖУРНАЛ
ПИСАТЕЛЬ 4(53)
 2021

XXI
 ВЕК

- Пьеса «Вишнёвый сад»
- Крымский привкус
- Лалы (сказка)
- Полюшка
- Холостяк...
- Поездка в деревню
- Мокрый снег
- На перепутье
- Ткачиха
- Другой Мандельштам
- Прыжок
- Как распознать
 «вражеского» агента...
- Больница
- Подъезд и лампочки

*«Подыдем стаканы,
 содвинем их разом!
 Да здравствуют музы,
 да здравствует разум!»*
 А. С. Пушкин

Учрежден в 2008 г. Российским Межрегиональным союзом писателей
(секция «Литературно-дискуссионные чтения»),
Академией русской словесности и изящных искусств им. Г. Р. Державина.
С 25.11.09 г. журнал выходит в свет в качестве межсоюзного писательского издания.

Редакционная коллегия:
Е. С. Роговер, Н. Ф. Ульянова, Н. В. Харитонов

Контактные телефоны (в Санкт-Петербурге): 552-13-82.
e-mail: ulyanovanf@mail.ru

Верстка — О. А. Карманова
Макет обложки — О. А. Карманова
Корректор — С. М. Ионова

При перепечатке ссылка на журнал «Писатель. XXI век» обязательна.
Фотографии предоставлены участниками выпуска.

СПб: Негосударственное учреждение культуры "Серебряный век", 2021

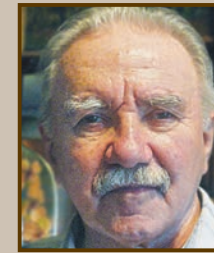
ISBN 978-5-6045884-9-9

© Автор-составитель Н. Ф. Ульянова, 2021
© Коллектив авторов, 2021
© Журнал «Писатель. XXI век», 2021

Предлагаемое издание продолжает намеченную в предшествующих выпусках работу по восстановлению в русском сознании понятия писатель. Начиная с 1991 года в нашей стране возникла новая реальность — реальность преобладания частных или сугубо обывательских (корыстных) интересов. Ее неудержимая поступь вызвала к жизни разгул упоения от мертвого в своей сути успеха. В результате большие смыслы, или непреходящие смыслы общей жизни, стали стремительно исчезать, уступая место интересам вполне местечковым, нутжно выдаваемым при этом за нечто непреходящее. Параллельно в литературном творчестве резко возобладали активно поощряемые российскими властями процессы торговли постыдным как вполне даже приличным делом. В частности, внутриредакционные установки центральных телевизионных каналов строго указывают на непреложную необходимость радикального упрощения ключевых смыслов любого художественного произведения, на создание в стране атмосферы не вдумчивого, а значит, превратного (искаженного) восприятия жизни. В итоге подобной политики само понятие писатель стало мельчать и превращаться в нечто суетное и даже оскорбительное. На сегодняшний день в России вместо писателей развелись во множестве так называемые авторы. Но что они такое? Это своего рода специалисты по развлечению и соблазнению всякого русского читателя, превращению его в потребителя «желтой» или снобистской и во многом сфальсифицированной (намеренно «склеенной» из правды и лжи) литературы. Иначе говоря, деятельность этих «умельцев» имеет ныне исключительно антинародный характер. Или, всячески искушая своего читателя (зрителя), они вводят его сознание в состояние утраты им смысла собственной жизни. Хорошо ли это? Вряд ли. Другими словами, только большие смыслы дают каждому человеку человеческое достоинство, предоставляют ему же подлинную надежду и удовлетворение жизнью. Поэтому лишь писатель как подлинный мастер художественного разговора о больших и непреходящих для человека смыслах и способен будет переломить уже сложившуюся очевидно вредную тенденцию отчуждения человека от человеческого же содержания. А настоящий выпуск журнала как раз и продолжает это сложное, но воистину насущное дело.

Подписано в печать 20.12.21. Формат 70х100/16. Объем 10 п.л. Тираж 300 экз. Заказ №
Отпечатано в типографии ООО «Лесник-Принт». 197183, Санкт-Петербург, ул. Сабировская, д. 37.
Тел. (812) 649-73-09.
www.l-print.spb.ru

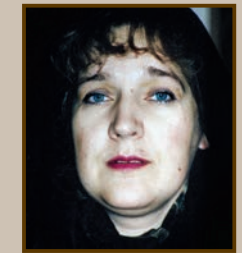
АВТОРЫ ЭТОГО ВЫПУСКА ЖУРНАЛА

Е. С. Роговер

Н. Ф. Ульянова

Н. В. Харитонов

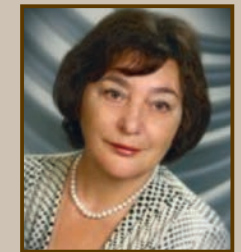
М. М. Рыбаков

Е. М. Алексеева

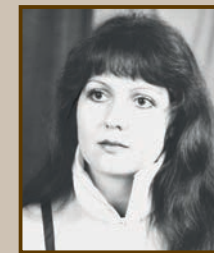
Бах Ахмедов

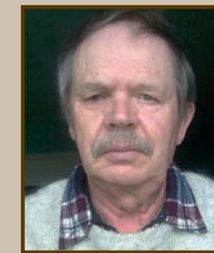
Н. М. Менендес

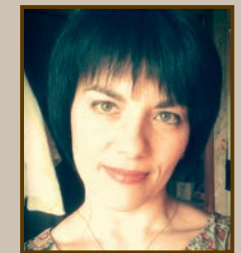
Андрей-Viktoria-Андреев

Н. В. Беланова

Д. Г. Горошнев

Ева Талая

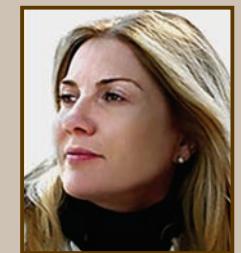
И. И. Уральская

В. Р. Муравин

Ида Замирская

Л. Л. Бравицкая

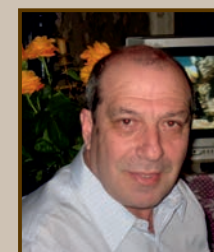
Александр Железов

В. А. Орлов

Валерий Киселев

Ю. Б. Соболев

Ольга Павлова

СОДЕРЖАНИЕ

КЛАССИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ

Ефим Роговер. Пьеса А.П. Чехова «Вишнёвый сад» (1904)..... 2

МАЛАЯ ПРОЗА

Михаил Рыбаков. Крымский привкус..... 8
 Лалы (сказка)..... 9
 Полюшка..... 10
 Холостяк..... 13
Екатерина Алексеева. Поездка в деревню (из серии «Приключения Моти»)..... 19
Бах Ахмедов. Мокрый снег..... 22
 Разговор с дождем..... 23
Наталья Менендес. На перепутье..... 25
 Красногорье..... 31

ДУША С ДУШОЮ ГОВОРИТ

Андрей-Viktoria-Андреев, Нина Беланова, Дмитрий Горошнев, Бах Ахмедов, Михаил Рыбаков, Ева Талая, Ирина Уральская, Виктор Муравин...... 36

ПЕРЕВОДЫ

Ида Замирская. Переводы с английского языка..... 63

ЭТО БЫЛО, БЫЛО, БЫЛО...

Лариса Бравицкая. Другой Мандельштам..... 65

ПРОЗА XXI ВЕК

Александр Железов. Ткачиха..... 69
Валерий Орлов. Прыжок..... 100
Валерий Киселев. Как распознать «вражеского» агента..... 125
 Больница..... 138
Юрий Соболев. Подъезд и лампочки..... 146

ПОРТРЕТ СОВРЕМЕННОГО

Ольга Павлова. Певец из Бийска Юрий Голубев: «Я — счастливый человек!»..... 151

ОБРАЗОВАНИЕ ЧЕРЕЗ ИСКУССТВО

Валерий Орлов. Польская литература 19 века..... 158

Ефим Роговер
(Россия, Санкт-Петербург)

ПЬЕСА А.П. ЧЕХОВА «ВИШНЁВЫЙ САД» (1904)

История создания пьесы и её жанровое своеобразие

Замысел нового произведения возник у Чехова еще в 1901 году. Но тогда он не получил еще каких-либо конкретных и чётких очертаний. В письме к Ольге Леонардовне Книппер драматург сообщал, что этот замысел «чуть забрезжил в мозгу» и связан с желанием написать комедию. 7 марта 1901 года в письме тому же корреспонденту Чехов уже намечает лёгкую конкретизацию: «Следующая пьеса, какую я напишу, будет непременно смешная, очень смешная, по крайней мере по замыслу» [1].

22 апреля 1901 года Чехов возвращается к своей заветной мысли и пишет О.Л. Книппер: «Между нами, на меня находит сильнейшее желание написать для Художественного театра 4-актный водевиль или комедию. И я напишу, если ничто не помешает, только отдам в театр не раньше конца 1903 года» [2]. Как видим, драматург прочно связывает свою будущую пьесу с Художественным театром, ставшим для него родным. А солидный интервал во времени объясняется ухудшающимся здоровьем, отчего, по свидетельству А.Л. Вишневского, Чехов писал свою лебединую песню по четыре строчки в день. Но уже вырисовы-

вается и жанровое своеобразие будущего творения — водевиль. Этим термином автор будет и позже определять свою пьесу.

11 мая 1901 года Чехов, вырвавшись из своего вынужденного плена, приезжает в Москву, останавливается в гостинице «Дрезден» и начинает посещать репетиции Художественного театра, в частности «Дикой утки» Г. Ибсена. С мастерами театра заходит разговор о задуманной Чеховым пьесе, у которой еще нет названия. К.С. Станиславский позже вспомнит: «Ему чудилось раскрытое окно, с веткой белых цветущих вишен, влезающих из сада в комнату. Артём уже сделался лакеем, а потом ни с того ни с сего — управляющим. Его хозяин, а иногда ему казалось, что это хозяйка, всегда без денег, и в критические минуты она обращается за помощью к своему лакею или управляющему <..>. Потом появилась компания игроков на бильярде. Один из них — самый яркий любитель, безрукий, очень весёлый и бодрый, всегда громко кричащий <..>. Потом появилась боскетная комната, потом она опять заменилась бильярдной...» [3]. Отметим, что среди этих аморфных пока образов уже начинают вырисовы-

ваться вишнёвый сад, лакей Фирс и любитель бильярда Гаев, хотя они имён ещё пока не имеют.

Женитьба, поездка на Волгу, в Нижний, а потом на кумыс, отвлекают Чехова от работы над пьесой, но 18 декабря того же года он всё же сообщает жене: «А я всё мечтаю написать смешную пьесу, где бы чёрт ходил коромыслом» [4].

14 декабря 1902 года Чехов уже придумывает заголовок, даёт его своей комедии и сообщает о нём жене. А живя у Станиславского в Любимовке, драматург придумывает сюжет пьесы, который его радует и волнует. 24 декабря намечается и структура будущей пьесы: «Мой «Вишнёвый сад» будет в трёх актах» [5].

Только в марте 1903 года Чехов начал писать своё драматургическое произведение. В нём автор отразил некоторые свои жизненные впечатления. В пьесе отозвалась эхом продажа Мелихова с его родной уже усадьбой, отразилось знакомство в Бабкино с Киселёвыми, владельцами имения. А.С. Киселёв, поступивший на службу в калужский банк, стал прототипом Гаева. Рядом с имением Линтварёвых в Харьковской губернии Чехов наблюдал запущенные и продаваемые дворянские усадьбы. В подмосковной Любимовке была такая же картина. Деловые люди из купеческого сословия или окрепшие буржуа скупали эти имения, вытесняя из усадеб их старых хозяев. Образ ялтинского сада, любовно выращенного Чеховым, тоже получит своё художественное запечатление в новой пьесе. Образы «чугунки», поезда, телеграфных столбов, шахт, банков также начали упоминаться в «Вишнёвом саде», становясь

фоном центрального события пьесы и отражая развивающийся в стране буржуазный прогресс и интенсивное наступление капитала на деревенские угодья.

Постепенно драматург начинает комментировать свою пьесу и размышлять о возможном распределении в ней ролей. Обращаясь к О.А. Книппер, он шутит: «Журавль длинноногий (так ты величаешь в письме своего мужа) пьесу даст, а вот кто будет играть старуху, неизвестно» [6]. Пока что центральная героиня пьесы мыслится старухой, и потому она ещё не может связываться с актрисой Книппер. Образ Гаева у автора пьесы срастается со Станиславским, которому Чехов рассказывает о старом барине, однажды целый день пролежавшем в постели, потому что его лакей уехал из деревни в город, не выдав барину брюк. А эти брюки висели в шкафу рядом» [7].

Разрабатывая образы своей пьесы, Чехов отталкивается от жизненных прототипов, встречавшихся ему. Наблюдения над купцами нового, интеллигентного склада типа С. Морозова, дали драматургу материал для образа Лопухина. Прототипом изумительной Шарлотты стала англичанка, встреченная в Любимовке на одной из дач, и Чехов сразу мысленно связал её с актрисой Муратовой. Прообразом Епиходова оказался А.И. Иваненко, всегдашний неудачник. М.П. Чехов называет его «прототипом Епихода» [8]. Другими прототипами Епихода стали цирковой жонглёр, с которым случались «двадцать два несчастья», а также лакей Станиславского Егор и земский врач И.Г. Витте. Обилие прототипов у одного персонажа — явление естественное, ибо

на такой основе формируется тип. У Пети Трофимова тоже был реальный прототип — сын горничной в имении в Любимовке.

В сентябре 1903 года Чехов завершил пьесу «Вишнёвый сад», начал её переписывать и вносить определённые изменения в текст. Эта работа длилась до октября того же года, когда автор отослал текст в Художественный театр. Вл. И. Немирович-Данченко известил автора телеграммой о получении рукописи 18 октября 1903 года: «Моё личное первое впечатление — как сценическое произведение, может быть, больше пьеса, чем все предыдущие. Сюжет ясен и прочен. В целом пьеса гармонична. Гармонии немного нарушает тягучесть второго акта. Лица новы, чрезвычайно интересны и дают артистам трудное для выполнения, но богатое содержание. Мать великолепна. Аня близка Ирине, но новое. Варя выросла из Маши, но оставила её далеко позади. В Гаеве чувствую превосходный материал, но не улавливаю его образ так же, как графа в «Иванове». Лопехин прекрасен и взят ново. Все вторые лица, в особенности Шарлотта, особенно удались. Слабее кажется пока Трофимов. Самый замечательный акт по настроению, по драматичности и жестокой смелости последний, по грации и лёгкости превосходен первый. Новь в твоём творчестве — яркий, сочный и простой драматизм. Прежде был преимущественно лирик, теперь истинная драма <..> в этом отношении большой шаг вперед. Много вдохновенных мазков <..>, есть излишества в слезах» [9].

К.С. Станиславский тоже радостно встретил чеховскую пьесу:

«Потрясён, не могу опомниться. Нахожусь в небывалом восторге. Считаю пьесу лучшей из всего прекрасного Вами написанного. Сердечно поздравляю гениального автора» [10]. Но режиссёр отметил трудности воплощений второго акта, бездейственного и однотонного. В связи с этими замечаниями Чехов внёс изменения во второй акт, упустив его начало (диалог Ани и Трофимова) и его конец (разговор Шарлотты и Фирса), вставив «жестокий романс» Епиходова и аккомпанемент гитары. Позволил он и сократить этот акт.

17 января 1904 года состоялась премьера чеховской пьесы, которая раскрыла всю гениальность созданного произведения, преемственность его с русской классикой и редкостное его новаторство.

Вопрос о жанре «Вишнёвого сада» — один из наиболее сложных. Уже первые критики, отозвавшиеся на появление новой чеховской пьесы, терялись в догадках относительно жанра этого произведения и давали очень разную его характеристику. Так, известный театральный критик А. Кугель в статье «Грусть «Вишнёвого сада»» писал о том, что в пьесе «больше чем ликвидация заложенного старинного дворянского имения. Вся жизнь людей есть, по существу, такое же совершенно пассивное ожидание ликвидации. Этот основной мотив владеет сознанием всех героев «Вишнёвого сада». Отсюда меланхолия и задумчивая грусть. Отсюда смех не смешит; от того фокусы Шарлотты Ивановны как будто скрывают какую-то внутреннюю пустоту» [11].

Прозаик и критик А.В. Амфи-театров придерживался близкой

позиции. По его мнению, Чехов остался верен тому беспросветному пессимизму, каким до сих пор дышало всё, что он писал для сцены <...>, герои пьесы «наполняют сердце ужасом и жалостью». Болезненные черты Чехов придал даже Пете Трофимову, Варе и Ане [12].

Фельетонист Влас Дорошевич в «Русском слове» подчёркивал мысль о размытости границ жанра в этой пьесе. «Это комедия по названию, драма по содержанию. Это «отходная» поэтическая, прекрасная». И он же связывал жанр пьесы с другими, недраматическими родами литературы: «Комедия Чехова, трагедия Чехова, повесть, поэма, — называйте как хотите это стихотворение в прозе» [13].

Позже, как и раньше, сохранялся разброс мнений относительно жанра пьесы Чехова. Более того, он даже усилился. Станиславский назвал «Вишнёвый сад» «трагедией», Вл. Немирович-Данченко — «лирической песней», критик П. Безобразов — или «драмой жизни» или «настоящей трагедией дворянства». Горький предпочитал называть эту пьесу «лирической комедией». Б. Лазаревский, современник Чехова, записал в своём дневнике: «...Князь Долгорукий сказал, что «Вишнёвый сад» произвёл на него впечатление, как гибель четырёх «Петропавловсков» (кораблей русского флота)» [14]. А. Луначарский определял пьесу как «драматическую поэму», литературовед В. Хализев избрал другое обозначение — «комедия в широком смысле слова», а М. Громов — «дворянская комедия».

Эту пьесу называли также драмой, водевилем, сатирой, «пьесой-элегией», «тяжёлой драмой»,

«весёлой комедией», «социальным романом», «иронической комедией», «резкой человеческой драмой», «пародией на трагедию», «высокой комедией».

Сам Чехов именовал своё произведение комедией, и для него это определение было отнюдь не случайным, а принципиальным. Он связывал слово «комедия» с тем содержанием, которое объединялось у его великого предшественника Гоголя с понятиями «истинно-общественная комедия» и «высокая комедия». При этом Чехов замыслил создать весёлую комедию. 21 сентября 1903 года он сообщал своей жене: «Вся пьеса весёлая, легкомысленная» [15]. В письме Вл. И. Немировичу-Данченко драматург подчёркивал: «Пьесу назову комедией» [16]. А актрису Лилину он извещал: «Вышла у меня не драма, а комедия, местами даже фарс» [17].

Позже литературоведы объясняли своеобразие такого авторского подхода и определения жанра. В. Гермилов писал, что Чехов хотел, смеясь, расстаться с прошлым. Вот почему он так настойчиво советовал актёрам, приступившим к исполнению ролей в его пьесе, как можно меньше плакать и как можно больше смеяться. С этой особенностью связано обогащение комедии фарсовыми и водевильными элементами. Чехов смеялся над смешными призраками старого времени, которые, как Гаев или Пищик опоздали вовремя умереть. Источником комического в пьесе является и само нелепое сложение жизни, о чём с горечью говорит Лопухин.

Но в чеховском творении хорошо ощутим и драматизм. Нельзя не почувствовать в пьесе пережи-

вания и даже страдания персонажей, не говоря уже об одиночестве таких, как Шарлотта, о нескладнице жизни Вари, об умирании запертого Фирса. «Несчастье и страдание человека, — пронизательно замечал А.П. Скафтымов, — взяты не с той стороны, где человек сам является виновником своих неудач, и не с той стороны, где его преследует злая воля другого человека, а с той стороны, где источником печального уродства и горькой неудовлетворённости является само сложение жизни» [18]. И это сложение представляется персонажам пьесы голосом судьбы или злого рока.

Этот очевидный драматизм пьесы вступает в поразительный сплав с комическим, а это редкостное соединение обогащено ещё заметным лиризмом, чутко уловленным М. Горьким.

На этой почве у исследователей часто появлялось желание говорить о трагикомическом начале в пьесе, о трагикомической сущности персонажей уходящего в прошлое мира (Раневской, Гаева и Пилича). Близок к характеристике «Вишнёвого сада» как трагикомедии В.Е. Хализев [19]. А Аникст подчёркивает трагикомическую основу чеховских пьес. В. Строева, анализируя режиссёрский экземпляр «Вишнёвого сада», определённо вводит в обиход понятия «трагикомедия», «трагикомическая атмосфера» [20]. И.А. Радский упоминает «Вишнёвый сад» в числе произведений, «стоящих у истоков современной трагикомедии» [21]. Подобный подход намечался и ранее, так А.В. Амфитеатров писал о трагикомической сцене «идеальной ссоры между идеалистом-по-

лутолстовцем (Петей. — Е. Р.) и жрицею «матери наслаждений» (Раневской. — Е. Р.) [22].

Замечания о трагикомической основе чеховской пьесы у названных авторов, как правило, носили беглый характер и развёрнутой аргументации не подвергались. Некоторые важные, с этой точки зрения, мотивы прослежены не были. Поэтому мы попытались развернуть эту тему в специальной статье, где было показано, как трагическое и комическое начала соединились не механически, а оказались сгармонизированными, в силу чего большинство «кусков» сценического действия выступает в пьесе и как комедийное, и как трагедийное содержание одновременно.

В «Вишнёвом саду» сплошь и рядом происходят метаморфозы (Лопухин смотрел в театре «Гамлета», и ему было «очень смешно», тем более, что там играла некая «Охмелия» (так он воспринимает имя Офелия). В пьесе господствует поэтика нелепостей, имеется и формула абсурда: «И за деньги русака немцы офранцузят». В обстановке трагикомического алогизма особую роль начинает играть случай, и в пьесу входят элементы мнимого чудесного, сплетения высокого и низкого (после диалога об обмене вещей Варя предлагает поговорить о планетах). Петя разыскивает свои злополучные калоши с трагическим отчаянием. Самыми трагикомическими персонажами в пьесе являются Шарлотта и Епиходов. Примечательны трюки, которые демонстрирует гувёрнантка, эксцентрика её поведения. Оба эти персонажа выступают в функции шутов. Интересно развёртываются мотивы брошенной

куклы и разбитой игрушки, созвучные родственным образам в современной Чехову поэзии. Мотивы игрушки и гротескное соединение человека и лошади обыгрываются при обрисовке фигуры Семионова Пищика и Фирса, с его словечком «недотёпы», относящимся к недостроганым игрушкам-людishкам. Неслучайно А.В. Луначарский называл однажды и Раневскую «легко-

мысленнейшей игрушкой, которую больно обижает жизнь» [23]. Но все эти аспекты трагического заметно обогащены лиризмом речей, восклицаний, ремарок, пауз, монологов, напоминающих стихотворения в прозе или грустные элегии. Всё это побуждает характеризовать жанр пьесы Чехова как лирическую трагикомедию [24].

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Чехов А. П. Указ.соч. т. XIX. — С. 54.
2. Там же. — С. 76.
3. Станиславский К. С. Собр.соч. в 8-и тт. М.: Искусство, 1958. Т. V. — С. 353.
4. Чехов А. П. Указ.соч. Т. XIX. — С. 194.
5. Там же. — С. 401.
6. Там же. — С. 405.
7. Станиславский К. С. Из воспоминаний о Чехове // «Речь», 1914, 2 июля, № 177.
8. Чехов М. П. Антон Чехов и его сюжеты. М., 1928. — С.107-108.
9. «Ежегодник Московского Художественного театра». М., 1944. т.I. — С.160.
10. Кугель А. Грусть «Вишневого сада» // «Театр и искусство», 1904, 28 марта, № 13. — С. 262.
11. «Русь», 1904, № 10, 3-4 апреля.
12. Дорошевич В. М. «Вишневый сад» // «Русское слово», 1904, № 19, 19 февраля.
13. «Литературное наследство» М., 1977, № 87. — С. 347.
14. Чехов А. П. Указ.соч., Т. XX. — С. 135.
15. Там же. — С. 129.
16. Там же. — С. 131.
17. Скафтымов А. П. Указ.соч. — С. 385-386.
18. Хализев В. Е. Пьеса А. П. Чехова «Вишневый сад» // «Литература в школе», 1965, № 1. — С. 12.
19. Строева М. Чехов и Художественный театр. М., 1955. — С. 162.
20. Рацкий И. А. Трагикомедия // Краткая литературная энциклопедия. М., 1972. Т.7, стлб. 995.
21. «Русь» 1904, № 110, 3 апреля.
22. Луначарский. О театре и драматургии. М., 1958, Т.1. — С. 57.
23. Роговер Е. С. Своеобразие жанра «Вишневого сада» А. П. Чехова // Жанр и композиция литературного произведения: межвузовский сборник. Вып. II. Калининград, 1976. С. 95-103.
24. Там же. — С. 155.

Михаил Рыбаков
(Россия, г. Устюжна)

КРЫМСКИЙ ПРИВКУС

Виснут-нависают красные гроздья, никогда такого не было...

— Это кровь солдатская взбунтовалась, — сказал старый Осип, приглашённый виноделом в старый дом крымских татар. Переселенцам с севера Украины было всё дивно в этом цветущем мире. И шум прибоя, и гогот шторма, и сама природа-матушка.

— А ты, пострел, возьми в кладовке старые гвоздья, выровняй, там есть и шпагат, выровняй, забей в опоры, потом подвесим с тобой на шпагат, иначе потекут до срока, потеряем много сусла.

Осип ночевал в малой пристройке к сараю, где была печка и куча сухих кизяков. Ночи вновь похолодали. Утром Осип затеял ставить на место бочку для давки винограда. Здоровенная, набили обручи, кое-как повалили на бок, подкатали, а поставить на место — духу не хватило. Сбежал к соседке и общими усилиями справились.

Потом носили воду — замачивали, пока затянуло пазы в клёпках. С утра позвали охотих в помощь. Осип стал мыть ноги, долго мыл, залез в бочку. Мама поднесла ему стопку красного вина и тот, помолясь, принялся за дело. Сусло медленно стекало в чан, а оттуда по бочкам и бочонкам. Там распоряжался старый еврей Симеон. Кодовал, доливал воды из ручья, что тёк рядом, что-то замерял, добавлял сусло и откатывал бочонок в сторону — на молодое вино для продажи.

Потом мыла ноги женщина, как скала... Три дня давили и откатывали — весь погребок был забит бочками и бочонками.

В субботу первую партию увезли на рынок, после обеда приехали две фуры и забрали остальные, стало попросторнее. Мы собирали остатки на участке.

Закончилась пора виноделия, участились шторма, и мы переключились на сбор топлива. Набирали пустые мешки, брали ручную тележку и уходили в горы, искали стоянки овец, коров и собирали сухие кизяки, свозили под навес.

Осип перешёл в дом, для экономии топлива ели за одним столом.

Потом мама поговорила со мной. На отца получили две похоронки.

— Знаешь, сынок, папы нет, а Осип предложил замуж. Ты как?

А что я мог сказать... Мужик работающий, не пьёт, не дерётся...

— Гляди сама, мама.

А перед утром пришли трое, скрутили Осипа и увели. Вот тебе и «замуж»...

Отец появился, как щи на голову. Мама в голос, от счастья ли?

Всё вспоминается, как сквозь кисею. Он был при лампасах, с тростью, нахрамывал на правую ногу. Вышел из «виллиса», взял под козырёк.

— Привет, семейство! Собирайтесь отсюда.

— Ты здесь будешь, — к Осипу, — гляди мне, чтоб полный отчёт!

А нам чего собирать — что на себе, да по рубашке и платице. Добрались до Симферополя, а к вечеру были в расположении дивизии, куда отца назначили заместителем командующего. Снова жизнь перевернулась вверх тормашками, снова сидели на чемоданах, которых не было, ждали очередное назначение. И дождались...

— Поехали.

— И куда, Ваня?

— На Дальний, начальником гарнизона.

Так мне помнится Крым.

(Из перегонных разговоров)

06.10.21

ЛАЛЫ (сказка)

Три сестрицы-красавицы берут клюковку на болоте, перекликаются, весело девчатам, скоро и Ваня покажется, лукошки почти полны, спины гнуться устали.

— Сестрицы, — зовёт старшая, Катенька. — Присядем, подождём Ванюшку.

И только присели на серые голыши, как провалились в Тартары... Опомнились, а перед ними мамка-мачеха, Люська, три года скоро будет, как богу душу отдала...

— Явились и кто вас сюда звал, видеть вас не хочу. Вам может и ключик дать от моего ларчика?

— Ну, Люська, допустим, что ларчик мамы Тони присвоила, стерва!

— Молчи, Катька, глаза выцарапаю!

— Так зачем пригласила? — Светка, младшая.

— Вы, заразы, не обскакали ли меня? Ишь ты, какие расписные... Аж глазам больно...

— Да и ты, не беда — красавица! Тятка знал, кого любить. За что тятю извела, гадюка?

— Чтoб на других не глядел, дура ты, Танька... Ладно, держите по лалу и бегите, уже Ванька идёт. — Мелькнул свет, а они сидят на своих камнях как задремали. Послышалось: «А-а-у!»

— Ваня, мы здесь.

Тот подошёл, сыпал ягоды в свой корoб.

— Молодцы, красавицы, теперь скоренько домой. Все байки потом, у бабушки тесто переставляет...

И вот сидят они, пироги в печи, взвар на столе, лампадка зажжена (от Лешего).

— Кто начнёт?

— Так давайте — я начну... Присели мы на камни, а очнулись, кто знает где? Встретили Люську. Тьху на неё.

— Ага, ага, — вмешалась Светка.

— Помолчи, сорока!

А пироги начали так пахнуть из печи. Бабушка отодвинула заслонку, посветила лучиною, а они румяные, кое-где ягодка подтекла. Она придвинула на загнетку противень, быстро смазала желтком и густо посыпала толчёным маком и вернула противень на место.

— На пять минуток, дорогие мои. А что ты, Катерина, о лалах говорила? Они испарились?

— Нет, бабушка, — вот мой камень.

— И наши целые, — показала Таня.

— Дайте, гляну... Ну да, вашим наследством завладела...

— Я ей сказала, что — воровка.

— Всё, Катерина, наливай кухли взвару, пироги готовы, хлеб допекается.

Помянем маму вашу.

— А меня? — голос с горища.

— А тебе, Люська, дулю с маком. Брысь, зараза!

Ели пирожки, запивали компотом, посмеивались... Скоро успокоились, разошлись, уснули, а утром на столе стоял ларец, лежал ключ. Попробовали открыть, не тут-то было...

— И тут съёрничала, гадюка.

А Иван уже запускал свою тонкую свайку, надеясь на удачу...

02.10.21

ПОЛЮШКА

— Здравствуй, милая!

— Аркаша? Боже мой...

— Красуешься, подруга? Чего прячешь... И всего лишь? Полстраны на костылях да протезах, строители коммунизма... А что поделаешь?

А ей было неудобно, как теперь шутят — хахаль явился, а тут... клюка.

Аркадий подсел к ней на лавочку, обнял тесно.

— Ой, Аркаша, не балуй, не то завоюю...

А тот ещё и губы нашёл... И никуда не смылся, бросил солдатский мешок под порог, поднял счастье своё и унёс в хату.

Утром, ни свет, ни заря — председательша, на порог.

— А-ну, Полька, на наряд!

— От, я тебя наряжу, — схватил соседку Евдоху и на лаву. — Тебя как вдоль, ай поперек?

— Тю! Дурной ты, Аркадий... А вон оно что... Ну ладно, любитесь тут, да работу не забывайте.

Они поохотали разом, надо вставать, а как от неё встанешь, не зацепишься? И зацепился...

В субботу собрание, после работы. Шли недовольные, ворчали, снова час сна отберут зря...

— Все, что ли? Давай, Ануфрий, зачинай.

— Только, не спи, дед, — из рядов.

— Погодите, сурьёзный вопрос. Мой Коля забыл, как пахну.

— Во даёт, Евдокия!

— Тут не до спеха и не потеха, она права, если б не её заботы — вымерли бы все.

— А я хочу сложить с себя ентот хомут, предлагаю на своё место Аркадия. Пусть Польша попостится, не всё кошке и коту немножко.

Притих зал. Вопрос ребром стал, доля решалась.

— Так ты, соседка, хоть бы словечко... Раз такие дела, то надо всерьёз, — промолвил Аркадий и замолчал, пусть люди говорят.

Дед Ануфрий — счетовод, зав. складом и ночной сторож заодно, сказал коротко:

— Как два пальца, Дуня.

— Во-во, пусть тут повоюет, а мы поглядим...

— Не, брат Зиновий, ты у меня впереди всех, с гранатой будешь штурмовать землю эту!

— Не круто, Аркаша?

— Он прав, Иван, надо из разрухи поднимать, сколько можно на бабах выезжать...

— Как, Партия, глядишь, скажи слово.

Встала Степанида, председатель ячейки.

— Знала родителей, деда-прадеда — соседи... Семья без дураков, и воевал Аркадий знатно. Я — «за».

— Ну раз так, так чего кота катать, — заключила Егоршина.

— Не ски, Люба. Он явился с госпиталя, хоть бы драку какую затеял... Под боком у Польки прокисал. Мне бы, так не прокис бы...

— Катька, заткнись, шалава! У Польки, хоть есть куда, у тебя две кости и...

— Всё, колхоз, голосуем!

Утром Аркадий принимал дела. А как их принимать? Кто бы подсказал. Навалили ему на стол три книги амбарные, с записями, местами сплошь в чернилах.... Райком одобрил, хоть и недоволен остался, без него жениха крестили...

Начал он с навоза — вынесли, вывезли весь навоз на поля. Была надежда на старый трактор, который лет десять не заводился. Завели-то завели, а тянуть не хочет, видать кольца подносились... И как-то ночью пришла ему идея, через редуктор и лебёдку таскать плуг — галиматья, конечно, но... Половину полей вспахали! И картошку, морковь и свёклу им же вынули из земли.

Бабы были довольны, больше времени оставалось на свои сотки. Пока особых успехов не предвиделось. И откуда им взяться? ХТЗ лежал в руинах, туда искали людей и находили в колхозах, кто станет пахать, сеять, убирать? И без трактора не обойтись... Дилемма... Как-то по осени заглянул к нему Прохор Ручка, бывший шофер.

— Такое дело, Аркаша, есть левый ЗИС, на ходу, но нигде не зарегистрируют... А пригодился б...

— Может воровской?

— Не, с документами, росписи чёткие и хозяин известен.

— Что просят?

- Десять мешков пшеницы.
- Сами чем сеять станем?
- Может подзаймём, под новый урожай...
- Веди сюда продавца.
- Вышел на веранду, включил фонарик.
- Привет.
- Привет, хозяин. Может на чём-то другом договоримся?
- Предлагай.

Аркадий поднял руку, пошарил на полке, достал блестящий кусок металла.

- Гляди...
- Золотишко?
- Там и проба пробита. И вес.
- Не жалко?
- Нет, для дела чего ж жалеть.
- По рукам!
- Прохор, завтра быть у конторы ещё до моего прихода.

Собрались, кто пробежал рядом.

— Товарищи, это наша машина, я купил её за свои деньги и передаю в колхоз. Полина, запиши и оприходуй. Прохор, отвечаешь за технику головой. Всё, кино кончилось, бегите, кому куда...

К вечеру весь колхоз знал о покупке, конечно и районная милиция. В понедельник приехал сам начальник милиции, уселся в кабинете.

- Ну, в воры пошёл?
- Слышь, капитан, хоть бы здравствуй сказал...
- От посидишь в кутузке, запоешь не то.
- Ты охренел или просто так?

Показалась Поинка с набалдашником и по столу хрясь, перед самым носом.

— Ты, Вань, на самом деле озверел, разберись сначала, привыкли на горло брать...

— Ну, ты, сука!

Рука Аркадия дотянулась, и он отвесил капитану такую оплеуху, что тот улетел под окно. Молча вылетел из конторы, на газик и был таков.

Да, они обнаглели... При въезде в село обогнали машину первого секретаря райкома, но не подумали хотя б остановиться, доложить, как положено быть.

Аркадия связали и стали откровенно избивать. Секретарь зывал — тшётно, тогда вынул свою «пушку» и пальнул в небо.

От жёсткого избиения Аркадий попал в больницу, дали знать старые раны, и провалялся почти до посевной. Вернулся ещё слабый, а тут предстоял суд. Того дурака развенчали до рядовых, теперь предстояла сумма за восстановление здоровья, судебные издержки и лагеря.

Первый секретарь взялся за Аркадия.

- Принимай, брат, милицию. Надо.
- Тогда уберите ту пятёрку, не ровен час — пришибу!
- Давно позаботились.

И снова соседка принимала дела.

— Спасибо, Аркаша, за машину и трактор. Мы теперь на «коне».

Хотелось ему остаться дома, но понял, что на два дома не способен, и Полина ходила, дулась. Переехали в служебную квартиру. Тут было всё знакомо, приказ есть приказ — исполняй! Но и голова хорошо, если на плечах.

Шли учения областные, и его команда вышла в три первых по области, пока шёл окончательный подсчёт «за» и «против». Они выступили в милицейском доме культуры — полтора часа пели любимые песни всем дворцом. И получили первое место.

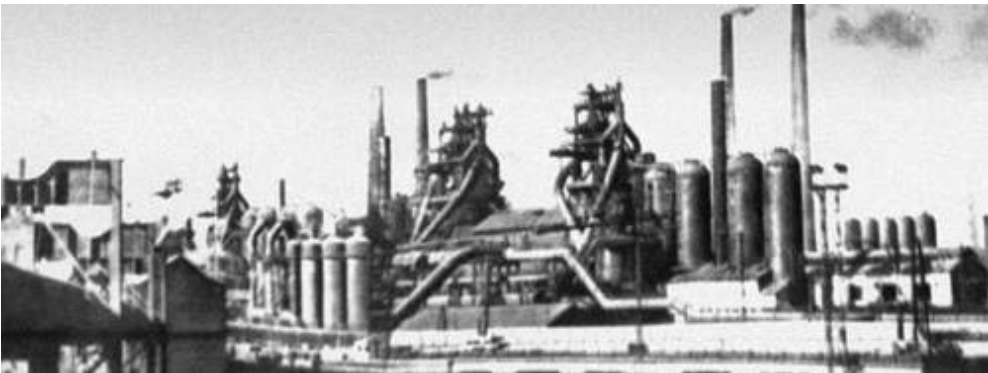
Вместе с премиальными Аркадию вручили очередное звание и приказ принять одно из отделений в областном центре, а тут ещё Полюшка обрадовала.

— Дай руку, замри...

И он услышал слабые толчки — понял — наследник!

24.09.21

ХОЛОСТЯК...

Иван Николаевич добрался до своего «балка», открыл бутылку ситра, прямо из горлышка осушил до дна, опустился на диван, привалился к спинке, вытянул ноги и закрыл глаза...

Как же он устал за эти последние недели. Посланный Военкомом в Казахстан для укрепления кадров, инженер-химик из теплушки попал на заседание райисполкома. Его спросили, кто он, а прочитав направление, тут же постановили: «Будешь строить, товарищ, новый микрорайон. И никаких возражений».

Строить так строить. Появилась литература по строительству, в его «балке», бессонные ночи, проектировочная бригада, друзья и клятые враги — всё как обычно... То, что в мирное время делалось за год, теперь влезало в пару месяцев непрерывного труда. И вот акт сдачи подписан, казалось — гора с плеч, а душа просит чего-то, ещё непонятного, даже без контуров материальных.... Семья... Люся, дети... Как они там? Надо бы срочно выписать сюда. «Ах, да, вот что его грызло последние месяцы».

— Ата Карим, ещё бдишь, уважаемый, — поднял он трубку.

— Иван, душа моя, что не спится?

— Такое дело, дорогой... В анкете я холостяк, но семья-то, слава богу — шестеро.

— Шутишь?

— Какие шутки, жена так пошутила, но пять ребятишек, и здоровье не ахти...

— Говори адрес — оформлю запрос от республики... А куда ты их прикажешь?

— В этом и загвоздка...

В микрорайоне только четырёхкомнатные. Есть квартира хорошая, но там ремонт.

— Это не беда, пока ребята в отгулах — помогут. Сами отремонтируем, есть запасы небольшие.

— Тогда завтра и приступай.

— Спасибо, ата!

— Девушка, мне Подгорье, да Ленинградская, жду.

Наконец сонный Люсин голос:

— Слушаю.

— Люсенька, здравствуй! Слушай внимательно. Должен придти запрос, из Казахстана, собирайте быстро манатки и не шути больше, ладно? Как вы там?..

— Ничего пока... Это какая же даль, Ваня? А у нас гремит рядом, как на углях тут...

— Вот и собирайтесь, берите самое необходимое, учти, что зимы тут холодные. Всё, целуй детишек, пока.

Он тяжело вздохнул, повесил трубку, выключил свет и провалился в бесформенное месиво — сон...

Квартира оказалась просто замечательной, да и ремонт — косметический, он уже и колер подобрал, часть мебели оказалась ненужной, свезли на склад, там подобрал крепкие венские стулья и пару столов своим ученикам, хорошую двуспальную кровать для Людмилы, трюмо, для неё же, себе стол в кабинет и диван черной кожи.

Семье очень повезло, большую часть пути пролетели на попутном самолёте, вещи шли багажом, а они нагрянули, только последний мусор выволокли и помыли полы. Вот это была радость! Облепили ребятишки со всех сторон...

— А ты где будешь?

— У меня кабинет.

На том и всё, и вся...

— Зашёл в Райисполком. Ата кивнул, закончил разговор

— Вот подыскиваю тебе место, Иван.

— Не беспокойтесь, дорогой, зашёл поблагодарить за квартиру и семью. Будьте своим в любое время! А работу найду на комбинате, по специальности.

И верно, тут же назначили заведующим лаборатории, которую нужно ещё и организовать... Иван подобрал трёх девушек, уважающих химию, очистили помещение, заказали полки и шкафы, получили на складе ретор-

ты, пробирки, колбы, перчатки и штампы, только наладили работу, как Ивана назначили начальником отдела качества производства. Вот тут он развернулся в полную силу своих знаний. Теперь от приёмки материалов до выпуска продукции — весь процесс был на виду и каждый на месте отвечал за то, что производил.

Комбинат поднялся из ничего за девять месяцев, как родился. Своими резервуарами и печами походил на какое-то доисторическое чудище, коптил небо так вонюче — дышать было нечем, когда задует из пустыни...

Иван Николаич, давно обдумывал эту беду, чертил эскизы, делал выкладки... Когда идея втиснулась в чертежи и кальку, он позвонил директору.

— Семён Янович, минутка найдётся?

— Для вас всегда, возмутитель спокойствия. Заходи!

И вот они сидят у огромного стола, включён только настольный свет, и кабинет тонет в полусвете, в самом углу открыто окно, и штора ходит волнами, придерживая морозный воздух...

— Так... Я слышал о твоих замыслах и понимаю, что нужно поддержать, хоть основное — это план и только план! Фронт требует, товарищ Сталин тоже требует.

— Знаю, Семён Янович, и просто так, не стал бы беспокоить. Коротко о предложении... Мы очищаем дым от серы, примерно тридцать тонн.

— Сколько?

— Так показали расчёты — вот здесь посмотрите.

Улавливаем до пятнадцати тонн золы, которая на песчаных грунтах на вес золота.

И ещё куча элементов, которые пригодятся нам для присадок.

— Затраты полмиллиона, прибыль... около трёх.

— Батенька, но так не бывает!

— Как видите...

— Пока не вижу... Главному показывали?

— Нет... Он всё моё принимает в штучки.

— И всё же завтра покажите, он умница, поймёт, а не поймёт, — это уже другая часть истории. Я прикажу спустить всё это в цех и начать незамедлительно. Но и вы заглядывайте почаще, зам у нас башковитый... справится. А там будут и утряски и переделки, небось, дело новое, а если получится, то сколько комбинатов и какая экономия...

За месяц, вчерне, справились. Установили на место. Испытали, оказались слабоваты фильтры первичной очистки, заменили на оптимальный вариант.

Когда вышли на восемьдесят процентов от номинала, то перевалили уже стопроцентную отметку прибыли. И тут появился главный инженер, приказал свернуть эксперимент, не объясняя причины. Директор узнал об этом стороной. Он понял, что что-то не так и приказал парткому собрать заседание, где и поставил вопрос ребром:

— В чём дело, Павел Павлович?

Тот долго молчал и выдавил.

— Не время заниматься экспериментами...

— Которые приносят даже такие прибыли? — спросил директор.

— Павел, ты не прав, — обратился к главному его друг, старый металлист.

— Что с тобой происходит? Ты хоть знакомился с проектом Зорина?

— Нет и не стану!

— Тогда нам придётся проститься с вами, Павел Павлович.

— Попробуйте!

И попробовал директор.

И вот что из этого получилось. Пришёл запрос из Ставки, на Семёна Яновича, генерала в отставке, главного отослали в депо, где строились понтонные переправы, Иван Николаевич назначен директором, место главного пока вакансия.

Говорят в атаке коней не меняют, но нужда заставит... иной раз.

Как бы не так, а на работу комбината — эта пертурбация почти не отразилась. План был перевыполнен, броня отправлена, комплектующие поставлены, плавки шли своим чередом. Иван Николаевич влезал в шкуру директора, вгрызаясь в препятствия, преодолевая ухабы и рытвины. Дома месяцами не бывал...

И вдруг звонок сына Володьки:

— Папа, а мамочка закрылась и не отвечает...

— Лечу, мой дорогой!

Через десять минут были на месте, он по дороге вызвал скорую.

Иван поднажал на дверь, отсунулся и упал стул, и они бросились к Людмиле.

Та лежала на кровати, белее простынь. Фельдшер пощупал пульс, рукой померил температуру, потом послушал лёгкие..

— Помогите, нужно срочно в больницу.

Он помог им вынести Люсю на носилках и уехал в больницу, предупредив Володьку:

— Глядите тут.

Он за детей не волновался, старшая дочка Аня, как звали Нютой, была непререкаемым авторитетом, умела и постирать, и приготовить, и накормить, защитить, если нужно. Люся — другое дело. Она и всегда-то здоровьем не отличалась, а после поскрёбыша и совсем сдала, как подрезали крылья...

— Не хочу пугать, Иван Николаевич, сказал выйдя из палаты врач Марат, у больной начал развиваться туберкулёзный процесс, хорошего мало, но и отчаиваться не нужно, сейчас это излечимо. Рецепт вам — два пункта — лекарства, третий — сходите на рынок, купите барсучьего жира — помогает, только берите у Ашота, предупредите, что от меня.

И пошла жизнь на разрыв, два месяца он носился между работой, больницей и домом, пока Марат, не сказал:

— Можете забирать домой, но нужно сделать так, чтоб она была в семейной каше, не оставалась одна... слишком мнительна.

— Фу, — выдохнул он, садясь в служебную машину, — слава богу, всё путём, давай, Валера, не торопясь, по главной. Я так и не знаю городка и прилипал комбината. Некогда голову поднять...

Они пробрались на самую окраину, светящийся огнями комбинат был как на ладони.

— Красиво. Ишь сколько света жжём. Непорядок. Напрямки доберёмся?

— Пожалуй, застрянем — сугробы.

— Тогда объезжай, да выключим ненужные прожекторы.

Место главного не давало покоя. Был у него человек. Станислав Иванович Чиж, Стася, друг, да где он?

Сделал запрос «такого в списках армии не числится». А тот сам разыскивал друга. Он был в командировке и попал в брянские леса, к партизанам, как только вышел в войска, так и подал в розыск.

Ночью раздался звонок. Иван взял трубку.

— Минутку, плохая связь... Ванька, чертяка, дозвонился всё же!

— Стаська? Друже, паняй ко мне. Литер и всё остальное, в штабе дивизии сейчас распоряжусь. Ты мне, как воздух... — и связь прервалась.

Через недельку нарисовался дружок, отощавший, как был, в цивильной потрёпанной одежде. Узнаю друга. Стесняется с иголки штанов да гимнастёрки, портупеи и пистолета с планшеткой...

— Давай, грешник, в ванную, полчаса на сборы, самолёт ждёт...

И вот мы рядом — он впереди, я сзади, двадцать минут полёта и область под крылом. Потом кабинет первого секретаря...

— Хорошо, проверим, пока с испытательным сроком. Дерзайте, молодые люди.

— Вот твой кабинет, влезай и помни, что сейчас военное время.

— Знаю всё, Ваня, шкурой почувствовал... там ещё нагляделся. Что они творят сволочи... Уму непостижимо...

И Иван почувствовал себя устойчивее, а немного погода и посвободнее. Оставалось время подумать, пообщаться с семьёй. Люся, перестала дичиться, не прятала любящих глаз.

И пригласила на ночь в спальню...

Аня очень переживала из-за разрыва родителей, она обожала отца и любила маму, но что могла поделать, хотя мамин поступок не одобряла, знала, как отец любил её. И вот теперь была счастлива их примирению. Сама Нюта похорошела, да так, что встречные мужчины глядели вслед... Это и тешило душу девушке и пугало своей тайной... Она чувствовала, как неведомые силы бушуют в её молодом теле, какие-то новые чувства тревожат её на зорьке, налились вдруг груди, пробились волосы...

Однажды Люся поднялась пораньше, хотела скорее принять душ, а Нюша поспешила и не набросила крючок...

Мать стояла и любовалась дочкой, а та застеснялась...

— Красавица ты, у меня, Нюш... Надо тебе spravить новые вещи.

— У меня много...

Мать улыбнулась, вспомнив смущение дочери, как только отставили кастрюлю с борщом в сторону — засобиравалась...

— Аня, собирайся, детка.

— Так мне в школу, мама.

— Сегодня для тебя праздник. Пойдём...

Пришёл Иван, разделся, помыл руки и вошел в столовую, глянул на Нюшу и остолбенел.

— Нюш, ты?

— Я, папа, — а сама чувствовала себя раздетой перед отцом.

— Красавица... как мама, ух!

И это «ух» как-то раскрепостило её, она почувствовала себя свободной и уютно — отец одобрил!

Ужин был скорый, но сытный, чтоб до утра не урчало в животах.

— Женщины, как вы смотрите, чтобы посетить цветущую степь, залезть на старые барханы, покушать настоящего плова?

— Я с удовольствием, родной.

Аня только кивнула согласно.

— Не удивляйтесь гостю, он только появился...

— Кто?

— Кто, папа?

— Сюрприз, дети. За вами заедет автобус, собирайтесь помалу.

Аня расположилась за вынутыми столами, Асай командовал, разделал барашка, вырезал филей, часть курдюка. Аня резала помельче, мыла в тазу. Горел костёр, в казане нагревалось постное масло, потом обжаривалось мясо и курдюк, после лук и морковь, и только после вывалили заранее приготовленный рис и пару головок чеснока, залили чистой воды, накрыли крышкой, и тут подкатила заводская машина. Аня поглядела, как вылез отец, отвернулась отогнать надоедливую осу, когда подняла глаза — что-то у неё как оторвалось внутри. Рядом с отцом стоял Стась... Кого она больше любила? Отца или Стася? Ей казалось — одинаково, а почему же оно оборвалось так сладостно? Почему спирает дыхание, она ещё только увидела, что будет вблизи?

А ничего не произошло... Пригвождённый красотой девушки, Стась поздоровался за руку... А увидя откровенный серый взгляд, поспешил подойти к ребятам. Он был лет на семь моложе Ивана, блондин, башка с залысынами и глубокие голубые глаза, как два колодца.

Нюша не знала, куда себя девать... «за руку, надо же...», и вдруг поймала его взгляд издалека... Боже, что в нём было?

А тот, взбежав на малый курган, хулил себя: «Сдурел что ли? Она же дочка друга... А как сердце? Ему не прикажешь...» Он стоял, пришибленный положением, в котором оказался, когда рука легла на плечо, и Иван сказал:

— Сразила? Вот и меня неделю тому.

— И как быть? Что прикажешь делать?

— Ты уже решил, друже...

— А Нюшины взгляды и так красноречивы. Дерзай, буду только рад.

Станислав обернулся, обнял друга и скатился с кургана, он был окрылён.

Они поселились в дальней комнате. Как выдавалась свободная минута и можно было оторваться от дел — она летела к своему Стасю, который знакомился с делами комбината, садилась в сторонке и любовалась занятым мужем, у неё сердце ёкало от счастья, а тот, чувствуя её взгляд, отрывался от дел, подсаживался поближе и они страстно целовались, если никого не было из младших.

07.11.20

*Екатерина Алексеева
(Россия, Санкт-Петербург)*

ПОЕЗДКА В ДЕРЕВНЮ (Из серии «Приключения Моти»)

Каждое лето Мотя с Феликсом едут на отдых в деревню. Путь этот не легкий, дорога занимает восемь часов, если считать от точки до точки. Весь год Мотя радостно предвкушает эту поездку, каждый раз надеясь, что путешествие пройдет налегке с одной маленькой сумочкой. Но как бы не так! В эту поездку, оказалось, необходимо взять ватный матрас и большую сумку старых книг для деревенской библиотеки Феликса.

На семь часов утра было заказано такси. В назначенном месте, около конторы нотариуса, супруги тревожно выглядывали из-за горы сумок. Как они опасались, машина в назначенное время не пришла. Водитель заблудился. Он объяснил это тем, что ему не сообщили номер дома. Слово «нотариус» он прочитать не смог, хоть и не признался в этом. Доказывая свою причастность к «всемирному представлению» под названием «коронавирус», на лице шофера красовалась черная маска. Мотя с Феликсом отнеслись к опозданию и черной маске с пониманием, заметив под маской лицо человека, не обязанного уметь читать и говорить по-русски в силу своих национальных особенностей.

Несмотря на первое неприятное впечатление, супруги были доставлены на вокзал вовремя. Случилось даже то, что раньше не случалось никогда — Феликс дал водителю хорошие чаевые. Мотя поинтересовалась, почему он это сделал?

«Мне понравилось, как быстро он нас довез и помог выгрузить тяжелые сумки» — был ответ Феликса.

Устроившись в комфортабельном автобусе и проехав значительную часть пути, Мотя обратила внимание Феликса на удивительно хорошее качество дорог, автобус никогда не шел так плавно и бесшумно, как в этот раз. Даже маленькие дороги, шедшие в стороны от центральной были практически безупречны.

«Ну вот! С дорогами стали разбираться, может быть теперь и до дураков дело дойдет!» — сообщила она Феликсу.

На что Феликс только прищурился, откинувшись на спинку кресла в надежде вздремнуть. Его надежда оказалась напрасной. Соседнее место заняла старуха с лицом, напоминающим засохшую буханку хлеба. Она с упоением рассказывала попутчице историю своей жизни. Судя по всему, старуха гордилась тем, что родилась и выросла на Васильевском острове. Она повторяла это так часто и настойчиво, что невольно закрадывалось подозрение в правдивости этого факта. На протяжении всего пути эта старая женщина не сомкнула глаз и не закрыла рта. Попутчики вынуждены были

узнать все трагические подробности переезда семейства старухи в поселок Крестцы. Ее рот отдыхал от рассказов только в минуты поглощения старухой пищи для поддержания своих угасающих сил. В эти моменты по автобусу распространялось благоухание давно протухшего кушанья.

То ли запахи из пакета старухи, то ли холодный воздух из кондиционера, сложно сказать, что послужило основной причиной, вызвавшей у Моти сильный приступ кашля. Она почувствовала, что больше не может сдерживать щекотящее першение в горле. Мотя понимала, что сейчас, когда мир в опасности, любой кашель или чих может послужить основанием для серьезного конфликта. Чтобы как-то его предотвратить, она попыталась засунуть себе в рот дорожную подушку, но и это не помогло, предательский кашель прорвался наружу. Мотя замерла в ожидании реакции пассажиров. Было ощущение, что все дружно напряглись, а лица превратились в непроницаемые маски, но никакой бурной реакции не последовало. Мотин кашель заставил понервничать Феликса, он тревожно поглядывал то на Мотю, то на пассажиров, потом достал маску, предложив ее Моте. Она отклонила его предложение, предпочтя выпить глоток воды. После чего она почувствовала, что першение в горле прошло и больше кашлять не хочется.

Вторую половину пути супруги проехали спокойно. На станции Крестцы вышла старуха со своей собеседницей, при этом они оставили на спинках сидений обертки и фантики от своей трапезы, что еще раз послужило подтверждением догадки Моти о том, что старуха не была жительницей Санкт-Петербурга, иначе она обладала бы хотя бы каплей хорошего воспитания.

К пятнадцати часам супруги прибыли в городок под названием Демянск. Мотя любила историю и знала много неизвестных большинству людей фактов. Она рассказала Феликсу о том, что на самом деле настоящее название этого городка Дымянск от слова Дым. Он известен еще с глубокой древности, так как служил пограничным городом между двумя русскими княжествами, а в пограничных городах того времени часто зажигали костры, распространяющие дым. Но как это часто бывает, с веками названия искажаются, а подлинная история скрывается.

Как известно, первое, что видит турист, приезжая в новый город, это вокзал. Зачастую он видит только вокзал, находясь здесь проездом. Поэтому мнение о городке складывается, только основываясь на вокзальных впечатлениях. Вокзал Демянска уже на протяжении многих лет не меняется. Его здание очень напоминает большую морозильную камеру. Помещение в форме коробки с большими окнами во всю стену не отапливается даже зимой, камер хранения не предусмотрено. Туалет — это особая «песня». Его можно показывать в качестве учебного пособия для подрастающего поколения, как пример из жизни людей, вставших на путь вымирания. С виду это сооружение напоминает зловонный, покосившийся сарай, разделенный на две половинки перегородкой. В деревянном полу вырезаны по две дырки. Весь пол до самого входа и сами дырки покрыты кучками, напоминающими норы крота, только живут в этих норах черви и мухи. Все это «великолепие» присыпано разноцветным мусором. Посещать такую «милую» уборную можно только с риском для жизни, поэтому большин-

ство пассажиров справляют свои нужды в соседнем кустарнике из зарослей лопуха.

Довершает мрачную картину вокзала новенький, деревянный домик с вывеской «Контора ритуальных услуг» и традиционная для советских времен статуя на площади в пиджаке с рукой, указывающей вникуда.

Добро пожаловать, дорогие гости, в славный городок Демянск, находящийся между Санкт-Петербургом и Москвой! Как утверждают местные жители, названный в честь какого-то Демьяна. Почему этот Демьян удостоился такой чести, никто сказать не может. Наверное, тот человек на площади и есть тот самый Демьян.

Выгрузив вещи из автобуса, супруги стали озираться по сторонам, в надежде увидеть свободного таксиста. Мотя заметила в одной из стареньких машин скользящее лицо водителя.

«Довезете до Лужно?» — она произнесла название их деревни с ударением на букву «у».

Водитель сделал вид, что не понимает, и с важным видом произнес Лужно с ударением на букву «о». Мотя кивнула в знак согласия, а про себя подумала: «Надо же какой щепетильный! Произношение мое ему не понравилось! Любят выпендриться эти деревенские, а сами ни одного предложения без нецензурных слов произнести не могут. Между прочим, после дождя в деревне очень даже лУжно, а не ЛужнО».

До деревни предстояло проехать еще двадцать километров. Водитель хорошо знал дорогу, поэтому без лишних вопросов Мотя с Феликсом были доставлены к воротам своего деревенского дома. Началось счастливое время летнего отдыха в наслаждении тишиной, свежим воздухом и приятным трудом на огороде.

Бах Ахмедов
(Узбекистан, г. Ташкент)

МОКРЫЙ СНЕГ

Кто-то из великих (не помню, к сожалению, кто именно) сказал, что суть творчества — это не самореализация, не тщеславие и не честолюбие. Творчество — это чуть ли не единственный способ не сойти с ума от жизни...

Думаю, что это действительно так. Во всяком случае, на 75% так. Но парадокс в том, что само творчество — это ведь тоже немного сумасшествие. Любое настоящее творчество, не вторичное, а настоящее, всегда балансирует на грани безумия. Это всегда, перефразируя название известного фильма, «игры с разумом», игры с inferнальными силами. И неизвестно, куда эти игры заведут, и на чей стороне будет победа.

Так что получается, что творчество — это движение по тончайшей грани, меж двух огней. Шаг влево, шаг вправо... и ты пропал. Впрочем, если успел написать что-то настоящее, то может, и не совсем пропал.

Старик с какой-то странной улыбкой выслушал этот мой сбивчивый монолог и отстраненно кивнул головой.

Меня это задело.

— Вы что, не согласны? — спросил я с вызовом. Я-то знал, что он всю жизнь мучился этими же вопросами (пять сборников стихов, из которых почти все канули в Лету, две повести, штук 20 рассказов, которые многие находили намного выше стихов).

— Все это старо, как мир, молодой человек... Я-то думал, что Вы хотите поделиться чем-нибудь интересным.

— Да я и хотел, но Вас, кажется, удивить трудно. Это даже немного грустно.

— Поживите с мое, и Вам будет трудно удивить...

— Ну что ж... спасибо и на том. Мне пора.

Старик снова кивнул, еще более отстраненно. Я вышел из его комнаты, которая навевала на меня тоску своей обстановкой.

В ней словно все кричало о бесконечном одиночестве и медленном угасании.

Мне хотелось плакать...

Простая человеческая жизнь, ее окончание, оказалась намного пронзительнее, точнее и важнее любых философских и психологических концепций.

На улице шел мокрый снег... Фонари горели через один, власти экономили электричество.

Было почти десять часов вечера, и я не знал, вызвать ли мне такси или идти домой пешком под мокрым снегом.

Пройдусь немного, подумал я, а там видно будет.

Но видно было плохо, и я решил все-таки вызвать такси. Сунул руку в карман, и вдруг обнаружил, что забыл свой телефон у старика.

Ругая себя самыми нехорошими словами, я вернулся к его дому. Зашел в полутемный лифт с исцарапанными и исписанными стенками. Нажал на оплавленную кнопку, на которой едва была различима цифра «8».

Лифт долго думал: везти меня или нет. Потом все-таки фыркнул и решил отвезти. Сделал одолжение.

Я подошел к квартире старика, поднес руку к звонку и замер...

Почему-то мне стало страшно возвращаться.

Почему-то я вдруг почувствовал, что откроет мне совсем другой человек. А может, и не человек вовсе...

И в этот момент из глубины квартиры раздался знакомый голос: «Ваша трубка звонит». Меня бросило в холодный пот от ужаса...

А в следующий момент я проснулся...

Сердце колотилось, в горле пересохло...

За окном был серый, полутемный, унылый, зимний рассвет.

Шел мокрый снег.

Вечный мокрый снег.

Вечный привет от Федора Михайловича.

Вечный привет...

РАЗГОВОР С ДОЖДЕМ

Хотел было написать стишок про дождь, но он мягко прикоснулся к моей руке и сказал: «Не надо». На мой вопрос, почему не надо, дождь ответил: «Ты уже написал столько стихов обо мне, что еще один посредственный стих ничего не прибавит».

— Значит, они тебе не нравятся?

— Честно сказать?

— Конечно, честно.

— Нет, не нравятся.

Я приуныл. Жизнь на глазах распадалась на бессмысленные капли дождя.

— Ни одна строчка?

— Ну может, одна какая-нибудь и понравилась.

— Какая же? — в моих глазах мелькнула надежда.

— Прости, не помню...

— Значит, ни одна.

— Не расстраивайся ты так, у тебя еще все получится.

— А может, у меня бы получилось сегодня, но ты все испортил, — обиженно сказал я.

— Сегодня точно не получилось бы, иначе я бы не остановил тебя.

— Откуда ты знаешь?

— Я все про тебя знаю. Даже то, что ты сам про себя не знаешь.

— Мне должно стать страшно?

— Да нет, это я так, к слову.

Мы помолчали. Я смотрел в окно, дождь — тоже, только с другой стороны.

- Ладно, мне пора, — сказал дождь, — я тебя еще навещу на днях.
Согласно прогнозам гидрометеоцентра.
— Послушай, не уходи просто так.
— В каком смысле?
— Пообещай мне, что к следующему разу напишешь... стишок про меня.
— Ты серьезно?
— Вполне.
— Боюсь, что он тебе вряд ли понравится.
— Ах да, ты же у нас сама честность...
— Не в этом дело.
— А в чем?...
— Давай оставим эту тему.
— Так ты напишешь?
— Я подумаю... Не грусти, все будет хорошо.
— Ну да, ну да, все так говорят.
— До встречи!

Дождь пошел дальше, по своим делам. А я остался сидеть, тупо глядя на давно остывший кофе в чашке и пытаюсь собраться с мыслями. И конечно, мне было очень грустно, несмотря на пожелание моего честного друга.

Передо мной лежал чистый лист бумаги, на котором я успел написать только три слова: «Твое лекарство от дождя...»

Да, лекарство от дождя.... Три раза в день, после еды. По одной таблетке. А может, это все-таки лекарство от себя?

*Наталья Менендес
(Россия, г. Кинешма)*

НА ПЕРЕПУТЬЕ

Гладкий серый с перламутровым отливом тротуар внезапно оборвался. Потрескавшийся асфальт покрыла густая хлюпающая жижа, которая вытекала из ржавой трубы, торчавшей у края тропинки. Она была злобонная, тёмная с ядовито-зелёными и рыжевато-поносными прожилками. Грязь шипела и расплзалась, занимая всё пространство вокруг.

Андрей огляделся по сторонам. Слева возвышалась толстая стена ограждения, за которой виднелся роскошный, затейливо украшенный дворец. Прохода внутрь видно не было. Сверху на него пристально глядели холодные глаза камеры наблюдения. Вправо от грязной лужи шла узкая твёрдо вытоптанная тропинка. Она петляла среди зарослей крапивы и репейника, спускаясь в глубокий овраг, заваленный пластиковыми бутылками, пакетами, банками, лохмотьями какой-то одежды. Идти в эту сторону было абсолютно бессмысленно. А впереди за грязной и вонючей лужей снова была ровная дорога, поднимающаяся вверх к зелёному пригорку, на котором, приподняв золотой шлем куполообразной главы, возвышалось белоснежное тело храма.

Андрей решил, что нужно идти прямо. Он долго стоял на перепутье, и, прикрыв рукой глаза, вглядывался в ослепительные солнечные блики позолоченных куполов. Потом решительно шагнул к трубе и почувствовал, как грязь проникла в ботинки и стала подниматься выше, засасывая его. Жижа забивала рот, стало тяжело дышать. Андрея затошнило.

Неожиданно яркий свет ослепил ему глаза. Он зажмурился и открыл их.

— Слава тебе Господи! — это всего лишь сон.

Некоторое время Андрей лежал в постели в каком-то оцепенении, стараясь отогнать странный сон. Затем потянулся и вслух сказал себе:

— Вставай! Опоздаешь на работу.

И тут же поморщился. Мысли о работе были ему так же неприятны, как и его сон.

— Опять склоки, ненужные пустые разговоры, за которыми не остаётся времени сделать что-то интересное. Когда это закончится! — с раздражением подумал он.

Андрей работал в проектном бюро, которое раньше разрабатывало проекты клубов, театров, домов культуры. В былые времена заказы так и сыпались из разных уголков области, а последние годы всё это оказалось совсем не нужным. Нет, конечно, без работы они не остались. «Новым русским» потребовались бары, развлекательные центры, казино. Они строили с размахом, но это была лишь видимая часть айсберга. На безопасность и тому, что Андрей считал в строительстве основным,

они не обращали внимания. Экономили там, где экономить было нельзя. Андрей слыл человеком не сговорчивым, не умеющим приспособляться. И это позволяло коллегам его постоянно обходить. Все наиболее выгодные заказы были у кого угодно, но не у него. А ведь он был одним из лучших специалистов. «Кому сегодня нужно то, что я умею», — с горечью думал он.

Эти мысли ещё больше усилили нежелание вставать, и ему пришлось собрать остатки всей своей воли, чтобы, вытянув длинные, покрытые золотистым пушком, ноги выпрыгнуть из-под одеяла.

Андрей быстро подошел к зеркалу и, взяв с полки бритвенный станок, уставился на своё отражение: «Лицо помятое, волосы торчат в разные стороны, глаза какие-то тусклые. Синева под ними. Да ещё волосы на подбородке где рыжий, где тёмный... пегие какие-то! Тьфу! И бритва не бреет!»

Он всегда был недоволен своей внешностью. И может именно это подстёгивало его желание быть элегантным и аккуратным. Быстро завершив утренний туалет и облачившись в хорошо сидящий костюм, он взглянул на себя более благосклонно: «А ничего выгляжу. Моих пятидесяти совсем не видно. Рано ставить на своей карьере крест. Вчера обошли, так может сегодня повезёт?»

Да, вчера его действительно обошли, а точнее, поступили очень непорядочно, и не кто иной, а его лучший друг. Подло, из-за спины нанёс ему удар.

Он случайно услышал обрывок разговора:

— Что вы! Такой проект и Андрею Борисовичу? Нет, нет, только не ему. Намучаетесь, гонора слишком много, — говорил его друг тихим доверительным голосом клиенту, с которым Андрей наконец-то нашёл возможность договора, устраивающего обе стороны.

— А нам его рекомендовали.

— Не переживайте, у нас есть молодые, перспективные проектировщики.

Этим «перспективным» был, конечно же, его собственный зять.

«Фу, противно-то как, — поёжился, Андрей, — и как теперь работать вместе, просто не знаю. А может плюнуть на всё и начать заново в другом месте?»

«Тёмная полоса» захватила не только работу, но и семью. Жену постоянно раздражали его неумение приспособиться, заработать большие деньги. Конечно, они не нищенствовали, к тому же он не пил и не лежал с газетой в руках на диване, но, привыкнув к хорошему достатку в прежней жизни, она просто стала считать его неудачником. Нервозность и громкие скандалы постепенно сменились безразличием. Она стала жить своей обособленной жизнью, в которой ему не было места.

Вот и сегодня утром он пил чай в гордом одиночестве. Жена ещё вчера ушла к подруге. «А, к подруге ли? Хорошо, хоть дети этого не видят, живут далеко. Уже взрослые и на своих ногах...». Такие мысли всё чаще мелькали у него в голове.

Но мысли мыслями, а опаздывать на работу нельзя.

Он торопливо выскочил на улицу и зашагал к знакомой кособокой остановке, исписанной вдоль и поперёк привычными заборными выражениями.

На его счастье, автобус уже подъезжал. Он протиснулся в заднюю дверь в переполненный салон. Впереди кряхтела и охала маленькая старушка. Справа на сиденье со спокойным и безразличным выражением лица сидел парень.

Андрей не выдержал.

— Молодой человек, пожалуйста, уступи бабушке место.

Тот нехотя, с недовольным видом, стал подниматься, видимо надеясь, что старушка откажется. И она оправдала его ожидания.

— Ладно, ладно, милый, сиди. Мне недалеко.

Но, посмотрев на неказистую старушку, вытащив из дальнего уголка своей души остатки совести, парень пробурчал:

— Нет, уж, садитесь.

Покрахтывая, бабушка уселась.

Андрей ехал до конца маршрута. Автобус постепенно стал пустеть, и за несколько остановок до конечной Андрей присел рядом с бабушкой.

— Спасибо, милоч, — сказала она ему, — сердечный ты. Помогли уж мне ещё немножко. Вот в толпе шнурок оборвался, боюсь не потерять бы.

Она разжала руку, и он увидел в её морщинистой ладони небольшой крестик.

— А что сделать, бабушка?

— Расстегни мне карман, руки-то заняты, самой никак. Там платок...

Он достал из кармана завязанный узелочком платок.

— Разверни и положи туда крестик.

Он развернул и увидел деньги, свёрнутые трубочкой и завязанные резинкой.

— Так тут деньги, бабушка!

— Ничего, милый, положи в другой уголок, не рядом с деньгами.

— А куда ты собралась, бабушка, да ещё с такой суммой?

— Строителей нанимать. Хотим мы с подружкой в нашей деревне Дунихе храм построить, вместо того, что разрушили, когда мы ещё маленькие были. Нет у нас храма, да и от деревни-то восемь домов осталось.

— Так зачем вам храм?

— Ой, миленький, жизнь всегда около храма начинается! А у нас жизни совсем не стало. На восемь домов восемь бабок да один дед. Мы с Петровной не пьём, а остальные напрочь спились от нечего делать.

— Так почему делать нечего? Ведь семьи, наверное, есть?

— Все далеко, в городе. Что у нас делать? Ни работы, ни магазина, ни клуба... Приедут на один день — и обратно в город.

— Так может вам лучше магазин и клуб построить.

— Потом можно и магазин, и клуб, а сначала — храм, милый. Уж больно на душе у народа темно.

— А на что строить будете? Это весь ваш капитал?

— Да, пока весь, милый. Мы с Петровной год копили, а остальные не хотели. Пропивают всё.

— Ну и задача у вас!

Автобус резко затормозил и остановился. Андрей взял из прохладной бабушкиной ладони крестик. Он был старинный, изящный, но недорогой, из обыкновенной меди. Солнечный луч скользнул по гладкой поверхности, и внезапно в переливах и бликах Андрей, как в зеркале, увидел белоснежную церковь с небольшим золочёным куполом.

— Так говоришь, бабушка, деревню Дунихой называют?

— Да, да, милый. И кирпичи у нас есть. Недостроенный телятник рядом, его уж списали. Всё равно телятника-то не для кого строить.

— А тебя, бабушка, как звать?

— Так бабой Дуней и зови.

— И ты — Дуня! Это — замечательно. А найми-ка ты меня, баба Дуня, в строители. Я и спроектирую и построю вашу церковь. Это я умею.

— Так с радостью, милый. А жить тебе и у меня можно. Денег то мы с Петровной ещё подкопим. Ей дети хорошо помогают, а я одна, мне не много надо.

— Так вы и так знатно накопили! — Рассмеялся Андрей.

Он посмотрел на часы, секундная стрелка стремительно приближалась к цифре двенадцать.

«Опоздал! — подумал он. И тут же успокоил себя, — а может не опоздал, а, наоборот, успел»

Автобус разворачивался. Кондуктор удивлённо спросила:

— Так вы что, не выходите?

— Нет, мы едем, — весело сказал Андрей.

Деревня Дуниха встретила его непривычными для городского жителя запахами, соединяющими цветочные и навозные ароматы. Оглушала непривычная тишина, изредка нарушаемая криками петухов, лаем собак и скрипом ручки колодца.

У колодца стояли женщины и о чём-то оживлённо беседовали. Завидев бабу Дуню с Андреем, они, поздоровавшись, ехидно заметили:

— Что, Евдокия, кавалера из города привезла?

— И привезла! — в тон им отвечала баба Дуня.

— А не сбежит?

— Обогрею да приласкаю, авось и не сбежит.

— Ну-ну давай, молодуха, — захихикали они.

Вид у женщин был довольно потрёпанный, на лицах уже лежала печать, безошибочно выдающая их пристрастие к алкоголю.

Сама деревня производила впечатление заброшенности, из-под которой нет-нет, да и проглянет былой размах, то в виде огромной полуразвалившейся фермы, то большой кучи старой сельхозтехники.

Сначала Андрея всё удручало. Раздражала его и бытовая неустроенность: туалет рядом с коровой, рукомойник с ведром и не просыхающая грязь около скотного двора. Но постепенно он перестал на это обращать внимание. Утром вставал бодрым, переполненным энергии, как будто

сбросил с себя лет двадцать. Быстро завтракал тёплыми лепёшками или оладьями, которые пекла для него баба Дуня, запивая их парным молоком, и отправлялся на свой «святой объект». Вечером, поужинав и немножко посидев на крыльце со своей заботливой хозяйшкой и поболтав с ней о деревенских новостях, он засыпал как убитый.

Иногда на их вечерние посиделки приходила подружка бабы Дуни, которую все попросту звали Петровной со своим мужем дедом Василием. Через какое-то время дед стал Андрею верным помощником на его стройке. Они обедали прямо на стройплощадке, расстелив на траве фуфайку и достав припасы, которые для них заворачивали в белое полотенце баба Дуня и Петровна. За обедом велись неторопливые разговоры, правда, говорил больше дед Василий: выпрашивал у Андрея про его планы, вспоминал молодость, обсуждал житейские проблемы.

Как-то, закулив любимую «Приму», дед Василий сказал:

— Тебя, Андрей, нам Господь послал. Вот кабы меня тогда радикулит не скрутил, в город бы Дуня не поехала. А я, может, и не встретил бы тебя.

— Так говоришь, Господь послал.

— А мне бы, может, и не послал, грешник я.

— Так уж и грешник! Какие твои грехи, — допытывался Андрей.

— После войны один я был на всю деревню. Вот и грешник.

— Так значит и баба Дуня грешница, — усмехался Андрей.

— Она нет, — серьёзно отвечал дед Василий. — Она мово друга Стёпу ждала, хоть он и погиб. А она, дура, всё ждала. Я знал, что он погиб, но тоже не сразу сказал ей. Всё не решался у неё надежду отнимать. А она думала, раз «без вести пропавший» значит можно надеяться.

Дед Василий замолчал и посмотрел в сторону, туда, где белыми барашками присела на кромку леса кудрявая стайка облаков.

Шли дни, недели, месяцы. Стены храма поднялись и начали надевать на своё вытянувшееся тело округлую голову купола. Храм получился небольшой, уютный и вполне соответствующий православной традиции. Деньги, которые баба Дуня отдала Андрею, ушли на строительные материалы, больше пока не было. Андрей горевал, что когда закончит купол, не на что будет отделывать храм.

Баба Дуня тоже вздыхала:

— Милый, ты же у нас без зарплаты работаешь!

— Ничего, баба Дуня. Голодным вы меня не оставляете.

— Да избави Бог! — махала она руками.

Дни становились короче и холоднее. Всё чаще не давал работать проливной, пронизывающий ветер и дождь. Андрей в такие дни прибегал пораньше в тёплый бабушкин дом, где его ждали горячие печка и самовар, да рассказы бабы Дуни о прошлом и нынешнем житье.

Вот и сегодня он торопливо шагал по улице, натянув капюшон куртки на голову, рядом с ним семенил дед Василий. У дома деда стояла, поблескивая перламутровым боком, иномарка. Дед всплеснул руками:

— Ой, никак сынок приехал!

— Откуда приехал, дед? Ты что-то про сына мне не рассказывал.

— А что рассказывать? Я считал, что уж и свидеться-то, может, не придётся. Почитай лет десять за границей живут, а домой первый раз приехали. Еле дождались мы с матерью. Не то что говорить, а даже думать про то тоскливо было.

— Понятно, дед.

— Ну ладно, побёг я, потом тебе всё расскажу.

Дома уже с порога новости ему докладывала баба Дуня. И о том, что сын деда и Петровны приехал насовсем, что хочет здесь начинать какое-то большое строительство, и что сам он человек очень важный.

Андрей не придал особого значения ничему, о чём рассказала ему хозяйка. Но утром на стройку дед Василий пришёл не один.

Андрей подумал, что сын просто захотел уважить отца. Многого от этого знакомства не ждал. И, тем не менее, как-то сразу нашёл общий язык с сыном деда Василия, хоть и не очень любил людей, рванувших на запад за чужеземным счастьем, бросив свою многострадальную родину.

— Любопытствуете, как продвигается строительство, которое начато вашими родителями, да бабой Дуней?

— Да, отец всегда умел удивлять. Будем знакомы, Алекс — сказал он, протягивая руку. И, запнувшись, на своём имени исправился, — Алексей. Взгляд открытый, вызывающий доверие.

— Андрей. Вы и действительно насовсем?

— Да.

— Что так? От европейских-то ценностей?

— При пристальном взгляде они очень смахивают на полицейские. Хотя жизнь там, конечно, сытней и благополучней. Но последние годы проблем там прибавилось.

— У нас тоже не сладко.

— Это точно. Особенно в нашей нечернозёмной деревне. Вот я и подумал, что пора отдавать долги. Больно смотреть на эту разруху.

— Да, пора, — согласился Андрей.

— Твой храм будет всему началом. А отделать я помогу. Это будет мой личный вклад. Оставайся, здесь для тебя будет много работы.

— Надо подумать.

— Думай, но не очень долго. Я бы подождал, но время не ждёт. Решать надо быстро.

Прощаясь, они пожали друг другу руки.

В этот вечер Андрей долго не мог заснуть. Кровать вдруг показалась неудобной, жёсткие пружины давили ему бок. Уже под утро он стал уплывать по волнам зыбкого и знакомого сна.

...Тротуар, по которому шёл Андрей, резко обрывался на перепутье. Из ржавой трубы, торчавшей у края обломившегося бордюра, прямо под ноги вытекала зловонная жижа. Андрей неуверенно озирался. Слева возвышалась знакомая стена, но она была уже не такой высокой, за ней виднелись ровные ряды каких-то аккуратных строений. Справа среди зеленеющей травы вилась тропинка, ведущая в овраг, поросший каким-то кустарником. А впереди на пригорке виднелся белоснежный храм, с гордо поднятой куполообразной головой.

Андрей знал, что ему нужно пройти вперёд, но мешала грязь, которую он не мог никак переступить. Какой-то парень, одетый в стройотрядовскую форму с инструментами в руках, пытался перекрыть вытекающую грязную жижу. Он призывно махал рукой. Неожиданно Андрей узнал в нём самого себя, только из далёкой уже юности. Он подошёл к себе, и взял разводной ключ.

Хлюпающий вонючий поток становился слабее. Грязь сочилась из трубы тоненькой ниткой, которая иногда совсем обрывалась, превращаясь в тягучие капли. Дорога на глазах подсыхала. Андрей вступил на твёрдую почву и пошёл к знакомому храму, сверкающему на солнце высоким золочёным куполом. Яркие лучи, отражаясь от зеркальной поверхности, освещали всё вокруг.

Он оглянулся на трубу. Грязь в ней всё ещё шипела, и труба извивалась, как змея. Но Андрей твёрдо знал, что надёжно закрепил прорыв.

Вокруг становилось суше и чище.

КРАСНОГОРЬЕ

«Жу-жу-жу» — назойливо жужжит над ухом муха. Хочется отмахнуться, но никак не получается. Муха, ловко увернувшись, взмывает вверх. Крылья, переливаясь перламутром, вспыхивают разноцветной радугой, яркой, как дуга сварки, ослепившей случайного зеваку.

Настя невольно зажмуривается от режущего глаза света.

Нет! Это не муха. Это маленький самолётик набирает высоту, а она, прильнув к окну, смотрит на огромную серебристую змею реки, извивающуюся среди полей и лесов. Через некоторое время водная гладь исчезает в поглотившей её зелени. У Насти возникает ощущение, что она летит не на самолёте, а на этом пушистом ковре. Неожиданно бархатный ковёр обрывается, и ей открывается панорама большого села, в виде квадратов и прямоугольников огородов, паутинок расходящихся в разные стороны тропинок, заплаток разноцветных крыш. Пыльная серо-жёлтая дорога, делит село на две части. Это — Красногорье.

— Красногорье! — кричит из кабины пилот.

«Вот и прилетела», — думает новоиспечённый молодой специалист.

«Ответственная работа, самостоятельная, — вспоминает она слова строгого мужчины из комиссии по распределению, — но, я думаю, вы справитесь». Чтобы не выдать охватившую её тревогу, Настя напускает на себя строгость и степенность, которая никак не вяжется с распахнутыми серыми глазищами и пушистым ореолом русых волос вокруг круглого лица.

— Ну, девонька, прилетели, — откуда-то издалека слышится голос пилота.

И снова «жу-жу-жу»

Внезапно Настя понимает, что это звенит телефон, а над ней стоит её хозяйка бабушка Маша и будит её.

— Вставай, девонька, вставай... Из лесхоза звонили, несчастье там в бригаде.

Тревога пробирается куда-то внутрь, под одеяло, и Настя быстро открывает глаза:

— Что-то случилось?

— Парень один поранился, да, видно, сильно. Боятся трогать, хуже бы не наделать. Надо осмотреть сначала.

— Да, да... Я сейчас, быстро!...

Настя вскакивает, на ходу натягивая одежду.

— Потеплей оденься. Холодно, ноябрь на дворе.

«Уже ноябрь, — промелькнула мысль, — три месяца я здесь».

— Беги, девонька, к Степанычу, пусть лошадь запрягает.

Слова донеслись до неё у самых дверей.

Держа в руках свой чемоданчик для экстренных случаев, Настя бежала по чавкающей грязи к колхозной конюшне. Ездить на вызовы в ближайшие деревни ей приходилось уже не раз. Машину в таких случаях, как правило, не давали, и её неизменным сопровождающим всегда был конюх Степаныч.

В маленьком оконце тускло светила лампочка. Пахло навозом, соломой и самогоном. Пофыркивание лошадей заглушал храп, напоминающий голоса нескольких громких, но расстроенных музыкальных инструментов.

Конюх Иван Степаныч, или попросту Степаныч (имя к этому отчеству как будто и не полагалось), распластался на куче соломы.

— Степаныч! Степаныч! — трясла Настя за плечо вусмерть пьяного конюха. — Ну, миленький, ну вставай, мне ехать надо!

— Хрм, хрм, — ничего не понимая, с трудом разлепляя глаза, бормотал конюх. На помятом лице торчали пегие волосы и прилипшая солома. Как только Настя отпустила его плечо, он снова валился навзничь. Отчаянье от бесполезности усилий разбудить конюха сменилось злостью. Настя схватила ведро с водой и плеснула Степанычу прямо в лицо.

— Бр! Бати-мати, ёшкин корень, сдурела, сука, — раздались знакомые ругательства конюха, но глаза при этом приоткрылись, и, по мере узнавания молоденькой и всеми любимой фельдшерицы, на одутловатом лице появлялось выражение вины.

— Дочка, прости, не узнал, думал жена Лушка, а это ты.

— Я, я, Степаныч, мне ехать надо. Запрягай телегу.

— Кудыть?

— Так на дальний участок.

— Дык, не проедешь.

— Как не проеду?

— Дык, развезло.

— А что делать, Степаныч? Там раненый.

— Токмо прямо на лошади.

— Как на лошади? Я не умею.

— Чего уметь-то? Садись да поезжай. Лошадь сама довезёт.

— Ой, Степаныч, миленький, как же я?

— Да не бойсь, пойдём, до просеки провожу, а там прямком, никуда не сворачивая. Ласточка смиренная. Иди сюды, помогу сесть.

Настя неохотно подошла к лошади. Встав на кряжик, с тяжёлым вздохом, она взобралась на спину Ласточки. Степаныч взял переминающуюся с ноги на ногу лошадь под уздцы и повёл к выходу из конюшни.

Дорога, покрытая хлипущей коричневой жижей, упиралась прямо в лес. До рассвета было ещё далеко. Тёмная ноябрьская ночь изменила декорации, и лес представлялся мрачной стеной. У просеки Степаныч отдал Насте уздечку. Сердце её сжалось. Старик почувствовал, что она боится.

— Не робей, девонька. Без седла-то не больно удобно, но ничего, как-нито доберёшься. А сумку повесь через плечо. На вот ремень, возьми.

Настя послушно перевесила через плечо свой чемоданчик. Степаныч подстегнул лошадь.

— Ну, пошла.

Настя тоже толкнула лошадь ногами. Ласточка, не спеша, но уверенно зашагала, видно, маршрут этот был ей известен.

Чёрная труба просеки всасывала в себя странный силуэт — лошадь и маленькую сторбленную наездницу. В лесу стояла бездонная тишина, которая поглощала даже размеренные шаги лошади. «Ну чего тут страшного, лес и лес», — успокаивала себя Настя, но невольно прибавляла то, над чем раньше посмеивалась, слыша причитания бабы Маши: «Господи, спаси и сохрани!»

Ехать до дальнего участка было часа три. Постепенно темнота перестала быть такой густой, и Настя начала различать силуэты деревьев по бокам просеки. Чёрный туннель расширялся и становился светлее. Девушка облегчённо вздохнула, увидев впереди, словно на сцене за раздвигающейся занавесью, какие-то строения и фигурки людей.

Настя подтолкнула лошадь, и она пошла быстрее. Люди, видимо, заметив её, побежали, и она услышала чей-то голос:

— Фельдшерница приехала. Встречайте скорей!

У крыльца небольшого деревянного домика Настя спрыгнула с лошади и почти вбежала в настежь распахнутые двери.

На постели, сильно перепачканной кровью, лежал молодой широкоплечий парень. Он слабо улыбнулся ей, глядя в глаза вопросительно и с тревогой.

Настя стала осматривать его, осторожно освобождая от одежды. На лице были характерные синяки, выступающие вокруг глаз. «Травма головы, только-бы не перелом основания черепа», — забеспокоилась она. Опросив и осмотрев, решила, что с головой всё не так страшно, но вот вместо рук у парня было кровавое месиво. Она ужаснулась. Два пальца висели, что называется, на липочке.

«Отстричь, обработать, зашить, забинтовать», — мысленно проговорила она про себя.

Парень как будто прочитал её мысли.

— Пришей, как я без пальцев-то работать буду, — сердито проговорил он.

— Ты что сдурел? Что тут пришивать?

Она потянулась за ножницами. Парень дёрнулся, отодвигая руку, и грозно зарычал.

— Уйди, не дам!

Он приподнялся, но побледнел и откинулся на подушку. В его глазах блеснули слёзы. Умоляюще глядя на девушку, он тихо прошептал:

— Пришей, Настенька.

Чтобы успокоить его, она кивнула.

— Лежи, не дёргайся. Сейчас пришью.

Разложив инструменты, она опять подумала: «Отстричь, обработать, зашить, забинтовать», но почему-то медлила. Ей вспомнился случай, который она видела на практике. Парень с похожей травмой так же орал и никого к себе не подпускал. Хирург, махнув рукой, сказал: «Да пришейте, всё равно потом отстрижём». Чтобы отвязаться от парня, ему кое-как ришили три пальца. Но, вот чудо — два из них прижились!

И Настя решила: «Была, не была!»

Сделав обезболивающий укол, она аккуратно, кусочек за кусочком, начала сшивать ткани. Потом осторожно забинтовала. Трудоемкая работа продолжалась часа два. Когда она распрямила спину, то увидела, что около неё, затаив дыхание, сидят двое мужчин.

— Ну, ты девонька, даёшь, — покачав головой, сказал тот, что постарше, — прямо Пирогов, да и только.

— Да не Пирогов она, а доктор Айболит, который зайцу лапку пришивал, — засмеялся тот, что помоложе.

Из-за занавески показалась женщина.

— Иди, дочка, я тебя покормлю.

— Сейчас, — откликнулась Настя. Она убрала инструменты и хотела отойти от кровати, но острая боль с внутренней стороны бёдер сковала её. Невольно ойкнув, она встала, как вкопанная. Мужчины переглянулись.

— Что, девонька, отбила тебе Ласточка мягкое место? Как ты без седла-то доехала?

Настя с трудом переставляла ноги, с ужасом думая о том, как поедет обратно, да ещё вместе с раненым.

Пожилой мужчина, который был бригадиром, успокоил её:

— Не переживай, до Красногорья поедете на телеге, вон мороз какой ударил.

Через несколько часов они двинулись в обратный путь. Парень оказался на редкость терпеливый, дорогой почти не стонал и лишь благодарно поглядывал на неё серыми затуманенными глазами. Девушка понимала, что парню очень тяжело и, ухаживая за ним, забывала о своих неприятностях. Приехав в село, она постаралась побыстрее отправить раненого в город на лечение.

Прошло немало времени, а Насте всё ещё было тяжело ходить, и она невольно часто вспоминала своё ночное путешествие. Хлопотная и ответственная работа не давала ей почувствовать себя свободной ни днём,

ни ночью. Она не заметила, как пролетели два предновогодних месяца. Заканчивался декабрь, застеливший всё село белоснежными пеленами и надевший на крыши домов и деревья пушистые шапки.

Приближался любимый Настин праздник — Новый год. Ей очень хотелось домой к родителям, снова побыть маленькой девочкой, о которой заботятся, которую любят и нежат. Но оставить сельчан на выходные дни без фельдшера она не могла, думая: «Мало ли что может случиться».

Настя собралась идти на встречу Нового года с подругами в сельский клуб и даже сшила новое платье, но мысли её были далеко. «Ничего, — успокаивала она себя, — вот отработаю положенные три года и домой». Подруга, которая зашла за ней, всю дорогу до клуба трещала без умолку, но Настя почти не слушала её.

У крыльца стояли весёлые молодые люди, почти всех она уже знала. «С Наступающим...!», — приветствовали их. Они вошли в клуб. Пахло хвоёй, кругом были развешаны разноцветные гирлянды и блестящая мишура.

Когда прихорашивались перед зеркалом, Настя вдруг увидела за спиной знакомые серые глаза.

— Ну, здравствуй, спасительница.

— Вы уже в Красногорье? А я думала, вас ещё не скоро выпишут из больницы.

— Да уж больно мне потанцевать с тобой захотелось, — сказал парень и подал ей руку.

Свежие рубцы были ещё припухлые и красноватые, но все пальцы на месте.

— Сказали, что надо теперь разрабатывать. Так что я к тебе после праздника на приём запишусь. Можно?

— Конечно. Приходите. Только после праздника я ненадолго хотела уехать.

— Не отпущу, — усмехнулся её пациент.

И он, действительно, никуда не отпустил её. А Красногорье на всю жизнь стало ей родным домом. Изредка она вздыхала, вспоминая город. Иногда ей снился похожий на муху перламутровый самолёт, летящий над лесами и полями и уносящий её далеко-далеко... Но это был только сон.

АНДРЕЙ-ВИКТОРИА-АНДРЕЕВ

Россия, Санкт-Петербург

ГЛАЖУ ЛОКОНЫ...

Крылья ангела слышны
И сквозь ветер... за спиною...
Ночи у чужой жены
Проводил от скуки... хною
Рисовал по телу сны
Экзотического плана.
Без интима. Мы дружны
С давних лет. За хулигана
Предпочла пойти. Знаком.
Глуповат и бесшабашен.
Что-то, где-то — всё тайком.
И, непосвящённым, страшен.

Завершил большой эскиз
Во всё тело до рассвета.
Мою кисти. Лёгкий бриз
Набирает сил навета —
Разрушать и разрывать.
Холодок между лопаток.
А она зовёт в кровать,
Улыбаясь виновато...
В первый раз за год. Интим
С хулиганом ли наскучил?
Догма в мире — мол хотим
Каждую, а чем не случай
Самый лучший: всё сама.
От влечения до объятий...
Ветер дерево сломал
За окном... Мне неприятель
Гарантировано в счёт.
Но. Не это напрягает.
До интима мы ещё Друг с подругой,
и шагаем

По одной тропе. Потом?
Без искры любви — игрушки?
Затрещал в порывах дом...
На коленях спит подружка...
Глажу локоны, шепчу
Безрассудное не в тему...
Локон пальцами кручу...
Не желаю пасть в богему...

14.09.2021 г. А-V-A.

ВЫХОДНОЙ...

Любовницу обидел ненароком.
Порвал жене ротвейлер сапоги.
И по стеклу со встречного потока
Ударил «железка»... слов благих
Я с перепугу не нашёл — ругался.
Сапожник покраснеет с идиом.
День выходной с рассвета не задался,
И полетел под горку кувырком.

Осколки выгребаю из салона.
Подсохли и порезы на лице.
По полису придёт треть миллиона,
А сколько по итогам? На дельце
Делец сидит в услугах... умножают
На единицу ноль — выходит сто.
Понятно, не товары дорожают,
А цены пишут абы как и кто.

Да чёрт бы с ними! — к вечеру с цветами
К одной бежать заглаживать вину.
И к ночи заявиться с сапогами
К супружнице, и пережить волну
Телячьих нежностей из мелодрамы.
И ужаснуться прожитым годам...
Гоня телевизор без программы,
Уснуть на путешествии по льдам...

15.09.2021 г. А-V-A.

ВЕЧЕРНИЙ ПОЛУМРАК...

Над Городом вечерний полумрак
В осенний полдень: тучи смотрят в окна.
Под треск свечей я пробую табак
КуриТЕЛЬНЫЙ, турецкий... на полотнах
Детали тшусь припомнить — новодел
С коллегой разбирали до рассвета.
Провинциал искусен, но хотел
За итальянцев выдать три портрета.

Детали и смутили — не учёл:
Одною кистью ставил монограммы.
Один под королевской парчой,
Другой тогда был нищ и стены в храме

В библейские сюжеты одевал.
И кисти соответственны по ценам.
Внимание я обратить призвал
На крупные мазки — руки подмена

На сильную так сразу не видна.
Искусный мастер — женщина, похоже...
Коллега побледнела... вот те на!
Пупырышками покрывалась кожа
От страха? Онемевшие зрачки
Смотрели и не видели... минуту?
Взял за руку... сердечные толчки
Меняли ритмы и тропу маршрута...

Поглаживать стал руку, говорил,
Стараясь успокоить... Понял, дочка.
Красавица. Симфония зари,
Бегущая по травам и листочкам.
Таланту нужен первый капитал.
Не погуби — просила —

всё, что скажешь...

И раздеваться стала... да, мечтал
О коллективной нежности в пейзаже

Реки, полянки, леса под рукой...
Остановил спешащую к расплате.
Я бабник, но не сволочь, и такой
Не буду. Не сегодня. В постулате
Пусть говорят, что вздумают... Домой!
Оставил заключение коллеге...
Любой мог обмануться — Город тьмой
Давно накрыт и заскучал по неге...

16.09.2021 г. А-V-A.

ВРЕМЯ НА РЕМНИ...

Тепло подали в батареи
И свет как будто потеплел.
Натурщиц лампы не грею,
И по-другому мышцы тел
Легли, расправились, другие
Черты и линии фигур...
И взгляды девушек — нагие —
Впервые душами из шкур,
В мир окружающий шагнули.
Улыбки ярче и звончей.
Лепил, спеша, их лица... с улиц
Привёл бродяжек... тень ночей
Всех неприютных да холодных,
Прогнать пытался лишь добром.
Чурались, обе, благородных.
И брали только серебром
За каждый час на постаменте.
Не так. Не то. Пуржило злом...
Случилось чудо? Просто вентиль
Открыл работник, и теплом

Заполонило мастерскую.
Избавив дерзких от брони...
Творю, тихонечко ликую,
И режу время на ремни...

17.09.2021 г. А-V-A.

ЛИДЕР...

Белой гурьбой паруса над заливом.
Ветер умеренно гонит к вратам
Стайку регаты... на пирсе ревниво
Переживают команды — места,
В первой пятёрке отправят в Европу.
На Кубок Мира — восторг и престиж!
Там и подруга моя, мчит галопом,
Снится неделю ей модный Париж.

Вредная — ужас! Сейчас же по Сене
Водным трамвайчиком плыли вдвоём,
Только скажи — нет, из тех поколений,
Что не пойдут обходить водоём:
Плот соберёт из подручных, и — ходу.
Горы предстанут — и их пере... враз!
Девушка в целом районе погоду
Делает взглядом и парюю фраз.

Как так случилось? —

ведь был мизантропом

До происшествия на чердаке:
Небо разверзлось и лились потоком
Тысячи облак сквозь щель в потолке.
Вышел спасать расписные чертоги.
Бегал по доскам какой-то малец...
Перетащили железо с ним, Боги,
Сжалились, дождь отключив наконец.

Разговорились, «Парламента» пачку
Вынул на свет, закурить предложил.
Расхотелась заразно землячка,
И пригласила «домами дружить».
Так и сошлись, заплетая в канаты
Нервы и время, и нежности тел...
Первой в ворота вошла — всей регаты
Лидер, а в общем, и тысячи дел...

18.09.2021 г. А-V-A.

МЫ МЧИМСЯ, НЕ ВИДЯ...

И плачем, и чувствуем боль... вновь беда
Ворвалась в дома и квартиры...
А мимо машины спешили, когда
Шёл в чёрном с ружьём — не в мундире,
Но в каске «под фрица» моральный урод.
Жил с каждым из нас по соседству.
И злобу копил для теракта не год,

ПИСАТЕЛЬ

XXI
век

К удобному случаю средства
Готова заботливо... Кто проглядел?

Родные, друзья и соседи?
Врач, выдавший справку, за дело радел,
Но не приметил в беседе
Унылые нотки к живому вокруг?
Инструктор учащихся в тире?
Да, каждый виновен. И я в этот круг
Зачислен собою — все в Мире!
Один — не одёрнул подростков, когда
Ругаются и сквернословят.
Другая — не видит большого вреда,
Когда её чада готовят
Ответом на шутку кровавую месть:
Другим неповадно, мол, будет.
Один за одним и выходят как есть
Из наших семей — но не люди:
Огрызки, осколки от общих забот.
Без капли любви, состраданий...
И вот — тротуаром — идёт пешеход:
Мы мчимся, не видя и зданий.

20.09.2021 г. А-V-A.

ВЫШЕ НЕБА...

Творить и вытворять умею с детских лет:
Учили нас дворы, семья и школа...
Сегодня правит бал бездушный интернет,
И за руку не дёрнет участковый,

Когда сойдёшь с тропы означенной
судьбой.

Компьютер шаг заметит, но не скажет,
Что лучше для тебя, задай вопрос любой —
Ответов сбросит тысячи, и даже

Примеров выдаст так —
не разберёшь за год.

А надо бы сейчас, да чтобы в душу
Живая капля слов с добром больших
забот

Наставила на путь... водой ли, сушей:

Короче километр плечом к плечу
с родным,

Подругой или другом — пятилетку
Осилите за три... Не страшно быть

смешным,
Страшнее, что не позовут в разведку,

Не доверяя жизнь и планы в долгий день.
Затворнику душой команды не быть...

Пусть интернет и монстр, но человека —
тень.

И никогда не будет выше неба...

21.09.2021 г. А-V-A.

УТОНУЛ В НОЧИ...

На перекрёстке нынешнего с прошлым
Столкнулся ненароком сам с собой...
Японский бог! — казался мне хорошим,
Тот стиль и образ: нитка над губой

Пижонская... причёска, бакенбарды
Весомей, чем у Пресли, как с куста.
И миллионы, что там — миллиарды,
Занять хотели лучшие места

К помосту, на котором я с гитарой...
Вот не сложилось... к лучшему, поверь.
Мечтал он в тайне жить счастливой парой
С любимой... только слёзы от потерь

Расскажут нам кого и как любили.
Кто друг, кто враг покажет нищета...
Смотрел сам на себя... и уходили
Неведомой тропой суета,

Слова пустых и глупых обещаний...
Так и живу — не зная, промолчи...
Махнул рукою парень на прощанье,
И перекрёсток утонул в ночи...

23.09.2021 г. А-V-A.

ЛЮБОВЬ И ФИЛОСОФИЯ...

Копеечки сшибаю... восемь книг
Страниц по двести записал стихами.
Без пошлости, без сплетен и интриг
С евреями, чеченцами, «верхами».

Любовь и философия — конёк.
Ни в коем случае не поучаю.
Живу, как над свечою огонёк —
Стараюсь греть, но больше освещаю

Границы комнаты... пенсионер.
Да инвалид к тому же: жизнь учила...
Мне горько искажение манер,
И стыдно издевательство над чином:

Бездушные и алчные тела
Заполонили кресла в кабинетах
По всей России, воздух полон зла
К вошедшему просителю советов,

Аль помощи — тот вовсе личный враг.
Таковыми нам назначены зарплаты,
И пенсии... ещё чуть-чуть, и наг
Останусь я — уж не на что заплатить

Прилаживать. Да, больно нищим быть
В стране Великих Душ и духа чести.
Не книгу не издать, не прикупить
Квартиру с кабинетом в нужном месте...

02.08.2021 г. А-V-A.

ЧЕРЕЗ ЧЁРНЫЙ ХОД...

С выкройками шёлка
День который бьётся.
Только мало толка,
С неудачи злюсь.

Манекен фабричный
Сколько обшивал.
И теперь привычно
Брал верха, завал

С пояса по юбке.
Выточки скосил.
Дует дева губки —
«Платье не сносить».

Ночью в мастерскую,
Через чёрный ход,
Проведу... Нагую
Обмеряю... пот

Градом покатился...
Ну, хозяин в дверь?
И, со страха, сбился
В мерках... на, примерь...

Грудь на месте, попка...
Круче нужно брать...
Помечаю скобкой,
И велю снимать...

Не успел подняться
На ноги с колен,
Вздумала прижаться
Бритым местом... тлен

Всё на свете... В радость
Только краткий миг...
До рассвета младость
Тешили, да в крик...

31.07.2021 г. А-В-А.

ПРИГЛАШАЮ...

От настигшего дождя
Укрываюсь в галерее.
В залах несколько бродяг
И студентки — лицезреют

Новомодную мазню.
Видел в Городе афиши:
«Панорамы авеню».
Виды из окон и с крыши

Каланчи. Маляр-то трус.
Избегает ровных линий.
Перекладывает груз
На смотрящих... В супермини,

В кожанке стоит одна
У какой-то раскоряки —
Подпись: «Первая жена».
Скульптор и маляр маньяки

Закрываю. Мини, мне,
Улыбнулась... ямки... мило...
Лучик пляшет на окне...
Удаляемся — светило

Радо брызнуть по глазам,
Словно два часа скучало...
Приглашаю: есть бальзам,
Рижский, выпьем за начало...

04.08.2021 г. А-В-А.

КОЛПАК...

Вот всё по мне в красотке: попка, грудь.
Фигурка как гитара... только — сука.
Из тех, что по тусовкам жгут... рискнуть?
Взял книгу «Психология» — наука

Вредила единицам... ночь да день,
С карандашом прошёлся по страницам.
Составил план — взбираться на ступень
Еженедельно должен: у девицы

Знакомых круг, в него войти легко.
В одном районе без протекций можно.
И вечером, «случайно», у ларьков,
Мы врезались друг в друга... неотложной

Нам помощи не вызывали. Сам
Поднялся, и красотку вертикально
Поставил... посмеялись... «чудеса»
По плану разбросал я фигурально...

Устраивать другое не пришлось:
Назавтра и пришла мочить слезами.
Колпак защитный, как шипы у роз,
Оставила за дверью и сказаний

Мне выложила, плача, о себе...
И сотой правды не было во взгляде...
Красивые страдают по судьбе
От трусости мужской... поправил пряди,

И приобняв за плечи, говорил:
Влюблён давно, и хоть в огонь, хоть в воду
Я с ней готов... Готова ли царить
От позднего заката до восхода?

В субботу отмечаем золотой
Год свадьбы... и споем, и потанцуем...
Колпак защитный в общем-то простой,
И рухнет под горячим поцелуем...

05.08.2021 г. А-В-А.

И ГОРОДА, И СТРАНЫ...

Политики одной страны —
 Живущей в долг — толкают
 Весь мир в огонь большой войны,
 Надеясь, что по краю
 Проскочат в будущее —
 там Себя одних и видят...
 А нынче — каждый свой устав
 За главный чтит, и лидер
 Есть в разных нациях — Герой.
 Поставить на колени
 Не всех сложилось... в ровный строй
 Мао Цзэдун и Ленин
 Вносили дразги. Сталин — был.
 Разгромлен либералом.
 Казалось — справились, и тыл
 Устроят генералы —
 Откуда-то из недр стола,
 Достала кадровичка
 Досье отставника, дела,
 Подсвечивая спичкой,
 Смотрел ушедший... Власть отдал,
 Ключи и флаг России.
 Представить не могли тогда,
 Что взял бразды мессия:
 За двадцать лет поднял с колен
 Имперский дух — на силу
 Готов ответить силой, тлен
 Смердит кой-где, росила
 И ржа кругом, но голоса
 Противников всё глуше...
 Разумных манят полюса
 Поближе к русским душам...
 ЛГБТ — феодализм,
 «Зелёная» программа —
 Короткий свет разбитых призм.
 Настанет день — у храма,
 Театра, школы, галерей
 Очнётся разум данный...
 Россия встретит у дверей
 И города, и страны...

04.11.2021 г. А-V-A.

ИНДЕВЕЕТ...

Дождит ноябрь. Раскаты грома
 Пугают залпами, дрожит
 Берёзка хилая у дома,
 Ещё мгновенье — побежит...
 С трудом прижилась к месту, долу
 Клонила крону, уповал
 На силу слова — баркаролу
 По вечерам ей напевал.
 Стихи и проза. Разговоры
 Вел как с любимой и, в ответ,
 Открыла чакры или поры,
 И подарила первый свет.
 Капризна Осень. Днём согреет.
 Туманы сна развеет в прах...
 Вдруг загремело... индевеет
 Берёзка, не скрывая страх...

05.11.2021 г. А-V-A.

БОЛЬШЕ ВЕКА...

В вашем городе — снегопад.
 В Петербурге дожди и ветер.
 Закрывается Летний сад:
 Утепление статуй в свете
 Обещаний «худой» зимы.
 Перейду по мосту Фонтанку.
 Прошлый век... натолкнулись мы
 Друг на друга — удар — изнанку
 Вашей юбки не разглядел.
 Сделал вид — от стыда сгораю.
 От охраны бежал, в суде
 Зачитали надзор... по краю
 Мне с филёрами не пройти.
 Кстати встреча и крик от боли.
 Обещался я вас найти,
 Как закончу на миг гастроли...
 Обещания выполнять
 С детских лет был приучен, ночью
 К вашей двери поставил пять
 Вёдер с розами, и воочью,
 Приглашаю на променада...
 Записала следы столица...
 Всё хожу по ним не попад —
 Больше века прогулка длится...

07.11.2021 г. А-V-A.

НИНА БЕЛАНОВА

Украина, г. Днепропетровск

ТЕНЬ

Дождались макушки лета...
В полдень — жуткая жара!
Тень за мной крадётся следом.
Тень моя вечерним светом
Разукрасилась вчера.

Льнут прохладные ладошки
К перегревшейся спине,
Словно северные кошки,
Остужают понемножку
И дают отраду мне.

Этот зной терпеть нет мочи:
Раскалён июльский день!
Не оставь меня до ночи,
Не сбегай, прошу я очень,
Ты ходи за мною, тень...

15 июля 2021 г.

Я НЕ ВЕРЮ НАВЕТАМ ТЬМЫ

Я тебе бесконечно предана
И не верю наветам тьмы —
Пусть несёт несусветный бред она...
На секунду представить вредно нам,
Будто стали чужими мы.

Тщетно утро трещит сороками:
«Бросил! Бросил!» Не верю я.
Не заложники злого рока мы!
Пусть любовь моя льётся строками —
Ей неведом сомнений яд.

Пусть летают мечты стрекозами,
Не смолкает в душе: «Ах, мне б...
Таять вишенкой ночью поздней
И на пару с рассветом розовым
Печь тебе мой душистый хлеб...»

КАЧЕЛИ

Ночной сквозняк ласкает кожу,
И сон мой сладкий не тревожит
Обременённой ветки хруст...

Уже щедрой прохладой ночи,
И ум свободой отточен,
Сбежавший прочь из плена чувств.

И время-доктор лечит мудро.
Я, про себя, отмечу утром:
Нет страсти пламенных оков!
Остался горький дух полыни,
Трезвящий душу, и отныне
Всё в жизни просто и легко:

Остыли, свыклись, отболели...
Но, лишь судьба качнёт качели
И вновь мелькнёт надежды тень, —
Забьётся тут же сердце птицей,
И я почувствую сторицей,
Как жарок августовский день!

ВЫЗДОРОВЛЕНИЕ

Солнечно! Радостно! Выздоровление!
Кубок страданий до донца испит.
Больше не узник болезненной лени я.
Благостно телу: не жжёт, не знобит...

Благостно листьями хрупать опавшими,
Видеть, как лущат орехи грачи...
Дарят улыбки детишки с папашами.
Весело сердце на воле стучит!

Хворь отступила. Всё будет по-прежнему.
Хватит заботы для каждого дня.
Я благодарна Хранителю нежному:
Очень он Бога молил за меня...

СЛОВА ЗАВЕТНЫЕ

Остудит голову
Зима-кудесница,
Взведёт под пологом
До Неба лестницу.

Слова заветные
Найду за тучей
И строки светлые
Совью певучие.

Тоска — безделица!
Всю сердце выпоеет.
Всё перемелется
И снегом выпадет...

Стихи лучистые
На камень брошены,
Как зёрна чистые,
Как слёз горошины...

ИСТЛЕЛ ЗАКАТ

Истлеет закат, как сладкий ладан,
Сгорел, сбежал и был таков,
Оставив синюю прохладу
И серый пепел облаков.

Над опустевшею аллеей
Умолкли посвисты стрижей...
Я всё ещё тобой болею,
Но ждать отчаялась уже.

Любви не стать бы пеплом серым!
Не растерять бы душ родство!
Ведь я, ещё до нашей эры,
Тебя любила одного.

ТУЧИ КРОМЕШНЫЕ

Тучи кромешные
Холодно хмурятся,
Стало быть, снежные...
Съёжилась улица.
Вот она — просека —
Небушко синее!

Вот она — проседь-то!
Веточки в инее...
Ночь приморозила,
Ловко тонирует!
С ленточкой розовой
Прядь диссонирует.

Пытки вопросами
Любит бессонница.
В сердце занозами
Нежность хоронится.

С ЛЮБОВЬЮ НЕ ТЯЖКО БРЕМЯ

С любовью не тяжело бремя
Рутин. Отверста высь!
Куда ты несёшься, время?
Мгновенье, остановись!
С любовью и будни — праздник!
Прядётся, крепчает нить...
Что может быть встреч прекрасней,
Что может отрадней быть?

Всё в жизни круговороте
Притихло, как пред грозой.
Я рядом с тобой: напротив...
Услышишь ли сердца зов?
Я рядом с тобой, незримо...
Давно позади межа.
Почувствуй тепло, любимый!
Так близко моя душа —
Доверчивая туристка...
Сомнением чувств не рань!
Поверь, мы настолько близко,
Что стёрлась меж нами грань.

СИМВОЛ БЕСКОНЕЧНОСТИ

Платье золотое снимает Осень.
Жаль... Так шло безумно
к небесной сини!
Палочкой рисую я цифру «восемь» —
Нет конца движению в рыжей глине...

Символ бесконечности на тропинке
Долго жить не будет — сотрут ногами...
Как транжирим жизни мы по крупинке!
«Быть или не быть?» —
вопрошает Гамлет.

Быть ли нам, скажи, иль дойдём до точки?
Ранит нас тоска, иль пройдёт навывлет?
В миг, когда закончатся все отсрочки,
Время бесконечной разлуке выйдет!

ПОВЕРИМЬ ЛИ?

Поверишь ли? Твоё «Скучаю» —
Бальзам на раны для меня,
Не знаю лучшего врача я Душе моей!
Не помню дня,

Чтоб верной кошкой не ждала я,
Тоска чтоб сердце не скребла...
Так ожидала ласк Даная,
Как я — крупиночки тепла!

Сказал: «Скучаю» и, на диво,
Весь мир вокруг светлее стал,
И засветился позитивом
Унылой осени сандал!

Твоё «Скучаю» много значит —
Душа парит над суетой!
Ведь я, как раз, из тех чудачек,
Что могут жить одной мечтой...

ДМИТРИЙ ГОРОШНЕВ

Россия. Республика Карелия, г. Пряжа

НЕ НАЙДЯ ДЛЯ УТЕШЕНИЙ СЛОВ...

Осенний лес над вечностью кадил,
Мольбы его из праха прорастали.
Пред нами листья из последних сил,
Как бабочки-лимонницы, летали.

И ты сказала словно бы себе:
«Какая всё же мудрая природа,
Коль припасла для каждого в судьбе
Похожий миг тишайшего ухода!

Живём, плывём, не зная берегов,
Бросаем гордо вызов мирозданию.
Она же, проведя среди грехов,
Укажет нам развилку покаяний.

Всё зарастает мохом и быльём,
А кое-что возможно и бурьяном.
И мы с тобой когда-нибудь умрём,
Я знаю. Только это всё же странно...»

Не научился избегать углов:
Мол, ничего, ещё пока не вечер...
И, не найдя для утешенья слов,
Я просто приобнял её покрепче.

С ТОБОЙ

Как паутиной спутали сомненья,
Вторгаясь даже в живописность сна.
Века, года... А тут — одни мгновенья,
Под коими не ощущаешь дна.

Теперь отстать и заблудиться в прошлом
Совсем нетрудно: скорость да напор!
А сердцу ближе о простом хорошем
Вести неспешно тихий разговор.

Нет, нет, не прозябать в печали сонной,
А шествовать упрямо за судьбой,
И жадно выпивать глоток озона
Неважно где, а важно, чтоб с тобой.

УМА ХВАТИЛО...

Ума хватило: я не лез на сцену
И люд не утомлял своим стихом.
И оператор с оптикою сменной
Мне тоже, слава богу, незнаком.

Мне роль героя, нет, не подходила, —
Ведь путь случался чаще не прямой.
Но как душа страдала и любила,
Поймут, узнав за кадром голос мой...

ПУШКИН

*«Подыдем стаканы,
содвинем их разом!
Да здравствуют музы,
да здравствует разум!»*

А. С. Пушкин

Россия начиналась не с него,
Но языком его заговорила.
В осеннем золоте и в серебре снегов —
Везде его таинственная сила.

Казалось, Пушкин с нами был всегда —
Для душ первостепенная основа!
Мы шли с ним через школьные года
От Лукоморья до Петра Гринёва.

И миг, и вечность — всё сумел постичь —
Гармонию стиха и мирозданья.
Он на века вперёд заздравный клич
Отправил нам, болящим, в назиданье.

Он Музой был на подвиг обречён —
Сказать за нас, безгласных, это Слово,
Стать у Природы верным толмачом
И у Любви певцом живым и новым.

НЕЖНОСТЬ

Дыша прохладной, юной свежестью,
Всем опасеньям вопреки,
Берёзка с девичьей нежностью
Моей касается щеки.

Ласкает, веточкой зелёною
Вспугнув свидетеля-скворца.

И я, как истинно влюблённый,
Боюсь убрать листок с лица.

СТИХИ ЯВЛЯЮТСЯ БЕЗ СПРОСА...

Парнас немногим станет домом,
Ведь Музы часто к нам глухи.
Нельзя в поэзию — со взломом,
Нельзя придумывать стихи.

У слов особая отмета:
Не всяк увидит бриллиант,
Что скрыт от глаз в кристалле этом, —
Тут нужен опыт и талант.

Они блеснут, как утром росы,
Тогда скорей хватай их в горсть.
Стихи являются без спроса,
Они всегда — внезапный гость.

СТРАШНО ЭТО — В ДОЛГУ ОСТАВАТЬСЯ...

*«За всё добро расплатимся добром,
За всю любовь расплатимся любовью...»*

Н. Рубцов

Страшно это — в долгу оставаться,
Пусть и в малом, но всё же в долгу.
Покажусь я наверно мерзавцем,
Если долга вернуть не смогу.

Не товаром с огромной ценою
И не суммой хрустящих банкнот, —
Не они не дают мне покоя.
Не хочу быть на чувства банкрот.

Может быть всем покажется внове
Этот мой немудрёный обет:
Я боюсь отказать в добром слове,
Не ответив на чей-то привет.

Опасаясь в каком-либо виде,
Мча по жизни почти на рысях,
Ненароком кого-то обидеть,
И прощенья уйти не спрося.

А биограф в отместку напишет
Про меня осуждение своё:
Мол, негромкой любви не услышав,
Он транзитом промчал сквозь неё.

Как ни страшно, но надо признаться:
Перед ней в неоплатном долгу.

И таким мне вовек оставаться,
Ведь любви я вернуть не могу.

ДОЖДЬ ПРОМЧАЛСЯ...

Дождь промчался. Пар повис,
Зацепив кленовый лист.
Пахнет сеном из зарода
И прохладой росяной,
Пахнет свежестью льняной
И укропом с огорода.

Дождь промчался и затих,
Словно выученный стих.
Гром раздался самолётный,
И над озером и лесом
Стало птицам в небе тесно
От весёлого полёта.

Лес бахвалился: хорош!
Говорил: спасибо, дождь.
Очень кстати ты явился.
В добрый день и в нужный час
Ты порадовал всех нас.
Даже мир преобразился!

Человек ни глух, ни нем:
Столь картин и разных тем!
Столько таинств у земли!
Прыгать хочется и мчаться
По дороге в благодать...
Ноги словно приросли.

Я НЕ ПРИШЁЛ ЕЩЁ...

Я не пришёл ещё,
Но я в пути.
Я зван туда
Как очевидец века.
Я счёт несущу,
По коему платить
Нет никого
Со званием человека.

За чью вину
Склоняюсь я в мольбе,
В годах минувших
Устоять надеюсь?!
Кому несущу?
Не року, не судьбе...
Неужто Богу
Счёт отдать осмелюсь?!

Но нет того,
Кто мог бы дать совет,

ВЛЕКУТ НАЗВАНЬЯ
СЛАВНЫХ ГОРОДОВ...

Е. М. Кононовой

Кто прожил век,
И всё кому знакомо.
Кто бы сказал.
Что к Богу хода нет;
Он всё, что надо,
Выразил в иконах.

В виду конца
Тревожного пути,
Когда совсем
Устал и обессилен,
Прошу одно:
Коль можешь, то прости
Меня и прочих
Гордецов в России.

Всё выбрал сам —
И некого винить! —
И путь и дом,
И жизнь
В сторонке дальней.
Огонь угас,
И нечем запалить.
Ну разве что
От свечки поминальной.

Влекут названия славных городов
И тешат взгляд их прописи на картах.
Убежища людей и поездов,
Гнездовья для отчаянья и фарта.

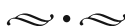
Но все они живут и сходят в прах,
Ржавеют поезда и гнутся рельсы.
Лишь Человек — за совесть, не за страх —
Способен стать героем вечной пьесы.

Он сходу покоряет города,
Усваивает горькие уроки,
И, вопреки всему, выходит иногда
В своей стране в светила и пророки.

БАХ АХМЕДОВ

Узбекистан, г. Ташкент

...Ещё не старость, но уже не страсть,
А тихое немое угасанье
Давно уже ненужного костра.
Ещё немного нежного огня,
Что будет греть скорее по привычке.
Ещё немного тщетных ожиданий,
Щепотка неоправданных надежд,
И птичий щебет смыслов на рассвете.
Пронзительных, и все-таки чужих.
Так летний вечер медленно уходит,
И время нам даёт привыкнуть к ночи.
И сумерки бывают милосердны,
Когда в себе нас тихо растворяют
И усыпляют страсти и желанья,
И оставляют только тишину,
Как самое последнее лекарство.
Быть может, горькое, но точное по сути.
Так угольки погасшего костра
Ещё согреть пытаются пространство
И время улыбается во тьме,
Идя на ощупь к выходу...

Эдгар По

Он болен вновь, и ворон чёрный
Ему покоя не даёт:
стучит в окно его упорно
и сердце превращает в лёд.

Ах, это сердце-обличитель!
Оно свой страшный суд вершит.
Молчите, демоны, молчите.
Вам не догнать его души.

Она давно уже не ваша,
с ней рядом ангелы поют.
До дна испита горя чаша,
и завершён печальный труд...

К чему пустые разговоры?
Он знал, что каждый одинок.
Застыл на полке книжной ворон.
И милосерден, и жесток.

Люблю читать чужие дневники...
С их вечным поиском обманчивой свободы,
с их радиацией невидимой тоски,
с их обнажённостью изменчивой природы.

В одной строке порою прячется судьба.
Отчаянья пронзительная полночь.
А между слов — усталая мольба,
Где все свершилось, но ничто не полно.

рядом всегда чувство
бесконечной вины
за все, что нет
за все, что да за любые сны
за эти голые пустыри
за то, что пусто давно внутри
за безразличие ко всему
за то, что все мы по одному
Идем сквозь этот
обнаженный бред
в разные стороны,
ищем ответ
и не замечаем
главной дороги
усталые боги
смотрят с недоумением
на нас
со своих ненужных высот
чувство вины
никогда во мне не умрет
даже когда в сердце моем
растает лёд
оно будет жить
и прорастать
в каждой строке
только его звучание
может спасти
в любой точке пути
чувство вины
обжигающий холод льда
сейчас и всегда

В этом мареве звенящем,
раскалённом и густом,
Город спит, как старый ящер,
как на полке — пыльный том.

Больше нет нам оправданий,
И пески берут нас в плен.
Город спит, молчаньем ранен,
И не встанет он с колен.

Забутьё — его отрада.
И забвением он жив.
Только тень бывшего сада
Нарушает лейтмотив...

Только тень бывшего смысла
Убегает вникуда.
В знойном мареве повисла
Правда завтрашнего льда.
Эти хроники безумий

Время пишет на песке.
Ящер спит...
А может, умер
В ненаписанной строке.

Вечерний экспромт
Как скучен мир чужих иллюзий.
Точнее, как печален он.
Но что поделать, все мы люди.
И каждый — свой лелеет сон.

И каждый ждёт своих наитий
И откровений от небес.
И ежедневно гибнет в быте,
То с новым вымыслом, то без...

На дне слепого безрассудства
Сверкает острая игла.
А может быть, лишь те спасутся,
Чья жизнь над пропастью прошла?

Кто падал в бездну многократно
И оставался вновь живым.
Кто знал, что только вероятность
Извечно будет рядом с ним.

Кто понимал, как иллюзорны
Любые смыслы и слова.
И может, все мы только зерна.
А может, палая листва.

И чем наш мир непостижимей,
Тем ближе он до боли нам.

А бездна — время в страшном гриме,
С его безумством пополам.

Отверженным трудно смеяться.
Поверженным больно любить.
Но, словно улыбка пространства,
Сверкнет золотистая нить.

И снова поднимаешься, чтобы
Морозной надеждой дышать.
Прозрачное пламя озноба
Пройдет по душе не спеша.

Густой обжигающий воздух
Струится по зеркалу лет.
Над нами соленые звезды,
За нами — усталости след.

Но в этом ознобе, в томленьи
Уже предначертан итог:
Высокое преодоление —
Последней свободы залог.

И жизнь принимая смиренно,
Подставишь ладони весне...
О хрупкое сердце Вселенной,
Когда ты забьешься во мне?

2012 г.

Как живётся вам, дровосеки?
Как вам дышится в пыльной мгле?
В двадцать первом печальном веке,
На истерзанной вами земле.

Вам не снятся деревьев трупы?
Не тревожат слепые пни?
От песка не першит вам горло?
Не заносит он ваши дни?

Как живётся вам в этой пустыне,
Где когда-то наш город цвёл?
Сколько правды ещё вам нужно,
Чтобы ясность ваш ум обрёл?

Сколько нужно еще вам пыли?
Сколько тысяч больных детей?
Чтобы вы, наконец, прозрели!
Чтобы стали чуть-чуть умней.

Чтобы вы, наконец, очнулись,
Задохнувшись в своей пыли.
И в песке утонувших улиц
Только чёрные пни наши.

Как живётся вам, дровосеки,
В этом пыльном стальном аду?
Вы его построили сами,
Перейдя навсегда черту.

Что-то пошло не так...
Где-то случился сбой.
Непопадание в такт
тоже приносит боль.

Непостижимость дней,
месяцев, лет, минут...
Что-то, что нас сильнее,
над пустотой маршрут.

Нам бы еще поспать...
Но наступает срок
тонкую нить порвать,
выйти из ложных строк.

Выбраться в тишину
и не искать причин.
Каждый свою вину
кормит собой один.

В каждом шкафу скелет
верит в свой звездный час.
Верит, что вспыхнет свет.
Вспыхнул...
И вновь погас.

ПРЕДЗИМНЕЕ

Не больно, но как-то остро...
Какой беззащитный город!
Какой ненадежный остров...
Он тоже затонет скоро.

Не грустно, но как-то странно...
Как рано теперь темнеет.
Как осень уходит рано
И солнце прощально греет.

Не сыро, но как-то сиром...
Как будто пронзила жалость.
И кажется, скрипка мира
звучать в небесах устала.

К чему, для чего так смутно?
Зачем этот мир непрочный...?
А утром настанет утро
И снежный поставит прочерк.

Не грустно, но так прозрачно,
что слезы в глазах невольны.
Наверно, нельзя иначе...
Тогда почему так больно?

2013 г.

ВЕЧЕРНИЙ ЭКСПРОМТ

«По сути дела, любая квартира —
экзистенциальный тупик.
И все мы живём на окраине мира», —
сказал однажды старик.

А может быть, он сказал другое,
И не был совсем стариком.
Мы все ведём вечный спор с тоскою,
Точнее сказать, с песком.

Мы строим на нем песочные планы.
Песочные строим дома.
О как мы умеем не думать о главном,
Чтоб не сойти с ума...

Сюжет усталости, бесцветные часы...
Пустое о пустом в пустом пространстве.
О чем жалеть? О чем? О постоянстве?
Еще не раз качнутся старые весы.

Еще не раз, прикованный к листу,
напишешь слово «ночь»
с усмешкой горькой.
Встречать очередной удар за мойкой,
не правда ли, не то что на мосту?

Привычное — стена, и стол, и дом.
Спасение и смерть в уюте светлом.

.....

...Всю ночь курил, оставил кучку пепла,
и думал, думал, думал об одном...

1995 г.

ДВА ДНЕВНИКА

Один дневник говорит другому:
«Слушай, а может, сбежим из дому?
Пойдем вместе по белу свету.
Не пропадем же? Тем более, лето...»

Другой дневник отвечает со вздохом:
«Ах, милый дружок мой,

сбежать бы неплохо,

Но мы неизбежно прочтем друг друга,
А это, поверь мне, опасная штука!

Во мне ее страхи, в тебе — его тайны.
Представь, что однажды тебя я листаю...
Весь их уют моментально рухнет,
И будет она тихо плакать на кухне.

А после нас вместе в огонь отправят,
Поэтому лучше как есть оставить.
В тебе — его разум, во мне — ее сердце.
Обоим, увы, больше некуда деться.

И боли их общей прозрачная нить
Поможет для вечности нас сохранить».
.....
...Два дневника тихонько уснули.
Один под подушкой, другой — на стуле.
2013 г.

Все вокруг застыло,
замерло, замерзло.
Как бы в ожидании
участи своей.
Звук не ищет выход,
и не хлынет горлом
опыт откровения
на страницы дней.

Осени набросок
слабо прорисован:
контуры деревьев,
линия судьбы.
Трудно ждать прихода
музыки и слова.
Трудно быть собою.
Быть собою...
Быть.

2011 г.

...И снова тревожная эта погода
нас медленно сводит с ума.
Прощальный каприз уходящего года,
застрявшая где-то зима.

Весь день лихорадит фальшивой весною,
а воздух недвижим и сух.
Забывшая музыка ходит за мною
и длится, и мучает слух.

И кажется город таким невесомым
на грани предзимнего сна.
А где-то потерянно бродит по дому
Забывшая нами вина.

Зачем мы с тобой в межсезонье застряли?
В безумии правды и лжи.
Мы дети прекрасной и нежной печали,
Надеждой уставшие жить...

Без знаков препинания
такие бледные чернила
слова читаются с трудом
простила забыл и ты простила

теперь у каждого свой дом
а может быть, чужой, холодный
почти засыпанный песком
и бродит нищая свобода
и застревает в горле ком
когда на старый лист тетрадный
случайно падает луна
и не вложить в конверт обратно
жизнь обнаженную до дна

Однажды крайности сойдутся,
И круг замкнется навсегда.
И снова в небо унесутся
Надежды, годы, города...

А мы окажемся за кругом,
И обречем свой точный звук,
чтоб, наконец, узнать друг друга
и превратиться в новый круг.

В неодолимое начало...
Живое лечится живым!
...Мое присутствие устало
болеть отсутствием твоим.

2014 г.

Тихо скажу я: «Здравствуй,
Внутренняя зима.
Может быть, снег — лишь повод
Вновь не сойти с ума...»

Может быть, холод лечит
Наши пустые сны.
Все мы — попытка встречи,
Только слова грустны.

Внутреннее пространство
Скоро заполнит снег.
Зимнее время, здравствуй.
Тихо теперь во мне.

Выпал на строчках иней.
Рифмы сковал мороз.
Свет параллельных линий
Режет глаза до слез.

Где-то, в иной Вселенной
Станут одной прямой.
Им повезло, наверно,
Больше, чем нам с тобой.

2018 г.

МИХАИЛ РЫБАКОВ

Россия, г. Устюжна

1947-й

Буханка чёрного,
Под полтыщи тянет...
Гудит толкука, спекулянты
Стояли насмерть,
Хоть убей,
А ни копейки, ни рублей.
Кранты и кранты,
На то они и спекулянты.

У бати, в судоверфи, тож
Пятьсот оклад —
Одна буханка —
Вот тут, житуха то,
Подлянка!
Как хочешь, так и выживай,
Хоть в Ад, хоть в Рай.
Не приспособишься и топай,
Хоть по России, хоть Европой.
Везде, как рай, где наших нет,
А сунешься — чего тебе?
И в рожу...
Чего бы гоже.

04.09.21

ХИМЕРЫ...

Что это получается
Маятник качается
Может Говерла*
Может химеры?

Ох ты, Господи высший,
Убери свои вишни
Заberi «худобу» —
Изуродую!

И пук, горечи, брасом,
И как в патоке
«Классом» —
Всё, в твоей воле
И всё же — доколе?

* Гора на Украине

А тот маятник скоится
Так рванёт, не отмоешься.
Да рваните его!!!
Вот... И нет ничего...

Стена белая, стена серая —
Из тьмы, смело так...
Моя кружка и мыльница,
Да лихой капитан...
Да сестричка распахнута.
— Ну ты, дед, хулиган!

09.10.21

РАЗМЫШЛЕНИЯ

Настрой не тот...
Но что-то — таки есть...
Летает осенью опутанная
Взвесь,
Цветы, как на показ, благоухают
И совести, не знают...
Ведь миг и это в перегонной,
В родючий слой.

Осенний щем...
Прикрасою пока —
Воспоминание, о лете
И о весне, когда всё в цвете
И о любимой, словно мак!
Теперь унялся враг-остряк..
Наверно тоже зацепило
И чувство прежнее остыло,
Как перезрелый давний факт...

Настрой не тот...
А где бы ему взяться?
Когда родной Мир, вдруг распался...,
Метла повымела и пыль —
Лишь степь и степи той ковыль,
Наносным слоем много помнит
И стук копыт и траков гром.
Как мы любили то вдвоём
И в дом ворвалася разлука,
Без стука...

10.01.18

НЕЗВАНО

А кусты под окном...,
Кем-то варварски срезаны
И шушун на крючке —
Вот покажется мать
И укрытый весь сном
И как будто бы брежу я,
Как на взводе курок
И ни взять, и не дать.

Что ж, не топлена печь,
Щами и кашей не пахнет?
Пол не мыт...
И давно не метёно в избе,
И валяется вещь...
Занавесками тешится ветер,
И на стыках башка, как вагон.

Поднимите меня...
Да прервите нелепейший сон!

12.10.21

НЕ ЖАЛЕЛ...

*«Не жалею, не зову, не плачу,
Всё пройдёт, как с белых яблонь дым,
Увяданья золотом охваченный,
Я не буду больше молодым.»*

Не жалел он, но грустил и плакал.
Жизнь была, не сказка и не дым...
До конца, по жизни был растрочен
И ушёл в РОССИЮ, словно дым.

Каждой порой, трещинкою каждой,
В кровь народа канул навсегда.
И припомнит стих, Серёжа, скажет
Если радость в гости иль беда.

12.10.21

НЕ ВСТАНУ...

Уходя, не медли, уходи!
Что разверзнется,
Посмотришь впереди...
И не оглядывайся, ладо,
Не надо.
Три года — в лапоточках рядом
Какие ветры и морозы?
Нам солнышко сушило наши слёзы,
И крах..
Облом всему живому
И полоснул ты по живому,
По самой боли...
По душе.

И не живая я уже..
Не поднимусь уже, не встану —
Смертельна рана...

14.10.21

Рыжая Парижа

А в Париже много рыжих —
Франция, какая взвесь...
Много бродит загорелых,
Головешки лишь одни.
Рыжих тоже, прямо россыпь
И Азалия, так роскошь!
Я её под ручку вёл.
Намекая на свиданье —
Это рыжее созданье
(не поймёшь какой и пол),
Мне сказала, про любовь:
— Не смущаяся — это просто.
Если ты короче ростом,
Так и император был —
Три вершка, а как любил...
— Так мы где-то посидим?
Да на Сену поглядим...
— Вот ещё... плывут гандоны...
У нас дома мир зелёный,
Кофе выпьем или чая,
Не гляди, что я чужая,
Была я в твоей Москве,
Полюбилась она мне,
Только холодно там очень,
— Слышь, поедem, есть билет.
— А вдруг я решу, что нет?
... Заходи и будь, как дома.
Койку «в товсь!»,

так два приёма —

Нажимай и отпускай...
Пузыри теперь пускай.
— Как это?
— А спи, без храпа.
Сбоку мама, сзади папа...
И жена
— ?
А кто ты мне?
— Я Азалия... О, нет!

02.10.21

За Урал

Где-то там, за Уралом,
Нет, не сказки, а лалы,
Меня молодца ждут —
Залегли, а я тут...

Я сейчас же уеду
И отведаю мёду
Там, из борти, а чай?
Заварю Иван-чай.

Ой вы лалочки-лалы!
Как загадка Урала
Дорогой самоцвет
И сравнения нет...

06.09.21

ДОРОГА. СНЫ...

И снится мне...
А может — явь?
Ведут меня
По «аусвайсу»
Как на базар
Вели красавицу
Рогатую...
и не дорога —
Чистый ад...
Тут полу танк,
А здесь солдат,
Солдат ли?
Там крупы,
не лошади, а трупы...
Так сон иль явь?
Я не пойму...
Не по-людски,
Не по уму...
Уже, не страшно —
Притёрлись,
К «прелестям»,
А сунешься куда?
Таблички «Минен» —
Еруда?
А ты, милок, ступи,
Попробуй...
И...к Богу...

Жандарм взорал
— Рус, документ!
— Момент...
И аусвайс как сунул
В рожу.
— О-о, шнель, нах хауз.
И снова явь?
И снова сон?
Не прошивает
Взглядом он
Из этой жизни
И вонь...
Как будто,
Не Отчизной,

А свалкой мировой
Бредём...
Дорогой дальней,
Тут подъём
И спуск, как падь,
Конца, не видно,
И больно мне,
И так обидно,
Что хоть,
В стороночку ступи.
Пылают сны...
В гремящей лаве.
Там «Бесноватый»,
А не мы...
Рисуют сны
Мне ту дорогу,
Что нелюбима,
Как «небога»...
Что стало правдой,
А что нет?

Пытаюсь отыскать
Ответ,
А он, лукавый,
Вновь уходит,
Мелькнёт намёком,
На восходе,
И пропадёт...
И снова явь...
— Пора уже! Заря!
Вставай!
Вновь снилась
Длинная дорога?
Ты лучше попробуй
Каравай.

01.10.21

ЖИЗНЬ ТАКАЯ

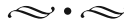
Упал человек заживо...
Испугался,
не поднялся.
Друга не было,
Скорой не случилось..
Прокралась лукавая, приспала...
Жил бы да жил, казалосьсь.
Теперь везут на подводе,
На погост новый,
Скромный гроб,
Крест еловый
Вдова, три недоросля
Да священник хилый,
За телегою, к могиле...

29.09.21

ЕВА ТАЛАЯ

Россия, г. Севастополь

ОНА СИДИТ ПОЧТИ НАПРОТИВ...

Она сидит почти напротив,
Спокойный взгляд, остывший кофе.
Не ищет взглядом и не ждёт —
И ей свобода так идёт!

Не хочется хранить и верить,
И все по счастью ровно мерить —
Ей нет желания любить,
Ей так уютно, просто быть!

Закончит с кофе, грациозно,
Посмотрит на часы серьёзно,
Поправит локон у виска,
Так далека и так близка...

Спорхнёт, как бабочка на ветке,
Врасплох поймает её редко.
Ей больше нечего терять,
Как не вернуть все реки вспять...

Улыбка искренне-поддельна,
Глаза печально-беспредельны.
Воинственна и так нежна —
Не сломлена, ещё жива!

15.03.2021

ОНА — ЛЮБОВЬ!

Рассыпала созвездий горсть,
И пролила росу в долины,
Любовь спустилась к нам как гость —
Время разбилось в половини.

На до и после повелось,
Сказания о ней, былины,
И сколько поисков велось,
Искать её, и половини...

И как бы целые давно,
И к миру жалость без причины,
Но одиноко всё равно,
Всё есть... Но нету половини...

Она, Любовь, как лепестки,
Касаясь вод озёрной глади,
Пуская по воде круги,
Себя являет, мира ради!

24.03.21

БЫТЬ МОЖЕТ...

Ни сколько БЫТЬ, ни сколько МОЖЕТ —
Не разлюбить, всё подытожить.
И всё забыть, начать с начала —
Вновь от причала — до причала.

Воздушным змеем парить над бездной,
Забывших истин и правды местной.
Искать богатства, такой заветной,
Забывтой кем-то монеты медной...

И уходить, оставив бранным,
Желанным мир и таким верным...
Так сколько БЫТЬ, и сколько МОЖЕТ?
Не разлюбив, не подытожив...

Июнь 2021

НОСТАЛЬГИЯ...

Сегодня февраль, а здесь как весной.
И хочется в счастье надеяться.
Но просится сердце все же домой —
К березкам у дома наведаться...

04.02.2021

СМОГУ ЛИ Я ПРОСТИТЬ ТЕБЯ?

А ты ко мне пришёл во сне.
Мои тебя касались руки.
Нас было двое в тишине,
Забылись расставанья муки.

Я вспоминала как дышать.
«Живи» — твои шептали губы.
Ничто не в силах помешать,
Но это сон, а в жизни скупы...

ПИСАТЕЛЬ

XXI
ВЕК

Теперь на разных берегах,
И боли больше, не измерить!
Не это обещал в мечтах,
А я, почти, смогла поверить.

Смогу ли я простить тебя?
Смогу. На это нужно время.
Но дам ли я обнять себя? —
Не дам! Плодов не дало семя...

29.01.2021

НЕСЛУЧАЙНЫХ ВЫБИРАЕТ...

Тяжело уходить без оглядки.
Сердце и разум играют в прятки.
Душа одна лишь только знает —
И неслучайных выбирает...

23.01.2021

Я ОТ ТЕБЯ ОТЧЕРЧЕНА!

И что с того, что есть свой берег?
Но между нами же река!
И как мне к небу небо мерить? —
Опоры не найдёт рука...

И отражаясь небо в водах,
Разъединяет берега.
И где-то там, в небесных сводах —
Разлука силу обрела...

И лодочкой плывет без вёсел,
Моя любовь... Обречена...
Ты так хотел — что ж ты не весел?!
Я от тебя отчерчена...

15.04.2021

А МОЖЕТ Я СМОГУ ТЕБЯ ЗАБЫТЬ?

А может я смогу тебя забыть?
И в осень с головою окунуться!
И умирая снова пережить,
Воскреснуть, ото сна скорей очнуться.

С миндальным вкусом яда на губах,
С медово-пряным послевкусьем счастья,
Не помня о потраченных годах,
Вновь нагрешить, и на суд божий сдаться!

Быть может потому мы так грустим,
И осень заставляет нас сдаваться —
Забывтое, мы чувствуем пустым,
И каждый раз желаем наполняться!

23.10.2021

МНЕ НРАВИТСЯ...

Мне нравится как пахнет утром кофе.
Мне нравится как хмурится в окне
День новый, что на первом своём вдохе,
Ещё не понял ласков ли ко мне.

Мне нравится вся суэта вне дома —
Позволить это всё могут не все,
Но каждому до мелочей знакома,
Вся эта песня жизни на Земле.

Мне нравится прикосновение солнца.
И ветра к коже нежный поцелуй,
И дождь, что щедро добавляет глянца,
На улицах — грусти или танцуй!

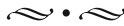
Мне нравится детей улыбки видеть,
И то, как они кормят голубей.
Так ласково, стараясь не обидеть,
Ласкают славных кошковых детей.

И то, как старики неторопливо
Идут упрямо по своим делам.
А осень, провожает их, учтиво,
Бросая листья клена к их ногам.

Мне нравится любить, и быть любимой,
Делиться чувствами, и просто быть,
И оставаться тем необходимой,
Кому моя любовь поможет жить.

Мне нравится, что есть недели в годах,
И дни в неделях — будни или нет,
Но даже время в счастье и невзгодах,
Чудесный дар, прожитых нами лет.

Сентябрь 2021

ИРИНА УРАЛЬСКАЯ

Россия, г. Уральск

ЗАМЕРЗАЮТ СЛОВА И УЛЫБКИ

Остаются дожди и тревоги
 Это вечное, это твое...
 Женщин осени жёлтые тоги...
 На деревьях повисли быльём...
 Замерзают слова и улыбки,
 И скульптуры осенних садов
 Грациозные листья — рыбки...
 Уплывают из городов...
 Сам-то кленом останешься старым,
 Возродясь из есенинских строк...
 Сел туман, и гитара под старость...
 Дребезжит иногда как сурок...
 Но веселые странники-дети,
 Подбегут и обнимут за ствол...
 Вздрыгнет крона, бушуя под ветер...
 Веер листьев кидая во двор...

*Джи Юрскому.**НОЯБРЬСКОЕ УТРЕШКО*

А я смотрела в небеса
 Окраш малинов и кровав.
 Летели лебеди в весях,
 В подушках — облаках...

Летели... город еще спал,
 Печаль меня взяла...
 Небес — кровавый рот алкал —
 Зиял, и ветел гнал...

Костров вчерашенных зола...
 По памяти сочту,
 И вычту лебедей села,
 Что видно за версту.

Три листика еще висят,
 Цепляются за куст.
 И вот осенний перекал —
 минусовые прут...

Что ты все смотришь в небеса,
 Мой молчаливый друг?

Там лебедь белая — коса,
 Метёт метелью луг...

Там вольно, сладко кто поёт?
 Мол, колокольчик — свет.
 В дорогу путь едва просвет,
 Под ложечкой сосёт...

Плат бел я кожу с образов...
 Пора читать псалмы...
 Забрезжит утро из часов...
 Обнимемся и мы...

*5 ноября. 2021 год**ПРОЩАЛЬНАЯ*

Не расцветут хризантемы,
 В мамином старом саду.
 Бедной строфою поэма,
 Не зарифмует звезду.

Взгляд твой прощальный недолог,
 Ночка-царица, прости.
 За несусветный холод,
 За просьбу пролить дожди...

Осени смертная рака,
 Косточки сложит зонтов.
 Вот и грядущее, паки,
 Ждёт обновленья любовь.

Не расцветут хризантемы,
 В мамином старом саду.
 Где же два имени? Где мы?
 Тонкие листья во льду.

На расстояние акаций,
 Глаз не могу отвести,
 Осенью тянет прощаться.
 Осенью тянет уйти...

7.11.2021 год

И Я ВОЛНУЮСЬ...

И я волнуюсь нынешнему дню
и будущим, таким же
листопадным,
таким же трудным, пестрым и приятным,
И снегу, что ни в корм коню.
Волнуюсь, трепетным огнем горю...
Шагами мерю маленькую площадь,
Рабатаю, как загнанная лошадь,
И все же Бога, как могу благодарю.
За все что ниспослал, за опыт прошлых лет,
За невесомые прекрасные страдания,
А жизнь мелькнула пятнышками лани...
Снег падает, смотри!

Какой красивый снег!

28 October, 09:21

ОКТАБРЬ ОКТО

Арина в журавлиный лёт,
отправит птиц, истопит печь,
Вей ветер листвоной. Ведёт
Зосимушка пчелу залечь.
Дом уж готов к зиме,
К Покрову, к Богослову,
И к Фоме.
И Сергей Родонежский
Нам припомнит молитв
нечаянных, заснежит
лес. К Матрене отболит...
все, что болело. А тревог
не счесть. Нам Параскева-пятница
распушит творог...
и смеяться не велит...
Вот живопись, иконных дел
художник, октябрь запомнит
и распишет в тишине...
и тёмный дух от заговора стонет...
и сгинет, в трещину в стене...

НОВОСЕЛЬЕ

Сосновая стена новоквартирных штор —
Берёза, ель, из окон виден частный двор.
Изломанная линия по сопкам,
синий горизонт.
Лесной массив — огромный зонт.

Стук молотка, собаки лай,
Цветы сажают в палисадник — рай...
И упоённый воздух.
Балконы, лоджии.
Балконы — ложа.
Жизнь замерла от сотворенья божья.
Проклюнулись тюльпаны и личинки мух.
И так часов до двух.
Пока вернётся дочь и внук.
Начнётся важное в семье, вживание
в квартиру.
И чехарда и роды кошки Киры.
Опять жужжание и стук,
Обеда варка, слёзы, лук.
Тут установка бытовых машин,
Зять в свежем воздухе простыл...
Но все работают, не покладая рук
Смеются, ссорятся, молчат, и спорят
вслух...
Глядят в большие окна в лес плывущий...
Сосущий печень под ребром наш бес
зовущий...
Зовёт и манит в сень под птичьи
чвирки...
Не слушая советы и придирики...
Лес зеленее с каждым днем,
Под солнцем с праведным огнём...
Вот всё прикуплено в кредит.
Расставлено, работает, стоит.
Мы в лес пойдём по зелены,
Любить природу, внуков и меня...
Приехавшую, в столь отдаленные места,
Из бездн степей в свободные леса
С проверкой и ревизией раз в год,
В Саратов по-суворовски в поход...
И об пол стукнувшись вдруг чайкой —
в лёт...

От сердца оторвать плывущий плот.
С детьми, соседями, с подлеском,
С огромной нищетой и блеском...
В стране, что без руля и без ветрил...
С волнами бурь житейских —
троглодит —
И пожелать ему удач и ходу.
Прощайте новосёлы, в чистых водах.

Май. 2021 год

~ • ~

ВИКТОР МУРАВИН

США, Нью-Йорк

~ • ~

Виктор Романович Муравин известный писатель. Книги его — будь то проза или поэзия, сразу же после издания делаются библиографической редкостью.

Как человек и как писатель он прошел очень интересный жизненный путь, проживает в Соединенных Штатах, занимается весьма ответственной работой. Господин Муравин является членом Лиги американских писателей, избран действительным членом-академиком Академии наук Евразии. Он президент Международного благотворительного фонда (Армия милосердия). Пользуется большим авторитетом в деловых кругах Америки.

ЛЕНА

В глухой деревушке
 Девочка жила,
 И тайга густая
 За окном была.
 Две бусинки — глазки
 Карие, смешные,
 Волосы каштаном
 Падают густые.
 Дом из толстых бревен
 На реку глядит,
 В речке леший водится,
 В омуте сидит,
 Всех подстерегает,
 В гости к себе ждет —
 Может кто оступится.
 В омут попадет!
 А в тайге избушка
 Меж ветвей темнеет.
 Три куриных ножки.
 И густой травой
 Лесная опушка
 Буйно зеленеет.
 Заросли дорожки,
 По которым девочка,
 Что Еленой звали,
 В лес гулять ходила,
 В сумрачные дали,
 В утреннем тумане
 Тайга просыпалась,
 И лесная птаха

Песней заливалась.
 Пела пташка песню
 О лесных просторах
 И о том, что девочка
 Встретит на дорогах,
 На крутой тропинке,
 Что по сопке вьется,
 А тропинка эта
 Жизнью назовется.
 Там родник по склону
 Весело журчит,
 Девочка той пташке
 Тихо говорит:
 Ты поешь о лесе,
 О судьбе моей,
 Так скажи мне, пташка,
 Что тебе милей?
 Песни петь под небом
 О свободе дикой,
 Или жить за лесом
 На земле великой?
 Трудно мне решиться,
 Выбор сделать свой.
 Пусть судьба свершится!
 Мне бы голос твой!
 Я бы песню спела
 О красе природы,
 Где оставлю детство,
 Счастливые годы!
 Пташка рассмеялась
 И на ветке долго
 В вышине качалась:

Я пою для леса,
 Что внизу шумит,
 И мой голос звонкий
 Лесу говорит,
 Что мой век короткий,
 Как осенний день,
 Но зато пою я
 Даже для людей,
 Чтобы слушал мир
 Песенки лесные
 И на миг забыл
 Про дела мирские.
 В шуме леса я
 Вечность воспеваю,
 И людских тревог
 Я совсем не знаю.
 Мне милее петь
 О лесной свободе,
 Под дождем сидеть
 При плохой погоде.
 Не завидуй мне,
 Так устроен мир,
 Каждому свое —
 Как сказал Кумир.
 Голос мой тебе
 Вовсе ни к чему,
 И свою ты песню
 Будешь петь ему
 Всей своей улыбкой,
 Ласковым теплом,
 Чтоб забыл он старый,
 Материнский дом.
 С ним ты будешь вместе
 Вить гнездо свое,
 Жизни суть познаешь
 Только с ним вдвоем.
 Он твоих птенцов
 Будет охранять,
 И за пищей в лес
 Каждый день летать.
 И живи ты мудро,
 Годы не считай.
 Каждый день с любимым
 Это есть твой рай.
 Вместе с ним ты будешь
 По лесу летать,
 И тебя он будет
 Нежно обнимать.
 Дни будут тянуться
 Счастья полны,
 И мои советы
 Больше не нужны.
 Так иди, девчонка,
 Жизнь ждет тебя,
 А на склоне жизни

Вспомни ты меня,
 Как девчонкой юной
 С пташкой говорила,
 И как пташка эта
 Жизнь свою любила,
 Как на всю тайгу
 Песни свои пела,
 Завещала птицам
 То, что не успела.
 И, когда твой срок
 Подойдет к концу,
 Ты своих птенцов
 Передай отцу.
 Вечности не бойся —
 Ты осталась жить,
 Если есть потомство,
 Будут дорожить...
 Памятью твоей
 Будет полон дом,
 Улетят птенцы
 В мир большой потом.
 Новое гнездо
 Будут снова вить,
 Значит ты осталась
 Вместе с ними жить.
 Будет другу трудно
 В жизни без тебя,
 Боль себе облегчит
 Он, птенцов любя.
 Жизнь в мире этом
 Радости полна,
 Но жестокость вместе
 С нею нам дана...

Речь свою закончив,
 Пташка улетела,
 И девчонка долго
 Ей во след глядела.
 Плакать ей хотелось,
 Сказать не решилась.
 Ах, зачем ты, пташка,
 На пути явилась!

Жизнь была как сказка,
 Как пташка сказала,
 Радость материнства
 Девочка познала.
 Пролетели дни,
 Счастьем упоенье,
 Подросли птенцы,
 В жизни все — движение.
 Был хороший друг,
 Что судьба послала,
 Вместе с ним она
 По лесу летала.

И всю жизнь ту пташку
 Помнила девчонка,
 Часто в лес ходила
 И звала негромко...
 Жизнь рано рвется
 Только там, где тонко.
 Где-то проглядела
 Жизни своей нить,
 И пришлось ей рано
 В вечность уходить.
 И, как завещала
 Пташка в год далекий,
 Их птенец остался
 С другом, одинокий
 Он в пустом гнезде,
 Рок кляня жестокий,
 День и ночь, везде
 Помнит о девчонке,
 Что делила с ним
 Жизни срок короткий.
 Пусть ее уж нет,
 Гнездо опустело,
 Но песнь о счастье,
 Что девчонка пела,
 В их гнезде звучит,
 Согревает душу
 Юному птенцу,
 Облегчает боль
 Верному отцу.
 Время пролетело,
 Подросла Катюша,
 И отцу родному
 Говорит: — Послушай!
 Я теперь девчонка,
 Как мама была, юной,
 вместе с пташкой,
 Что в лесу жила.
 Путь свой начинаю,
 Буду гнездо вить,
 Мама завещала
 Нам с тобой дружить.
 Скоро прилетит ко мне
 Молодой мой друг,
 Будет снова счастье
 И любовь вокруг.
 Первого я птенчика
 Леной назову,
 Чтобы образ матери
 Видеть наяву.
 — Значит пташка вещая,
 — Ей отец сказал, —
 — Мать не обманула.
 И слеза скупая
 По щеке скользнула.

Мгновенье юности весны —
 Стареем мы, и только сны
 Нам оставляют жизни след,
 Хотя возврата больше нет
 Ко дням, когда пути начало,
 Как чудодейственный браслет,
 Нам в жизни счастье обещало,
 И восемнадцать юных лет
 Нам самой вечностью казались.
 И, чтоб надежды оправдались,
 Свой малый мир в душе тая,
 Вступаем в жизнь с восхищением
 Перед Божественным твореньем
 копье богатыря,
 С кольчугой и седла узором,
 Садимся в жизни на коня,
 И улыбаясь, ищем взором
 Дорогу в будущее, в даль,
 Которая уходит в вечность,
 И ничего еще не жаль,
 И жизнь длинна, как бесконечность.
 С такими мыслями она,
 Преддверья счастья полна
 С Востока появилась тут
 И поступила в Институт,
 Чтоб Англии язык и нравы
 Познать и для забавы
 С профессорами флиртовать,
 Не огорчая слишком мать
 Скандалом мелким факультетским,
 На мир взирала взглядом детским,
 На зависть местным дамам светским.
 Успех ее сопровождал.
 И даже наш профессор ждал,
 Тряся бородкою козлиной,
 С улыбкой старческой невинной,
 Минуты той очарованья,
 Когда наедине оставшись
 С Еленой милою моей,
 На стан ее налюбовавшись,
 Он осторожно скажет ей
 Науки сложные названия.
 Она была моей студенткой,
 За партой скромно восседала,
 Не строила глаза кокеткой,
 Вопросов мне не задавала.
 Весь материал прилежно знала,
 И от соседок не скрывала,
 Им потихоньку помогала
 Хоть заголовки изучить,
 Зачет поспешно получить.
 На стройной лебединой шее
 Ее головка — украшеньё,
 И Нефертити гордый взгляд,
 Любой ей подходил наряд,

ПИСАТЕЛЬ

XXI
век

И восхищал воображенье
Мужей, утративших движенье...

Волнением вздымалась грудь,
Лицо краснело лишь чуть-чуть,

Когда мой взгляд она ловила,

И мне глазами говорила,

Чего понять я не хотел —

Таков уж выпал мне удел.

Я красоту ее ценил,

И про себя с ней говорил

О сути жизни, о судьбе,

О том, что проиграл в борьбе,

Что путь далекий ждет меня,

И нет для спутницы коня,

Пешком ей далеко идти,

И, значит, нам не по пути.

Я был тогда в расцвете сил,

Но голос тайный говорил,

Что долог будет этот путь,

И что не скоро отдохнуть

Судьба пошлет мне уголок,

И жизни всей моей клубок

Держал я тайно, глубоко,

И это было не легко.

Она надежды не теряла,

На дамский вальс на вечерах

Слегка краснея, приглашала

И лишь взволнованно дышала,

Когда под взглядом профессуры,

Среди которой были дуры,

Она паркет легко топтала,

И бабочкой вокруг порхала,

Улавливая ритма звуки

Не хуже, чем азы науки.

Я ею просто любовался,

В душе жалел, что не удался

Сей союз желанный,

Что ждет меня мой путь туманный,

Ее — карьера и успех,

И вихрь жизненных утех.

Но вскоре избранный герой

На горизонте появился,

Исчез и ухажёров рой,

И мир ничуть не удивился...

Хоть ростом мал, он был смышлен,

Имел хорошую работу,

В машине ездил на охоту,

Елену искренне любил

И к пышной свадьбе не забыл

Купить ей новый патефон.

По глубине ее души

Найти ей трудно было мужа,

Поэтому в своей глуши,

Чтоб молодость не потерять,

Она решила Колю взять —

Одной остаться еще хуже.

Как следовало ожидать,

Елена — молодая мать,

Вкусив любви запретный плод,

Познала мудрости тогда,

Рассталась с Колей навсегда

И твердо знала наперед

Другой мужчина ее ждет,

Который счастье принесет.

Закончив по России путь,

В Москве я годы коротал,

Всевышний мне терпенье дал,

Я счастье больше не искал...

Пришла пора передохнуть,

Переосмыслить жизни суть.

Остались годы позади,

И две могилки под травой,

Их образ вечный и живой,

Но море ждало впереди...

Борьба за власть, интриги, страсть

Меня теперь не волновала.

Я просто по Москве шагал,

Сибирь и Север вспоминал,

Уроки частные давал,

И ненависть в душе спадала —

В Москве твоей пожил я влады.

Под оком зорким государства,

Познав столичной жизни царство,

Я раны старые лечил,

С друзьями водку дома пил,

В «Москве» я плавать научился,

В душе с землей своей простился

И думал парус поднимать,

В чужой стране себе искать

Корабль, молодость и воду,

И Богом данную свободу,

Но не привык искать я броду

И просто ждал,

Что улыбнется мне фортуна

Под мудрым скипетром Нептуна,

Где плещет тихая лагуна,

О чем мечтал...

То ж было время золотое!

Пьет водку племя молодое,

В московских барах, ресторанах,

Сынки и дочери знатных пап,

Одеты в заграничный драп,

Любовь там крутят на диванах,

Танцуют фокс в уютных залах,

Призывный взгляд и тушат свет

Любви сильнее в мире нет!

Москва и площадь трех вокзалов,

Россия спит в огромных залах.

Я часто ночью здесь бывал,
Горячим кофе запивал
Воспоминаний лед холодный,
Владивостокский год голодный,
Морского ветра свист и вой
И в мыслях ехал я домой...
На этом вокзале я Лену встречал,
Как будто вокзал — любви причал,
В столицу большую она приезжала,
В каменных джунглях счастья искала.
В душе ее — избранник гордый,
На нем сияет смокинг модный,
Высок он ростом и силен,
И обязательно умен.
В моей московской комнатухе
С тобой мы часто водку пили,
За жизнь до ночи говорили,
И отдавали дань чекушке...
Ты другом был мне настоящим,
В тебе любил я лоск блестящий,
И силу русскую и ум,
Всегда в объятья тяжких дум.
Однажды Лена позвонила,
Я взял такси и через час
Хозяйкой будучи для нас,
Она с тобою говорила,

В бокалы водку разливала,
И сало тонко нарезала,
И радостью лицо светилось —
Давно желанное — свершилось.
Едва взглянула на тебя
И поняла — судьбы решение.
И без малейшего сомненья,
В душе благодаря меня,
Она в глаза тебе смотрела,
Как будто пташка песню пела,
Во взгляде — счастье и любовь.
Тогда в тебе сыграла кровь...
Забыл ты сто московских дев,
Богему, дачи, и презрев
Аристократок томный зов,
Освободился от оков
И впал в любовную горячку
Ты взял на руки сибирячку,
Ласкал ее лица овал
И пальцы ног ей целовал.
Я счастье ваше наблюдал,
Своей судьбы свершенья ждал,
И я тогда наверно знал —
Она нашла, кого искала.
И, как ей пташка завещала,
Она тебе теплом сияла
И счастьем жизнь заполняла,
И дочь иль сына обещала...

За нею ты в Сибирь поехал,
И свил гнездо, среди людей,
И не было числа утехам
Семейных ласковых затей.
И, кроме счастья и тепла,
Она Сибирь тебе дала,
России грудь тебе открыла,
Любви узоры выводила
На том песке, что «Енисея» бег могучий
Сжимает в скалах, лес дремучий
Тихонько вокруг вас шумел,
И этот лес молчать умел...

Я письмо твое
Давно получил,
И от вести той
Едва не почил.
Трудно было верить
В то, что Лены нет,
И тебе я долго
Не писал ответ.
Значит быстро кончился
Ее путь земной,
И я точно знаю
Очередь за мной.
С матчы высоченной
Видно далеко,
Вижу образ Лены
Где-то глубоко
В толще прошлых дней,
Буду до конца
Помнить я о ней,
Буду помнить пташку,
Что опять летает,
Встречу с той девчонкой
Песней вспоминает.
И когда я Родину
Снова навещу,
На ее могилке
Слез не допущу.
Прожила свой срок
Лена из тайги,
Где осталась ступа
От Бабы-Яги.
Все, как пташка пела,
Лена исполняла,
И дыханьем счастья
Жизнь ее сияла.
А когда птенец,
Милая Катюша,
Станет под венец,
Скажет мне: — Послушай,
мать свою сменила я
В жизни земной,

ПИСАТЕЛЬ

XXI
век

И ее лицо
Я ношу с собой.
А когда придет
Твой черед уйти,
Будет ли там кто,
Чтоб тебя найти?
Чтобы холмик твой
Не зарос травой.
Я отвечу ей,
Что меня волна
Примет в глубину,
Что как ночь темна...

Вечерний звон и вечный сон,
И травы тихо шелестят,
Березок белых ровный ряд,
И птички меж ветвей летают,
Забот и горестей не знают.
И только та лесная пташка,
Во мгле белеет как ромашка,
Из глубины лесного плена
Поет о жизни и любви,
Которую познала
Лена.

ИДА ЗАМИРСКАЯ

Украина, г. Северодонецк

ПЕРЕВОДЫ С АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

Современная американская поэзия

Сюзанна Карлсон (род. 1965 г.)

СТИХИЙНЫЙ БУНТ

THE SOFT REVOLUTION

by Susannah Carlson

Признаюсь, отчего-то печалюсь,
 Когда чудится вздох мостовой,
 Плач высоток и стон тротуаров —
 Всех камней с незавидной судьбой.
 Как невольники, пленники града
 Жаждают вновь превратиться в гранит
 Иль в песчаник, — свободы им надо:
 Стать песком и принять прежний вид.

Как предателю цивилизации
 Мне б вернуть первозданный вид
 Всем страдающим от бюрократии,
 Круговерть эту остановить.
 Словно всмятку яйцо весь асфальт, —
 То трава пробивает грунт,
 Все постройки увиты плющом —
 Я за этот стихийный бунт!

Воркование сизого голубя
 На безжизненных крышах города —
 Мировой революции слово.
 В кумачовых глазах сизокрылого
 Дышит алая кровь революции,
 Что пролита за всех, за любого.

Став предателем хитрой ловушки,
 Я молюсь за простых росянок,
 Я отказываюсь от комфорта,
 Глядя в полные гнева и страха
 Глазки маленькой серой пичужки
 И воздушного змея на нитях, —

Всех приниженных, участь которых
 Ползать и быть лишенным величия.

Потому что я слышу голос —
 В доме, где я изведала счастье
 Появиться в небесном чертоге,
 В доме, где испытала невзгоды,
 Узаконенные Юдолюю.
 Как священные формулы давние —
 Голос предков и дикой природы,
 Несмолкающий голос камня.

ПО ДОРОГЕ ДОМОЙ
 COMMITE

by Susannah Carlson

Над придорожной серой пылью,
 Маня беспечным взмахом крыльев,
 Взмывают в небо стаи птиц.

И зорко смотрит хищный сокол
 На белых чаек вереницу —
 И камнем падает он вниз.

Уж мертвенно бледнеет вечер,
 И омрачается тревогой
 Степная ширь; повеса-ветер
 Всё тише дует вдоль дороги.

Но нежно стелется губастик
 И клевер розовой травинкой,
 Напоминая нам о счастье,
 Что светит радугой былинной.

Так хочется, чтобы не меркнул
 Сей символ жизни быстротечной,
 Чтоб радовалось чье-то сердце
 Грядущим дням, идущим в вечность.

Сюзанна Карлсон
(псевд. Сюзанна Айзнер)

ХОРОШИЕ МАНЕРЫ

MANNERS

by Susannah Eisner

Он бросил взгляд исподтишка,
Ухмылкой сжатый рот отмечен.
Неловко подавляю страх
Улыбкой встречной.

Как кровь пульсирует в висках,
Лицо горит от приговора:

«Где локти?» — Прячу впопыхах. —
Глаза блестят немим укором.
Я скромно кисти рук кладу
На белый стол. Всё на виду:
Салфетки и еда в тарелке.
Я ем. В смущении давлюсь. —
Кусок не мелкий...
Я ем глазами стол обильный,
До боли, до стыдливых слёз, —
Уж всхлипывает холодильник,
Скулит под дверью старый пёс.

Я чувствую детей улыбки,
На них взираю свысока, —
Расту. Как золотые рыбки
В пределах узкого мира.

*Лариса Бравицкая
(Россия, Москва)*

ДРУГОЙ МАНДЕЛЬШТАМ

Думаю, сегодня мало кому известно, что помимо величайшего, трагического Осипа Мандельштама, сгинувшего в сталинских лагерях, был еще один Мандельштам.

И тоже поэт. И тоже из Петербурга — Ленинграда. И тоже с трагической судьбой.

Звали его Роальд.

Полное имя: Роальд Чарльсович Мандельштам.

Родственниками эти два Мандельштама не были.

Отец Роальда, американский коммунист по имени Чарлз (в России — Чарльс), восхищенный и вдохновленный идеями социализма, приехал в СССР. Здесь он женился на Елене Иосифовне Мандельштам

16 сентября 1932 года родился сын Роальд, названный так в честь Амундсена.

Вскоре после рождения сына, Чарлз был репрессирован.

Роальд остался в блокадном Ленинграде, потом был вывезен в эвакуацию.

В четыре года у мальчика проявилась бронхиальная астма.

А после окончания школы, к астме прибавился еще один страшный недуг — костный и лёгочный туберкулёз.

Вначале Роальд пытался как-то социализироваться.

Он поступил на востоковедческий факультет Ленинградского университета, изучал китайский язык, но через год бросил.

Потом учился в политехническом институте, но тоже бросил.

И все из-за быстро прогрессирующей болезни.

Он почти не выходил из дома, лежал на кровати и писал стихи.

Но никогда, даже в самом тяжелом состоянии, не позволял себе читать стихи пред друзьями лежа.

Непреренно стоя. Пусть из последних сил, но стихи читал только стоя.

Запах камней и металла,
Острый, как волчьи клыки, — помнишь? —
В изгибе канала
Призрак забытой руки, — видишь? —
Деревья на крыши
Позднее золото льют.
В Новой Голландии — слышишь? —
Карлики листья куют.
И, листопад принимая
В чаши своих площадей,
Город лежит, как Даная,
В золотоносном дожде.

Жил Мандельштам на Садовой, у Калинкина моста.
Вконец измученный туберкулезом и астмой, он обитал в узкой
и длинной комнате густо населенной коммуналки.
Мебели у него почти не было, зато были книги.
Собственно говоря, были одни только книги.
И его стихи.

Пустынные улицы мгlistы,
А ветер осенний певуч,
Поблекшие вешая листья
На туго натянутый луч.
У осени — медные луны,
А лунная зелень — горька —
Зелёные горькие струны
Ночами висят с потолка.
В звенящие ночи не спится,
Луна заливает постель,
В глазах небылица клубится,
В окне — золотая метель.

В 1948 году, в одной из ленинградских коммуналок, шестнадцатилетний
Роальд читает свои стихи таким же, как и он, юным художникам.

Так он знакомится с членами нонконформистской художественной ор-
ганизации «Арефьевский круг».

Совсем скоро судьбы его друзей сложатся также трагично.

Спустя год после этого знакомства, художник Александр Арефьев бу-
дет исключён из художественной школы. Поступит в медицинский уни-
верситет, но будет отчислен и оттуда. Три года проведет в лагерях. Умрет
в 1978 году, в эмиграции, во Франции, в возрасте 47 лет.

Вадим Преловский повесится в 1954 году.

Владимир Шагин 7 лет будет находиться на принудительном лечении
в психбольнице. В настоящее время его работы в собрании Третьяковской
галереи.

Рихарда Васми отчислят из архитектурного техникума. Он будет пы-
таться подрабатывать колористом на картонажной фабрике, разрисовщи-
ком косячок, клееваром, лаборантом в Ботаническом институте, кочага-
ром, маляром.

Шолом Шварц пойдет трудиться маляром, реставратором. Позже его кар-
тины будут экспонироваться на крупнейших выставках в Париже, Берлине.

Родион Гудзенко отсидит 10 лет в лагере за то, что в 50-х годах попытает-
ся бежать во Францию.

В то время как его друзья-художники регулярно вызывались на допро-
сы, Роальда не трогали.

Однажды, на допросе Родиона Гудзенко майор КГБ бросил такую фразу
о Мандельштаме:

«Мы даже его не вызываем, он сдохнет, это дерьмо! Мы даже его не вы-
зываем по вашему делу, Родион Степанович, он и так сдохнет, его вызывать
нечего! Он труп!»

В 50-е годы начали греметь Евтушенко и Рождественский, Вознесенский и Ахмадулина. Но Мандельштам совершенно не вписывался ни в этот поэтический круг, ни в советское время.

Он жил где-то в Петербурге Серебряного века, среди любимого Блока и обожаемого Гумилева.

Розами громадными увяло
Неба неостывшее литьё:
Вечер,
Догорая у канала,
Медленно впадает в забытьё.
Ни звезды,
Ни облака,
Ни звука —
В бледном, как страдание, окне.
Вытянув тоскующие руки,
Колокольни бредят о луне.

В 1956 году в тяжелейшем состоянии Роальд попадет в больницу. Врачи заранее оформят свидетельство о смерти. Но в тот раз он выживет.

Через два года состоится знакомство Мандельштама с Михаилом Шемякиным.

Умер Роальд Мандельштам 26 января 1961 года. Ему было всего 28 лет.

Умер в больнице, по заключению врачей, от кровоизлияния в кишечник, вызванного язвой.

На самом деле умер от бедности и недоедания, одиночества и тоски, не увидев при жизни ни единой своей строчки в опубликованном виде.

«Высох совершенно, два огромных глаза, тонкие руки с большими ладонями, от холода укрыт черным пальто, а вокруг пара книг и много листочков с зачеркнутыми стихами, потом опять переписанными», — так свидетельствовал о последних месяцах жизни Роальда Анри Волохонский, автор стихотворения «Над небом голубым»

«Он нигде в жизни не комплексовал о своем маленьком росте, настолько он был великий человек.

И так возвышался над всеми своим остроумием и своими репликами и никогда и нигде не уронил своего поэтического достоинства», — писал о Мандельштаме Арефьев.

Успел ли он испытать влюбленность, так необходимую и свойственную поэтическим душам?

Во множестве стихотворений мелькают упоминания о некой то ли Анне, то ли Алле...

Больше о ней ничего не известно.

Возможно, она и не знала о тайно влюбленном в нее поэте.

Солнце, упавшее в море,
Медленно гаснет на дне, —
Ночью фарфоровый город
Дремлет при полной луне.
Ты никогда и не знала,

Сколько томительных грёз
Будится в водах канала
Светом мерцающих звёзд.
— В каменной лунной долине
Ночью туманы легки, —
Тихо своей Коломбине
Лунный поёт Арлекин.

Композитор Исаак Шварц о Мандельштаме:

«Отличительная черта его жизни — внутреннее колоссальное богатство и жуткий контраст с внешней оболочкой его жизни.

Я не видел такой убогости внешней оболочки и такого богатейшего внутреннего мира, вот такого контраста я, действительно, не встречал в жизни.

Этим для меня Роальд Мандельштам и очень дорог.

В этом тщедушном человеке было столько внутренней силы духа. Очень сильный был характер, несмотря на такую кажущуюся внешнюю слабость мышечную, сила духа была мощная...»

Хоронили Мандельштама два человека и Арефьев.

Стояли январские морозы.

Лошадь с санями, гроб и идущие за гробом три одиноких, зябко ежившихся на ветру фигуры.

Похоронен Роальд Мандельштам на Красненьком кладбище в Петербурге.

После смерти Роальда, в руках Шемякина оказалась большая часть рукописей поэта. Именно Шемякин был одним из активных инициаторов издания стихов Мандельштама.

Первая посмертная книга Роальда Мандельштама — «Избранное» — вышла в Иерусалиме в 1982 году.

400 стихотворений. Вот и все, что осталось от прекрасного, трагического петербургского поэта.

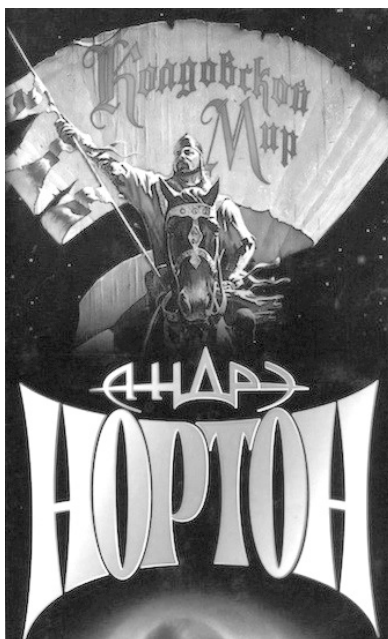

РОАЛЬД МАНДЕЛЬШТАМ
16 сентября 1932 — 26 января 1961

*Александр Железов
(Россия, г. Ярославль)*

ТКАЧИХА

Рассказ Андрэ Нортон
«Паучий шёлк»
из цикла «Преданья Колдовского Мира»

1

Большая буря в год Кобольда пришла поздно, много позже обычного времени, когда её ожидали. И это было только частью того зла, которое навлекли на Эсткарп его хранительницы, когда собрали величайшие силы, искорёжившие и разрушившие горы, намертво запечатав проходы, через которые могло произойти вторжение Карстена.

Раннок оказался беззащитным перед бурей. Только пророческий сон Мудрой Женщины — Ингварны — позволил вовремя увести женщин и детей на высоты, откуда они со страхом смотрели, как море обрушивается на сушу. Вода поднялась так высоко, что волны кипели у самых Змеиных Камней на холмах. Лишь ещё выше, у скалы Тора, смогли спрятаться беженцы, которые теперь, почти теряя сознание от ужаса, ожидали неминуемого конца.

Кто мог надеяться теперь на возвращение рыбацкого флота, только вчера вышедшего в море? Вернутся разве что обломки, игрушки штормовых волн.

А на берегу оставалась только горстка стариков и мальчишек? да один или два таких как Хердрек, Хромоногий, деревенский кузнец. Потому что Раннок сильно обеднел мужчинами, как и всем остальным, с тех пор как война начала опустошать Эсткарп. С севера грозил Ализон, ястреб, готовый сорваться с насеста и устремиться на добычу; на юге кипел и бурлил Карстен, как будто за рухнувшими горами ещё сохранялось что-то живое.

Мужчины, выступившие вместе с пограничниками лорда Симона Трегарта или служившие под знаменами колдуний из Эсткарпа, где они? Семьи давно отчаялись и перестали их ждать. С того времени, как старик Набор (а ему уже перевалило за сотню) был молод и зелен, в этой земле не было мира.

Однако, именно Набор, преодолевая силу ветра, вместе с Ингварной взобрался на скалу Тора; они стояли там, прижавшись плечом к плечу. И он, и она с тревогой смотрели на море. Старик не верил, что Ингварна ещё ждёт возвращения флотилии, хотя и знал, что она может предвидеть будущее.

Беспорядочно вздымавшиеся волны гигантскими кулаками били по скалам. Набор увидел корабль, поднимавшийся и падавший в воду совсем близко от ужасных клыков Змея. Но вот огромный вал перенёс его через эти страшные скалы на относительно спокойную воду за ними. Набор вздохнул облегчённо, как моряк, увидевший чудо: жизнь была выхвачена прямо из клыков смерти. К тому же Раннок обладает правом на останки кораблекрушения. И если корабль продержится, его груз принадлежит тому, кто сумеет доставить его на берег. Старик уже повернулся, чтобы отыскать Хердрека и остальных и послать их за добычей, когда Ингварна повернула голову и сквозь дождь посмотрела ему в глаза. В её пристальном взгляде сквозило предупреждение.

— Кто-то приходит...

Он видел, как губы её произнесли эти слова, но голоса за рёвом ветра и волн не слышал.

И в этот момент раздался страшный грохот, перекрывший даже удары грома. Незнакомый корабль избежал гибели на скалах, но теперь его выбросило на берег, и прибой быстро доламывал его.

К наблюдателям, хромая, присоединился Хердрек.

— Это рейдер, — выкрикнул он в промежутке между порывами ветра. — Наверное, кто-то из морских собак Алисона, — и плюнул в направлении корпуса корабля.

Ингварна уже направлялась к берегу, как будто её влекло туда что-то очень важное. Хердрек предупреждающе крикнул, но она даже не повернула головы. Громко проклиная глупость всех женщин, — впрочем, в следующее мгновение кузнец понадеялся, что Мудрая Жен-

щина его не слышала, — Хердрек последовал за нею, а за ним побежали двое его ребят.

Когда они добрались до берега, буря начала стихать. Волны почти целиком забросали разбитый корабль водорослями. Хердрек обвязался прочной верёвкой, приказал крепко держать её и двинулся в прибой. С помощью свисавших обрывков вант и сорванных ветром парусов он забрался на борт.

Там он увидел плотно закрытый и перевязанный верёвками люк. Кузнец достал нож и разрезал верёвки.

— Эй! — голос его гулко отозвался в темноте внизу. — Есть там кто?

В ответ раздался тонкий крик, словно ему откликнулась морская птица, которая над стихающим морем охотится за добычей бури. Но он решил, что это не птица. Осторожно, оберегая больную ногу, кузнец спустился в вонючий трюм. То, что он увидел, вызвало у него тошноту и гнев против тех, кто владел кораблем. Судно оказалось перевозчиком рабов. Жители Раннока о таких слышали, они торгуют живым товаром.

Однако, из всего груза выжил только один человек. И Хердрек вынес её из ужаса этой тюрьмы. Это была маленькая девочка, худая, с кожей, обтягивающей кости, с огромными глазами, серыми и невидящими. Ингварна забрала девочку у кузнеца, словно имела на это право, и завернула тощее тело в свой тёплый плащ.

Жители Раннока так никогда и не узнали, откуда была родом Дайрин. То, что работоторговцы грабили, где придётся по всему побережью, не было тайной. К тому же жители деревни вскоре обнаружили, что девочка слепа. Ингварна, Мудрая Женщина, искушённая в лекарственных травах и заговорах, умеющая вправлять кости и зализывать раны, печально покачала головой после этого открытия и сказала, что слепота девочки не от телесного повреждения. Должно быть, девочка увидела что-то настолько ужасное, что её мозг вообще отказался смотреть.

Девочке было лет шесть-семь, но дар речи, казалось, тоже покинул ребёнка, и участием её оставался только страх. Женщины Раннока пытались утешить её, но в глубине души хотели, чтобы она оставалась с Ингварной; впрочем, они считали, что та довольно странно обращается с девочкой. Потому что Мудрая Женщина никак не пыталась облегчить жизнь ребёнка. Напротив, с самого начала она обращалась с морским найдёнышем не как с калекой — телом или душой, а как с деревенской девочкой, которую выбрала себе в ученицы, и школа этой девочке предстояла весьма трудная.

Жизнь в эти годы в Ранноке была тяжёлой. Половина флотилии так и не вернулась в посёлок из пасти бури. Не появлялись и береговые торговцы. Наступила трудная зима. Но именно в это время Дайрин впервые показала своё искусство. Хотя глаза её и не видели, что делают пальцы, но она чинила рыбацкие сети с таким мастерством, что тому изумлялись даже опытные женщины.

На следующую весну, когда жители деревни срезали шары локута, чтобы высвободить семена для посадки, Дайрин заинтересовалась шел-

ковистыми внутренними волокнами, она ловко сплетала и расплетала их. Ингварна и Хердрек изготовили маленькое веретено и показали ребёнку, как им работать.

И Дайрин на удивление хорошо им воспользовалась. Её маленькие птичьи пальчики тянули нить тоньше, чем удавалось другим, и никогда не делали узлов. Но девочка всегда казалась недовольной, стремясь сделать свою ткань ещё тоньше, ещё изящнее.

Мудрая Женщина учила свою приёмную дочь и многому другому, учила пользоваться пальцами и обонянием в огороде трав. Дайрин легко усваивала заговоры — немаловажную часть знаний Мудрой Женщины. Усваивала очень быстро, и всегда в ней ощущалось какое-то нетерпение. А когда девочка допускала ошибки, то очень сердилась на себя. И больше всего сердилась, когда испытывала потребность в каком-нибудь орудии или инструменте, который не могла описать.

Как-то раз Ингварна пришла переговорить с Хердрексом (он к этому времени стал старейшиной деревни) и задумчиво сказала, что, возможно, искусство Мудрой Женщины может восстановить утраченную память Дайрин. Когда Кузнец спросил, почему она не говорила об этом раньше, Ингварна серьёзно ответила:

— Этот ребёнок не нашей крови, она была пленницей морских собак. Имеем ли мы право возвращать ей ужасы прошлого? Может, Гуннора, покровительница всех женщин, из жалости отняла у неё память. А если так...

Хердрек прикусил палец, глядя на Дайрин, работавшую у ткацкого станка, который для неё построили по его же приказу; время от времени девочка раздражённо хлопала по станку рукой. Казалось, она хотела переделать станок, изменить тяжёлые деревянные детали, чтобы они лучше служили ей.

— Мне кажется, она со временем становится всё более и более несчастной, — медленно согласился он. — А вначале казалась вполне довольной. Теперь же она иногда ведёт себя так, как снежная кошка в западне. Мне это не нравится.

Мудрая Женщина кивнула.

— Верно. По-моему, это правильный выбор.

Ингварна подошла к девочке, взяла её за руки, повернула и посмотрела прямо в невидящие глаза. Когда женщина прикоснулась к ней, девочка застыла.

— Оставь нас, — сказала Мудрая Женщина кузнецу.

В тот же вечер, когда Хердрек работал у своего горна, Дайрин пришла на свет его огня. Не колеблясь, она направилась прямо к кузнецу. У девочки был острый слух, и она часто удивляла жителей деревни, обнаруживая их присутствие. Но теперь она протянула к кузнецу руки, как к любимому отцу. И он понял, что всё в порядке, несмотря на явно тяготившую её слепоту.

К середине лета, когда отцвели локуты и осыпались их цветы, Дайрин часто уходила в поля, ласково прикасаясь пальцами к набухавшим

шарам. Иногда она пела странные песни на чужом языке, слово растения — это дети (вначале ростом ей по колено, потом — по плечо), которых нужно забавлять и о которых нужно заботиться.

Хердрек, следуя указаниям девочки, изменил устройство её станка. А от Ингварны она узнавала тайны красок, да и сама с ними часто экспериментировала. У неё не было настоящих друзей среди немногих детей умирающей деревни. Вначале потому, что она почти не выходила одна, без Ингварны, а дети побаивались Мудрой Женщины. А потом из-за своих странных поступков: она казалась очень серьёзной и взрослой для своих лет.

Только на шестой год после её появления к берегу пристал корабль салкаров — первое чужое судно после того кораблекрушения. И капитан корабля принёс весть, что война, наконец, закончилась.

Поражение захватчиков из Карстена, которые так истощили силы правительниц Эсткарпа, было полным. Теперь главнокомандующим армий Эсткарпа стал Корис из Горма, потому что многие колдуньи погибли в борьбе с врагом. Но мир всё же не вернулся на утомлённую войной землю. Морские собаки получили подкрепление от остатков разбитого флота Карстена. И как всегда во времена смуты, многие другие волчьи головы, не знающие ни родины, ни верности, как могли опустошали земли. Силы капитан-генерала Кориса пытались защитить границы, но справиться с мелкими неожиданными нападениями, когда нападавшие так же стремительно уходили, защитники никак не могли.

На капитана салкарского корабля произвела большое впечатление сотканная Дайрин ткань, и он предложил Ингварне гораздо большую плату, чем можно было ожидать в этой забытой всеми деревне. Девочка его очень заинтересовала, и он пытался разговаривать с ней на нескольких языках. Но она отвечала только на языке Эсткарпа, сказав, что других не знает.

В разговоре с Ингварной капитан сказал, что встречал похожих на неё людей в своих странствиях, но не помнит где. И он считал, что она не простого рода.

Год спустя Ингварна передала все свои знания Мудрой Женщины морскому найдёнышу.

Никто не знал, сколько лет Ингварне, потому что она не проявляла никаких признаков старости, как и все те, кто знает свойства трав и лекарств. Но было правдой, что теперь она ходила медленнее и больше не странствовала одна в поисках мест силы, а брала с собой Дайрин. Никто не знал, что они делали вдвоём, потому что кто же решится подсматривать за женщиной с колдовским даром?

В тот день несколько рыбачьих лодок ушли в море до рассвета. Накануне ночью Мудрая Женщина вместе со своей воспитанницей ушли в глубь суши, чтобы навестить некое очень древнее место. Ингварна развела там костёр, который горел неестественным красным пламенем, а скорее голубым. В это пламя она бросала маленькие плотно перевязанные пучки трав, так что вверх поднимался ароматный дым.

Но смотрела Мудрая Женщина не на огонь, а на стоявший перед ним камень — камень с гладкой, как стекло, поверхностью цвета лезвия меча.

Дайрин стояла чуть позади Мудрой Женщины. Хотя все эти годы Ингварна учила её, как возмещать другими чувствами исчезнувшее зрение, и теперь пальцы её стоили десяти глаз, ноздри могли уловить запахи, а уши — звуки, которых не чувствовал обычный человек, однако, в такие минуты девушка хотела быть такой же, как все, испытывая ощущение огромной потери; слёзы выступали у неё на глазах и медленно текли по щекам. Ингварна много дала ей, но всё же она не такая, как остальные. И иногда одиночество окутывало её, словно тяжёлый плащ. Девушка почувствовала, что Ингварна замыслила какую-то перемену. Но не надеялась, конечно, что сможет видеть, как остальные.

Она ясно слышала пение Мудрой Женщины. Аромат горящих трав заполнил её ноздри, и ей захотелось глотнуть свежего воздуха. Потом последовал приказ, не произнесённый вслух и не переданный прикосновением к руке или плечу. Приказ она услышала мозгом и пошла вперёд, вытянув руки, пока десять пальцев не прижались к дрожащей поверхности камня. Тёплой, даже горячей, так что едва не сжигало кожу, а биение камня совпадало с биением сердца девушки. Но Дайрин стояла неподвижно, а голос Мудрой Женщины становился слабее, как будто девушка отдалилась в пространстве от своей приёмной матери.

Она почувствовала поток энергии, идущий от этой поверхности; тепло растекалось по её пальцам, ладоням, рукам. Ещё слабее слышался голос Ингварны, ради неё взывающей к странным полузабытым силам.

Тепло постепенно отступало. Девушка не могла сказать, долго ли так простояла. Но наступил момент, когда руки её упали, слишком отяжелевшие, чтобы она могла снова поднять их.

— Что сделано, то сделано, — голос Ингварны тоже звучал тяжело. — Всем, чем могла, я поделилась с тобой. Ты слепа, однако, теперь обладаешь зрением, какого нет у обычных людей. Пользуйся им хорошо.

С того дня стало известно, что Дайрин действительно может «видеть» руками. Она могла взять в руки вещь и рассказать, кто её изготовил и когда. Если ей давали в руки клочок шерсти тонкорунной овцы, она говорила встревоженному владельцу, где бродит потерявшееся животное.

Но одним предвидением, сделанным случайно, она ни с кем не поделилась. Во время танца на празднике Урожая Дайрин взяла за руку маленькую Хальду, но тут же выпустила тонкие пальчики девочки, со слезами убежала в дом Ингварны и там спряталась. А через месяц Хальда умерла от лихорадки. С тех пор девушка редко и со страхом пользовалась этим своим даром.

В год Червя, когда Дайрин превратилась в молодую женщину, внезапно умерла Ингварна. Как будто предвидя другой возможный исход, она призвала к себе смерть, как призывают слугу для исполнения приказа.

И хотя Дайрин не была Мудрой Женщиной, она приняла на себя многие обязанности своей приёмной матери. А через месяц после погребения Мудрой Женщины в деревню вновь зашёл салкарский корабль.

Когда капитан рассказывал жителям позабытого всеми селения о происшествиях в мире, глаза его не отрывались от Дайрин, которая, слушая, продолжала ткать. Она явно выделялась среди жителей деревни своими странными светлыми серебряными волосами и серебряными глазами.

Капитаном этим был Сиббальд Ортис, Сиббальд Однорукий — так прозвали моряка после того, как в битве ему отрубили руку и кузнец приделал салкару новую, железную. Он был молод и недавно начал командовать кораблём, хотя почти всю жизнь, что обычно для его племени, провёл в море.

Он рассказал, что наконец-то на земле установился мир. Корис из Горма твёрдой рукой правил Эсткарпом. Ализон попытался было осуществить вторжение за морем, но потерпел поражение. А Карстен весь охвачен хаосом: каждый принц или лорд выступает против любого другого; морских же пиратов одного за другим вылавливают и предают безжалостной смерти.

Дав понять, что он в Ранноке на законном основании, капитан перешёл к делу и поинтересовался, есть ли у деревни товары, которые могли бы занять место в его трюме?

Хердрек не хотел признаваться в собственной нищете перед этими чужаками. Но кузнецу очень хотелось — и он с трудом скрывал это желание — приобрести хоть часть тех инструментов и орудий, которыми так небрежно пользовались моряки. Но что может найтись на продажу в Ранноке? Сушёная рыба, чтобы продержаться долгую зиму, да немного домотканой одежды.

Жителям деревни будет даже трудно устроить пир в честь гостей, как того требует обычай. Но отказаться от этого — значит отказаться от всех законов предков.

Дайрин, слушая капитана, жалела, что не может коснуться его руки, узнать, что это за человек, бывавший так далеко и видевший так много. И тоскливо подумала, как было бы хорошо хоть ненадолго избавиться от привычной, хорошо знакомой жизни Раннока, увидеть, что лежит дальше, в мире за пределами деревни. Пальцы её продолжали уверенно держать нить, но мысли витали далеко.

Внезапно очнувшись от размышлений, девушка подняла голову, потому что почувствовала: кто-то остановился рядом с ней. Обоняние уловило запах просоленной морем кожи, другие запахи. Незнакомец, один из моряков с салкарского корабля.

— Ты очень искусна в этой работе, девушка.

Она узнала голос предводителя салкаров.

— Это мое умение, капитан.

— Говорят, судьба тебя не баловала, — он говорил откровенно, и это ей понравилось.

— Нет, лорд капитан. Жители Раннока всегда были добры ко мне. И их Мудрая Женщина удочерила меня. Поэтому, хотя глаза мои и закрыты для мира, руки хорошо служат мне. Пойдём, увидишь сам! — сказав это с гордостью, она встала со стула и сунула веретено за пояс.

Дайрин привела его в свой дом, пропахший ароматами трав, и указала на ткацкий станок, изготовленный для её Хердреком.

— Как видишь, лорд капитан, я не бездельничаю, хоть и слепа.

Она знала, что в её незаконченной ткани нет изъянов. Ортис некоторое время молчал. Потом она услышала его удивлённый возглас.

— Прекрасная ткань. Ни в плетении, ни в цвете совсем нет ошибок... Как тебе это удалось?

— Собственными руками, лорд капитан! — Дайрин рассмеялась. — Дай мне что-нибудь принадлежащее тебе, и я покажу, что вижу пальцами лучше, чем глазами.

Девушку охватило непривычное возбуждение: она знала, что наступает очень важный момент в её жизни. Послышался лёгкий шелест, словно разворачивали ткань, и ей в руки положили ленту.

— Расскажи, — приказал капитан, — откуда это и как сделано.

Она провела пальцами по шёлковой ленте. Это было соткано — да. Но её «видящие» руки не давали изображения человеческих пальцев, занятых такой работой. Нет, органы, создавшие эту ткань, имели какую-то странную форму. И работали так быстро, что мелькали, почти сливаясь друг с другом. Это сделала не женщина. Во всяком случае не женщина, каких знает Дайрин. Но что-то женское в этом есть.

— Паучий шёлк... — она сама не знала, что произнесёт, пока не услышала свои слова. — Но не обычный паук. Ткала всё-таки женщина... нет, не женщина...

Она поднесла ленту к щеке. И в ней возникло горячее желание узнать как можно больше о том, как это сделано.

— Ты права, — голос капитана нарушил её сосредоточенность. — Эта ткань из Устурта. Если бы у меня было хотя бы две штуки такого материала, путешествие окупилось бы втрое.

— А где этот Устурт? — спросила Дайрин. Если бы она могла отправиться туда, узнать... — И кто такие ткачихи? Мне они не кажутся похожими на людей.

Она снова услышала его удивлённый возглас.

— Увидеть ткачих, — сказал он тихо, — это смерть. Они ненавидят людей...

— Нет, лорд капитан! — возразила Дайрин. — Не всех людей они ненавидят, только мужчин, — знание пришло к ней от этой полоски в руках.

Какое-то время она молчала. Неужели салкар сомневается в её словах?

— Никто не плавает добровольно в Устурт, — сказал он. — Эту ленту дал мне человек, который, рискуя жизнью, всё-таки осмелился по-

бывать там и ушёл с огромным трудом. Но он умер вскоре после того, как мы выловили его на плоту в открытом море.

— Капитан, — девушка погладила шёлк. — Ты сказал, что такая ткань — настоящее сокровище. Мой народ беден и становится всё беднее. Если кто-нибудь узнает тайну этой ткани, что хорошего нам это даст?

Он резко выдернул у неё ленту.

— Это невозможно.

— Возможно! — Дайрин заговорила быстро, одно слово за другим: — Женщины — самки — соткали это. С женщиной, тоже ткачихой, они обойдутся по-другому.

Большие мозолистые руки сжали ей плечи.

— Девушка, даже за всё золото Карстена я не послал бы женщину в Устурт! Ты не понимаешь, о чём говоришь. Это правда, что у тебя есть Дар. Но ты не обученная колдунья, и ты слепа. И предлагаешь такую глупость... Эй, Видрут, в чём дело?

Дайрин уже почувствовала чьё-то приближение.

— Прилив начался. Нам нужно сменить стоянку у скал, капитан.

— Хорошо. Ну, девушка, да послужит тебе защитой Правая Рука Аракена. Когда зовёт корабль, ни один капитан не станет медлить.

И прежде чем она успела пожелать салкару добра, тот исчез. Девушка присела на свою жёсткую скамью у станка. Руки её дрожали, из глаз капали слёзы. Она чувствовала себя так, словно ей дали в руки сокровище, а потом безжалостно его отняли. Она была уверена, что инстинкт не обманывал её, что если кто-то и может узнать тайны Устурта, то только она.

Теперь, когда она прикоснулась к собственной ткани, та показалась ей грубой и отвратительной. Мысленно она видела лес, в котором от дерева к дереву протянулись сверкающие паутины из прямых нитей.

Через открытую дверь донёсся морской ветер. Дайрин подняла голову, словно кто-то потянул её за волосы.

— Кто ты? — быстро спросила она.

— Я Видрут, девушка, помощник капитана Ортиса.

Она быстро встала.

— Он принял мой план? — она не видела другой причины появлению моряка в её доме.

— Да, девушка. Он ждёт нас. Дай мне руку... вот так... Мужские пальцы крепко сжали Дайрин. Она попыталась высвободить руку. Этот человек — что-то в нём было неправильное. Но тут на девушку упал плащ и так крепко окутал её, что она не могла бороться. Нечистые запахи заполнили ноздри, но хуже всего было то, что Видрут взвалил её на плечи, как будто она — всего лишь связка товара.

Дайрин принесли на борт корабля: спеленавший девушку плащ не мешал её слуху и обонянию. Но в своих мыслях она не могла разобраться. Почему капитан Ортис вначале так яростно и искренне (прикоснувшись к нему, она узнала, что он искренен) отказывался взять её? А потом этот человек попросту похитил её, как женщину во время набега.

Хорошо известно, что Салкары не занимаются работоторговлей. Тогда почему?

Наконец, с девушки сняли плащ. Однако, воздух, который Дайрин с благодарностью втянула в лёгкие, не был свежим морским воздухом, его наполняло такое зловоние, что она сама себе показалась нечистой. И девушка подумала, что её тюрьма спрятана где-то глубоко в трюме корабля.

— Зачем ты это сделал? — спросила Дайрин у человека, который тяжело дышал рядом с ней.

— Приказ капитана, — ответил тот, приблизившись к ней, так что она не только ощутила запах нечистого тела, но и его тепло. — У него есть глаза, у нашего капитана. Какая гладкокожая красивая девчонка...

— Оставь её, Вэк! — это был Видрут.

— Слушаюсь, капитан, — ответил тот с ноткой лёгкого презрения. — Тут она в безопасности...

— И тут и останется. В безопасности от тебя, Вэк, и таких, как ты. Убирайся!

Вэк зарычал, будто собирался оспорить право приказывать ему. Потом Дайрин уловила звук открывшейся и закрывшейся двери.

— Ты не капитан, — сказала она в наступившей тишине.

— Произошла смена в команде, — возразил Видрут. — Последние месяцы капитан не приносил нам удачи. И когда мы узнали, что он не собирается увеличить наши шансы... он был...

— Убит!

— Вовсе нет! Думаешь, мне нужна кровная вражда со всем его кланом? Салкарам не больно нравится, когда кому-то из их рода выпускают красную жизнь из жил.

— Не понимаю. Вы же все салкары...

— Отнюдь, девушка. Мир изменился с тех пор, как только салкары правили морями. Они бойцы, а бойцы часто гибнут. Они, сражаясь с колдерами, взорвали Салкаркип, тем самым уничтожили врага, но и сами многих потеряли. Потом они сражались с Карстеном, участвовали во взятии Горма, да. А потом защищали моря от морских собак Ализона. И потеряли многих, очень многих. И теперь, когда нужно вывести корабль из гавани, им приходится нанимать других, а не только своих родичей, чтобы поднять паруса и лечь на курс. Нет, мы не убили Сиббальда Ортиса, он нам может ещё пригодиться. И он в безопасности, девушка.

А теперь перейдём к нашему делу. Я слышал твой разговор с Ортисом. К тому же от этих голодранцев, что живут в Ранноке, я многое о тебе узнал. Ты владеешь Даром Мудрой Женщины, хотя не можешь полностью

овладеть силой, потому что слепа. И ты сама сказала: если кто-то может поладить с этими дьявольскими самками из Устурта, то это ты.

Подумай о паучьем шёлке, девушка. Ты ведь держала в руке кусок, который тебе дал Ортис. И многое можешь, если только жители Раннока не спятили. Но в это я не верю. Такой шанс у человека бывает только раз в жизни.

Она слышала алчность в его голосе. Может, эта алчность послужит ей защитой. Видрут позаботится об её безопасности. По той же причине, по которой он будет заботиться и о Сиббальде Ортисе.

— Зачем же ты тогда захватил меня, если у тебя добрые намерения? Если ты слышал мой разговор с капитаном, то знаешь, что я пошла бы на это добровольно.

Он рассмеялся.

— Думаешь, эти сухопутные полулюди отпустили бы тебя? Три четверти колдуний погибли, собственная Мудрая Женщина тоже в могиле, и они не отдали бы тебя, даже если Дар твой совсем мал. Теперь на этой земле нужен каждый, кто обладает хоть крупницей силы.

Ну, да это неважно. Тебя с радостью примут, когда ты вернёшься, узнав тайну Устурта. Если, конечно, захочешь вернуться.

— Но откуда ты знаешь, что в Устурте я буду стараться ради тебя?

— Потому что не захочешь, чтобы самкам отдали капитана. Они не очень-то добры к пленникам.

В словах его слышался страх, который он тщетно пытался подавить.

— К тому же, если ты не будешь нас слушаться, мы просто уплывём и оставим тебя в Устурте на всю жизнь. Туда не ходят корабли. Долгая жизнь и никого твоего племени рядом... Подумай об этом, девушка.

Он немного помолчал, потом добавил:

— Заключим сделку, девушка, и поклянемся, что будем выполнять её условия. Ты договариваешься с ткачихами, мы отвозим тебя назад в Раннок или куда захочешь. Мы даже можем посадить с тобой капитана. Никому не будет причинено вреда. Мы даже выделим тебе часть шёлка. Ты сможешь тогда купить себе весь Раннок с окрестностями и стать хозяйкой крепости.

— Ещё одно... — Дайрин с содроганием вспомнила Вэка. — Твои люди не должны касаться меня. Ты ведь знаешь, что в таком случае происходит с Даром?

Когда Видрут ответил, в голосе его звучала угроза, хотя нацелена она была не на неё.

— Все знают, что Дар покидает женщину, которая разделила ложе с мужчиной. Никто тебя не потревожит.

— Да будет так, — ответила она с внешним спокойствием, которое ей трудно было сохранить. — У тебя есть тот кусок шёлка? Мне он нужен, чтобы узнать побольше.

Она услышала, как скрипнула дверь её тюрьмы. Когда всё стихло, она принялась за исследование. Каюта была совсем маленькой; у стены полка, стул, как будто привинченный к палубе, и больше ничего. Заключили ли

капитана Ортиса в такой же каморке? И как сумел Видрут отстранить капитана? То, что она узнала о капитане Сиббальде Ортисе во время их короткого разговора, заставляло думать, что с ним нелегко справиться врагу.

Когда Видрут вернулся и положил ей на руки шёлковую ленту, Дайрин спокойно сидела на стуле.

— Узнавай, что сможешь, — сказал он. — Если ветер будет нам благоприятствовать, через два дня пути мы достигнем Устурта. Пищу, воду, всё, что захочешь, тебе принесут, и стражник будет следить, чтобы тебя не тревожили.

Держа в руках мягкий шёлк, Дайрин сосредоточилась. Никаких иллюзий относительно Видрута у неё не было. Для него и остальных она всего лишь оружие. Она слепа, поэтому, несмотря на все эти разговоры о Даре и силе, он её недооценивает. С ней не раз в прошлом уже случалось подобное.

Дайрин сознательно отгородилась от мира, закрыла уши, чтобы не слышать скрипа снастей, плеска волн, закрыла нос для многих неприятных запахов. Снова её «зрение» направилось внутрь. И девушка «увидела» голубые руки (которые, вообще-то, совсем не руки), занятые тканьем. Материал не был одноцветным, он переливался яркими чистыми красками, для описания которых у неё бы не нашлось слов.

Теперь Дайрин попробовала заглянуть за эту ткань и увидеть станки. У неё сложилось впечатление высоких тёмных стоек. И это не гладкое оструганное дерево. Нет, поверхность неровная. Это же деревья, растущие деревья!

Руки — теперь нужно сосредоточиться на двигающихся руках ткачих.

Но в этот момент раздался стук в дверь, нарушивший сосредоточенность девушки. Раздражённая, она повернула голову к двери каюты.

— Войдите!

Снова скрип петель, стук обуви, запах просоленной кожи, запах мужчины. Вошедший беспокойно откашлялся.

— Леди, вот еда.

Дайрин отложила ленту и протянула руки: неожиданно она почувствовала голод и жажду.

— С твоего разрешения, леди, — он сунул ей в правую руку кружку, поставил на другую ладонь чашку. — Вот здесь ложка. У нас только корабельный эль, леди, и похлёбка.

— Спасибо, — ответила она. — И как же тебя зовут, моряк?

— Ротар, леди. Я ношу щит без герба, и я не настоящий моряк. Но так как другого ремесла, кроме войны, не знаю, это дело так же хорошо, как всякие другие.

— Но в этом ты всё же сомневаешься, — Дайрин, поставив кружку на палубу, зажала её меж своими изношенными сандалиями. Потом мягко взяла моряка за руку и попробовала прочесть. Девушке подумалось, что она не должна упускать возможности больше узнать о подчинённых Видрута; она чувствовала, что Ротар совсем не то, что Вэк.

— Леди... — произнёс он очень тихо и быстро, — говорят, ты разбираешься в травах. Почему бы тогда Видруту не отвести тебя к капитану? Что за странная быстрая болезнь его поразила?

Человек, руку которого держала Дайрин, был тоже молод. И в нём не было желания обманывать.

— Где лежит капитан? — тоже негромко спросила она.

— В своей каюте. Он в лихорадке и бредит. Как будто околдован и...

— Ротар! — резкий крик от двери. Рука, которую она держала, резко высвободилась. Но она успела почувствовать прилив страха.

— Я пообещал, что тебя не будут тревожить! Этот щенок приставал к тебе? — спросил Видрут.

— Вовсе нет, — Дайрин сама удивилась тому, какой у неё спокойный голос. — Он был очень добр и принёс мне еды и воды, я в этом нуждалась.

— А теперь — прочь! — грубо приказал Видрут. Девушка услышала, как за Ротаром закрылась дверь. — Что же ты узнала, девушка, из этого куска шёлка?

— У меня было мало времени, лорд. Дай мне больше. Я должна изучить ткань.

— Так сделай это, — приказал он и тоже вышел.

Больше он не приходил, и Ротар больше не приносил ей пищу. Но Дайрин думала о том, что молодой воин рассказал ей о капитане. Со слов Видрута выходило, что весь экипаж на его стороне в плане захватить корабль и плыть в Устурт. Есть травы, которые, если поместить их в еду или питьё, надолго погрузят человека в глубины лихорадки. Если бы она смогла осмотреть капитана, она бы знала. Но выйти из каюты она не могла.

Время от времени неожиданно появлялся Видрут и справлялся, что нового она узнала о ленте. В его вопросах звучала такая алчность, что девушке с трудом удавалось сохранять спокойствие. Наконец, она сказала ему:

— Разве ты не знаешь, капитан, что Дар нельзя заставить? Я пыталась узнать всё, что можно. Эта ткань сделана не людьми. А природу чужака не так легко раскрыть. Несмотря на все попытки, я не могу мысленно представить себе их. Ясно вижу только сам процесс ткачества.

И когда он не ответил, Дайрин продолжила.

— Это ведь дело не тела, а ума. По такой дороге нельзя бежать, как взрослый, следует ползти, как ребёнок.

— Тебе осталось меньше дня. Ещё до захода солнца мы увидим берега Устурта. О колдовской силе я знаю только по рассказам, а эти рассказы часто искажают суть. Помни девушка, жизнь твоя зависит от твоего «видения»!

Она слышала, как он уходит. Лента больше не казалась мягкой и лёгкой. Напротив, она лежала на руках, как рабские цепи. Дайрин поела корабельных сухарей с принесённой Видрутом тарелки. Действительно, время прошло, а она ничего существенного не добилась.

Да, теперь она хорошо представляла себе станок и видела, как появляется шёлк под быстрыми пальцами. Но тело за этими пальцами она никак не могла рассмотреть. И как ни старалась, не могла увидеть ни одной из ткачих, делающих эту ткань.

Капитан Ортис — его она видела, потому что он держал ленту в руках. Видела и Видрута. Был и третий, менее различимый, укрытый чёрным облаком страха. День сейчас или ночь? Она утратила представление о времени, но чувствовала, что корабль всё ещё идёт по ветру.

И вдруг — она не одна в каюте. Хотя предупреждающего скрипа двери девушка не слышала. Страх заставил её сжаться, напряжённо сидя на стуле, рассчитывая только на мозг.

— Леди?

Ротар? Но как он вошёл?

— Где ты? — Дайрин пришлось облизать губы, прежде чем она смогла произнести эти слова.

— Сейчас тебя высажат на берег Устурта. Капитан Ортис вышел, опираясь на руку Видрута, он весь дрожит. И он не отдаёт приказы, только Видрут. Леди, здесь что-то неправильно — потому что мы в Устурте. И Видрут командует. Это неправильно.

— Я знала, что должна буду идти в Устурт, — ответила девушка. — Ротар, если ты верен капитану, знай, что он пленник Видрута, как и я. И если я не исполню приказ Видрута, придёт ещё большая беда... смерть...

— Ты не понимаешь! — голос его звучал хрипло. — На этой земле живут чудовища. Говорят, один их вид сводит человека с ума!

— Но я-то их не увижу, — напомнила ему Дайрин. — Сколько у меня ещё времени?

— Совсем немного.

— Где я и как ты попал сюда?

— Ты в сокровищнице, под каютой капитана. Я воспользовался потайным ходом, потому что впервые капитан и Видрут вместе вышли из каюты. Они должны внимательно следить за проходом мимо рифов во внутреннюю лагуну.

— Ты можешь провести меня в каюту капитана? — если она узнает, как Видрут подчинил себе капитана, то, может быть, поможет человеку, которому верит.

— Дай мне твои руки, леди. У нас очень мало времени.

Она протянула руки, и её запястья сразу болезненно сжали.

Однако, Дайрин не пожаловалась и не издала ни звука. Сильным рывком её подтянули вверх, словно Ротар делал это одним усилием. Когда он снова поставил девушку на ноги, она почувствовала, что вокруг гораздо больше пространства. И через какое-то окно сюда залетал свежий морской ветерок.

Но этого было недостаточно, чтобы скрыть от неё красноречивый запах — запах зла.

— Отпусти меня и ничего не трогай, — приказала Дайрин Ротару.

— Я буду искать, и малейшее твоё прикосновение собьёт меня.

Она медленно отвернулась от ветра, повернула направо.

— Что передо мной?

— Постель капитана, леди.

Шаг за шагом она двинулась в том направлении. Запах зла становился сильнее. Что именно это было, Дайрин ещё не знала: Ингварна учила её различать тьму, но всё же она знала пока очень мало. Однако, девушка хорошо различала острый запах какого-то чёрного колдовства.

— Сними всё с постели, — приказала она. — Если увидишь что-то необычное, не трогай руками. Лучше используй что-нибудь железное. И быстро выбрось в океан.

Он ни о чём не спрашивал, и Дайрин внимательно слушала его торопливые движения. А потом...

— Здесь... корень, весь перекрученный. Под подушкой, леди.

— Подожди! — может, теперь вся постель пропитана злом, и недостаточно просто уничтожить его источник. — Собери всё — подушку, одеяло — и в море! — приказала она. — Спусти меня назад в сокровищницу и, если будет время, заправь постель заново. Я не знаю, что за колдовство тут было использовано. Но оно от Тьмы, а не от Силы. Постарайся не прикасаться к нему.

— Я так и сделаю, леди! — горячо ответил Ротар. — Отойди, я избавлюсь от этого.

Девушка отступила и услышала стук его морских сапог — он прошёл к источнику ветра.

— Теперь я отведу тебя в безопасное место, леди, пока капитан не придёт в себя и не сместит Видрута.

Он сжал её руками и осторожно опустил вниз в сокровищницу. Дайрин внимательно прислушалась. Но как воин закрыл потайной ход, а девушка не сомневалась в том, что он сделал это, она не уловила.

3

Ей не пришлось долго ждать, дверь в каюту открылась, и она узнала шаги Видрута.

— Слушай внимательно, девушка, — приказал он. — Устурт — это остров, один из цепи островов, уходящих в море от берега. Когда-то эти острова могли быть частью суши. Сейчас большинство из них — голые скалы, которые омывает такое течение, что пристать невозможно. Так что не думай, что сможешь уплыть помимо нас. Мы высадим тебя на берег и будем ждать в море. Когда раз узнаешь всё, что мы хотим, выходи на берег и положи три камня один на другой...

Дайрин показалось, что его приготовления недостаточно продуманы. Но она ни о чём не спрашивала. Надеяться она могла только на Ротара и капитана. Видрут сжал ей руку. Потом подвёл её к лестнице, положил руку на перила.

— Поднимайся, девушка. И лучше тебе выполнить твою часть договора. В команде есть такие, кто боится колдовства, они говорят,

что имеется только один способ обезоружить колдунью. Ты знаешь этот способ.

Она вздрогнула. Да, чтобы уничтожить силу колдуньи, нужно насладиться ею как женщиной. Все мужчины опытни в таких делах.

— Ротар переправит тебя на берег, — продолжал Видрут. — И мы будем следить за вами. Не вздумай уговаривать его нарушить приказ: всё равно здесь деваться некуда...

Дайрин оказалась на палубе, услышала голоса. Где стоит капитан Ортис? Видрут не дал ей времени разобраться в звуках. Он подтолкнул девушку к поручню. Потом подхватил на руки, словно она маленький ребёнок, и опустил в другие руки. Её посадили на скамью.

Рядом слышался рокот моря, и девушка различила скрип весёл в уключинах.

— Ты считаешь меня колдуньей, Ротар? — спросила она.

— Леди, я не знаю, кто ты. Но могу поклясться, что ты в опасности. Видрут очень опасен. Если капитан придёт в себя...

Он замолчал, потом продолжил:

— За время войн я привык ненавидеть, когда мужчину или женщину заставляют служить силой. У меня нет будущего, я порождение войны и не имею другой профессии, кроме убийства. Поэтому я сделаю, что смогу, чтобы помочь тебе и капитану.

— Ты так молод, а говоришь, что у тебя нет будущего.

— Но в убийствах я стар, — мрачно ответил он. — И видел много таких, как Видрут. Леди, мы у берега. И за нами следят с корабля. Когда я буду высаживать тебя, незаметно возьми то, что найдёшь у меня на поясе, и спрячь. Это нож, сделанный из лучшей небесной стали; его выковал сам Хамрейкер. По правде говоря, он не мой, а капитана.

Дайрин поступила, как он велел, когда Ротар переносил её через невысокий прибой на сухое место. В ней ожили воспоминания. Она уже видела такой нож... в нём отражался огонь пожара...

— Нет! — вслух крикнула она, чтобы отогнать это видение. Но продолжала сжимать пальцами рукоятку ножа.

— Да! — воин сильнее сжал её. Он не понимал причины, но ощутил внутреннее смятение девушки. — Ты должна взять его.

— Иди прямо вперёд, — затем велел он ей. — На корабле на тебя нацелили большой самострел. Впереди деревья. Говорят, там и живут пауки. Леди, я не могу открыто помогать тебе, потому что это наверняка приведёт меня к смерти. Но чем смогу, помогу.

Дайрин охватила неуверенность. Она казалась себе обнажённой, уязвимой перед тем, чего не знает. Но те, кто следит за нею, не должны этого заметить. Запястье у неё было перевязано шёлковой лентой. А в складках платья она спрятала нож. Слегка поворачивая голову по сторонам, девушка сосредоточенно прислушалась и медленно пошла вперёд, преодолевая сопротивление песка.

Прохлада — должно быть, она вошла в тень деревьев. Дайрин протянула руку, нащупала грубую кору, обошла ствол и встала за ним, пре-

вратив дерево в преграду между её спиной и тем самострелом, о котором предупредил Ротар.

И тут же девушка поняла, словно об этом сказали глаза, что за нею следят не только с корабля. Они шла под наблюдением кого-то — или чего-то — ещё. Дайрин использовала все свои способности, пытаясь определить, что это.

Мгновением позже она ахнула. В её открытый мозг проник поток мысли. Её словно схватили гигантской рукой, поднесли к огромным глазам и стали рассматривать — снаружи и изнутри.

Дайрин пошатнулась, потрясённая этим нефизическим прикосновением, разглядыванием. Это не человеческое исследование, но в то же время и не враждебное, поняла она, пытаясь сохранить спокойствие.

«Зачем ты пришла сюда, самка?»

Эти слова чётко прозвучали в сознании Дайрин. Но она по-прежнему не могла создать мысленно изображение спрашивающего.

Дайрин чуть повернулась вправо и протянула вперёд руку с повязкой.

— В поисках тех, кто может соткать такую красоту, — ответила она вслух, в то же время думая, смогут ли услышать и понять её слова.

Снова пришло ощущение, что её рассматривают, оценивают. На этот раз она выдержала, не дрогнув.

«Ты считаешь эту вещь прекрасной?» — вновь возник в голове мысленный вопрос.

— Да.

«Но у тебя нет глаз, чтобы увидеть её», — это прозвучало резко, словно отрицание слов девушки.

— У меня нет глаз, это правда. Но я научилась вместо них пользоваться пальцами. Я тоже ткаю, но только так, как умеет моё племя.

Молчание, потом прикосновение к руке, такое лёгкое, что Дайрин не была даже уверена, что на самом деле ощутила его. Девушка ждала. Она понимала, что здесь есть свои преграды, и она сможет идти дальше, только если ей разрешат.

Снова прикосновение к руке, на этот раз более продолжительное. Дайрин не делала попыток схватить то, что её коснулось, хотя попыталась использовать это прикосновение для мысленного поиска. Но увидела только яркие вихри.

«Самка, возможно, ты играешь в грубые игры с нитями, как всё твоё племя. Однако, это не даёт тебе права называться ткачихой!» — в этом ответе прозвучало явное высокомерие.

— Но могу ли я научиться вашему мастерству?

«С такими-то неловкими руками? — что-то коснулось её пальцев. — Невозможно. Но можешь пройти и попробовать увидеть пальцами то, чего никогда не достигаешь».

Прикосновение, скользнув по руке, обхватило запястье столь же прочно, как рабские цепи. Дайрин поняла, что бегства быть не может. Её потащили вперёд. Странно, но представить себе существо, которое её вело, она так и не могла, зато отчётливо представляла, что находится впереди.

Они шли по извилистой тропе. Иногда девушка задевала за стволы деревьев, чувствовала, как они пересекают открытые пространства... пока, наконец, не утратила всякое представление, в каком направлении остался берег.

Наконец, они оказались на открытом месте, где на ветвях была устроена какая-то крыша, защищающая от солнца. Дайрин услышала лёгкие торопливые звуки.

«Протяни руки! — приказал её проводник. — И опиши, что найдёшь перед собой».

Дайрин повиновалась, двигаясь медленно и осторожно. Пальцы её нащупали прочную поверхность, похожую на древесную кору. Но вокруг этой поверхности были туго натянуты нити основы. Девушка прикоснулась к нитям, провела по ним пальцами, пока не добралась до другой поверхности. Потом наклонилась и нащупала саму ткань, гладкую, как её лента. Свободная нить уходила в сторону — должно быть, к челноку ткачихи.

— Как прекрасно!

И впервые с тех пор, как её начала учить Ингварна, Дайрин затосковала по настоящему зрению. В ней вспыхнуло желание увидеть цвет — прикоснувшись к ткани, она сразу подумала о цвете. Но когда попыталась «прочесть» ткачиху, увидела только быстрые движения худых нечеловеческих рук.

«Можешь сделать такую, называющая себя ткачихой?»

— Не такую тонкую, — правдиво ответила Дайрин. — Это лучше всего, чего я касалась.

«Протяни руки!» — девушка почувствовала, что этот приказ отдал не её проводник, а другое существо.

Она вытянула руки, ладонями вверх, развела пальцы. И ощутила лёгкое, как пёрышко, прикосновение к каждому пальцу, скольжение вдоль ладони.

«Это правда. Ты ткачиха — своего рода. Почему ты пришла к нам, самка?»

— Я хочу учиться, — Дайрин перевела дыхание. Какое значение имеет сейчас желание Видрута торговать тканью? Вот что гораздо важнее. — Хочу научиться у тех, кто умеет.

Она продолжала ждать. Вокруг неё разговаривали, но из этого разговора они ничего не могла уловить и понять. Если эти ткачихи примут её, зачем ей возвращаться к Видруту? Планы Ротара? Они слишком неопределённые. Если же девушка завоюет добрую волю этих, у неё появится защита от зла собственного племени.

«Руки у тебя неуклюжие, и глаз нет, — это прозвучало, как удар хлыста. — Посмотрим, что ты умеешь делать, самка».

Ей сунули в руки челнок. Она тщательно, с помощью лёгких прикосновений изучила его. Форма челнока слегка отличалась от той, к которой она привыкла, но она сможет им воспользоваться. Точно так же она ощупала ткань на станке. Нити основы и утка были очень тонкие,

но Дайрин сосредоточилась, пока не «увидела», что находится перед ней. И медленно начала ткать; потребовалось очень много времени, чтобы она соткала таким образом с полдюйма полотна, заметно отличавшегося от начала той же ткани.

С дрожащими руками, раздражённая, девушка села на корточки. Исчезла вся её гордость своей прошлой работой. По сравнению с этими чужаками она как ребёнок, делающий первые неуклюжие попытки в ткачестве.

Расслабившись, отказавшись концентрироваться на работе, она снова ощутила собравшихся вокруг. Но не почувствовала презрения, как ожидала. Скорее удивление.

«Может быть, ты и сможешь научиться, самка, — слышался мысленный властный голос. — Если захочешь».

Дайрин оживлённо повернулась лицом в том направлении, откуда, как она считала, пришли эти слова.

— Я хочу, Великая!

«Да будет так. Но начнешь, как только что вылупившиеся из яйца. Потому что ты ещё не ткачиха».

— Согласна, — девушка печально провела пальцами по ткани перед собой.

Если Видрут ждёт, что она вернётся под его власть — Дайрин пожалала плечами. А Ротар пусть думает о капитане и своих бедах. А для неё теперь самое важное — удовлетворить этих ткачих.

Казалось, у них нет другого жилища, кроме пространства непосредственно вокруг станков. И никакой мебели, кроме самих станков. Станки были расставлены нерегулярно. Дайрин осторожно двигалась, запоминая на ощупь расположение предметов.

Она чувствовала рядом с собой присутствие существ, но никто не касался её — ни физически, ни умственно. А она, в свою очередь, тоже не старалась к ним приблизиться, зная, что это бесполезно.

Ей принесли пищу — свежие фрукты. А также кусочки сушёного мяса. Может, это даже лучше, что она не знает их происхождения.

Устав, она заснула на груде тканей. Правда, не таких прекрасных, как те, что на станках, они были такими плотными, что прошли бы легендарное испытание, думала Дайрин: в них вполне можно носить воду. Спала она без сновидений. А когда проснулась, ей трудно было вспомнить людей с корабля, даже Ротара или капитана. Они напоминали ей людей, которых она знала когда-то, в далёком детстве; теперь же её мир — мир ткачих. И она должна научиться. Её сжигало лихорадочное желание научиться ткать, как они.

Послышалось шуршание, потом приказ: «Ешь!»

Дайрин нащупала перед собой фрукты. Не успела она закончить еду, как её дёрнули за юбку.

«Твое тело покрыто уродливой тканью; её нельзя носить, когда будешь собирать нити».

Собирать нити? Она не поняла смысла этого. Но и то правда: когда она ходила на открытом месте вокруг станков, юбка постоянно цепля-

лась за ветви. Девушка встала, развязала пояс, распустила шнуровку корсета, и платье упало к её ногам. В короткой лёгкой нижней рубашке Дайрин чувствовала себя странно свободной. Но всё же отыскала пояс и затянула им стройную талию, не забыв про нож.

Последовало лёгкое прикосновение, и девушка повернулась.

«Нити висят меж деревьев, — проводник слегка потянул её. — Их нужно снимать чрезвычайно осторожно. Если встряхнёшь, они станут ловушкой. Докажи, что у тебя лёгкие пальцы и ты можешь учиться у нас».

Больше никаких инструкций. Дайрин поняла, что её снова испытывают. Она должна доказать, что может собирать эти нити. Но как их собирать? И в этот момент ей что-то сунули в руки. Она обнаружила, что держит гладкий стержень длиной с руку по локоть. Должно быть, на него и наматывают нити.

Снова её схватили за запястье и повели от станков к деревьям. Левой рукой она задела ствол, и тут же последовал мысленный приказ:

«Собирай!»

Не было смысла слепо торопиться. Она должна сосредоточиться, использовать свои способности, чтобы найти эти нити.

В сознании её возникла смутная картина. Может, она пришла из того прошлого, о котором она старалась никогда не вспоминать. Зелёное поле под утренним солнцем, а на траве паутина в каплях росы. Может, она должна искать материал, похожий на паутину?

Но кто может собирать такие тонкие нити? Дайрин почувствовала мрачное уныние. Ей захотелось отшвырнуть от себя стержень и громко крикнуть, что это невозможно.

И тут же перед ней возникло лицо Ингварны. Ожило то, чему её учила Мудрая Женщина: не жалеть себя, верить в свои способности. Сказать, что что-то невозможно, прежде чем не попытаешься, — глупо.

В прошлом способности девушки не раз помогали ей отыскивать более прочные вещи, чем висящие меж деревьев нити. Теперь они должны лучше послужить ей.

Под босыми ногами — сандалии она сбросила вместе с платьем — мягко пружинила масса давно опавших листьев.

Здесь не было никакой другой поросли — только деревья.

Дайрин остановилась и осторожно коснулась пальцами ствола. Затем по-прежнему осторожно ощупала ствол. Слабое ощущение усиливалось. Вот то, что она ищет!

Она нашла конец нити. Сама нить уводила к другому дереву. С бесконечной осторожностью Дайрин разорвала нить и прижала свободный конец к стержню. К её великому облегчению, нить тут же прилипла к нему, как к стволу. Пора... Стараясь не касаться нити, девушка медленно навивала её, осторожно, держа нить чуть натянутой перед собой, ровно наматывая её на стержень.

Поворот стержня... еще поворот... — и вдруг рука её задела за другой ствол. Дайрин облегчённо вздохнула, не веря, что ей удалось собрать

свою первую нить. Но одна нить — это только начало, ей нельзя становиться самоуверенной. Следовало думать только о нити! Она отыскивала другой конец и с той же самой осторожностью снова начала медленно наматывать.

Для тех, у кого нет зрения, день подобен ночи, ночь — дню. Дайрин больше не жила такими измерениями своего племени. В перерывах между сном и едой она ходила от ствола к стволу, искала нити и думала, для кого собирает материал: для самих ткачих или кого-то другого.

Дважды она допускала ошибку, о которой её предупреждали: действовала слишком быстро, самоуверенно и встряхивала нить. И тогда её заливала липкая жидкость с нити, и девушка становилась неподвижной, пока её не освобождала ткачиха.

И хотя её никогда не ругали, каждый раз подоспевшая на помощь ткачиха излучала такое презрение к её неловкости, что Дайрин внутренне скорчивалась.

Девушка быстро поняла, что все ткачихи самки. Она не знала, что они делают с сотканной тканью. Они точно не используют её сами и не продают куда-то. Может, им просто нужен сам акт создания этой красоты.

Те, кто подобно ей собирал нити, были самыми молодыми членами этого нечеловеческого общества. Но и с ними она не сумела завязать общение, как со старшими ткачихами.

Раз или два у неё возникало беспокойное ощущение, что она удерживается в этом месте насильно. Почему всё прошлое кажется ей теперь таким незначительным и неважным?

Ткачихи разговаривали с ней только мысленно, да и то редко, но голоса у них были: те, что работали у станков, почти постоянно гудели. Их гудение мало походило на человеческие песни. Но Дайрин привыкла к этой мелодии. Руки её двигались в такт ей, и мысли успокаивались. И во всем мире оставались только станки и нити, которые нужно отыскивать для станков. Только это было важно.

Тем не менее, наступил день, когда девушку подвели к пустому станку и позволили ткать. Даже во время жизни в деревне это занятие требовало полной её сосредоточенности и проворства. Теперь же, когда станок был ей незнаком, стало ещё труднее. Она работала, пока не заболели кончики пальцев, а голова стала раскалываться от непрерывной сосредоточенности, но гудение ткачих вокруг заставляло продолжать, не останавливаясь.

Когда её охватывала усталость, она засыпала прямо на рабочем месте. Останавливалась же только для еды, потому что знала: нужно подкреплять тело. Но наконец — плохо или хорошо — она всё-таки закончила.

К удивлению Дайрин, никто из ткачих не стал осматривать её работу. Ей не сообщили, хорошо или плохо она с ней справилась. Отдохнув и снова почувствовав пальцы, девушка опять принялась за работу. И обнаружила, что тоже негромко гудит.

Работая, она ощущала в себе приток новой энергии. Может, руки её двигаются и не так быстро, как длинные пальцы, которые она видит в со-

знании. Но работала она ими уверенно и как будто не по своей воле. Она ткала — не зная, плохо или хорошо, но это её и не заботило больше. Достаточно было оставаться в ритме этого спокойного гудения.

И только когда кончился запас нитей и в руках у Дайрин оказался пустой челнок, она словно очнулась ото сна. Всё тело болело, руки безжизненно опустились. Она ощущала острый голод. И гудения остальных больше не было слышно.

Девушка неуклюже встала и побрела туда, где спала раньше. Там она нашла пищу, поела и легла на ткань, повернувшись лицом к крыше между нею и небом. Она чувствовала сильное истощение, вся энергия покинула тело, а способность мыслить — мозг.

4

Дайрин проснулась в страхе, сжимая руки, тело её дрожало. Сон, разбудивший девушку, постепенно уходил, оставив только ощущение ужаса. Но он разорвал чары ткачих, и память девушки снова стала ясной и чистой.

Сколько она уже здесь? Что произошло, когда она не вернулась на берег? Может, корабль под командованием Видрута ушёл, бросив её здесь? А Ротар? Капитан?

Дайрин медленно поворачивала голову, осознавая что-то ещё. Даже не видя станков, она чувствовала, что они пусты. Гудение прекратилось. Ткачихи исчезли!

Дайрин поверила, что была захвачена в какую-то невидимую сеть, и только сейчас у неё появилась возможность вырваться на свободу. Почему она вообще решила прийти сюда? Почему осталась? Лента с запястья исчезла. Может, это она околдовала её?

Еда! Дайрин не может видеть, как все остальные в мире. Но теперь ей показалось, что тщательно выработанная способность постижения тоже покинула её. Девушка встала и рукой задела станок, у которого так долго работала. Любопытство заставило её провести пальцем по результатам своей работы. Её ткань оказалась не такой гладкой, как та лента, но гораздо, гораздо лучше первых попыток.

Вот только куда подевались ткачихи? Воспоминание об ужасном сне заставило девушку двинуться по поляне. Все станки были пусты, готовая ткань тоже исчезла. Дайрин обо что-то споткнулась, наклонилась, пощупала — стержень для сбора нитей.

— Где вы? — решила она позвать вслух. Тишина казалась такой угрожающей, что девушке захотелось прижаться спиной к стволу, соорудить хоть какую-нибудь защиту. Защиту от кого? Или чего?

Дайрин не верила, что Видрут и его люди решатся проникнуть в этот лес. Но, может, у ткачих есть другие враги, и теперь они бежали от этих врагов, даже не подумав предупредить её?

С участившимся дыханием Дайрин потрогала нож у себя на поясе. Где же они? Голос её отозвался таким странным эхом, что она не ре-

шалась больше кричать. Но постаралась прислушаться, и страх её усилился.

Шелестела листва на деревьях. Больше ничего. И никаких мысленных прикосновений, никакого намёка на другие формы жизни поблизости. Может, отсутствие ткани на станках означает, что ткачихи не бежали, а ушли с какой-то другой целью? Сможет ли она отыскать их?

Никогда раньше не испытывала она так способности, которым обучила её Ингварна. Дайрин хорошо знала, что у ткачих есть своя охрана. Но не думала, что в их глазах она значит так много, что те станут защищаться от её поисков. Предположим, она пойдёт отсюда со стержнем в руках, словно на обычный сбор нитей?

Однако, вначале следовало найти пищу. Руководствуясь обонянием, девушка довольно быстро нашла её — в двух корзинах. Фрукты были слишком мягкие, переспевшие, и никаких палочек сухого мяса. Но Дайрин съела, сколько смогла.

А потом, выставляя напоказ стержень, девушка углубилась в лес. Все нити поблизости были уже собраны, её ищущие пальцы ничего не находили, но она продолжала вести игру, которой, вероятно, никто не видел.

Однако, наблюдатели всё-таки появились! Не ткачихи: у неё сложилось совсем другое впечатление, словно слабые искры сравнительно с ярким костром. Наблюдатели двигались за нею, они были где-то близко, но не пытались вступить с нею в контакт.

Наконец, она нашла на дереве нить. Искусно навилла её на стержень, потом нашла вторую, третью. Однако, от следующей в испуге отшатнулась. Эту нить потревожили: девушка ощутила острый запах липкой жидкости.

На следующих двух деревьях нити были тоже покрыты жидкостью. Может, они должны удерживать её в плену? Дайрин слегка повернулась. Она уже вышла за пределы знакомой территории. И в любую минуту ожидала столкновения с преградой — либо с нитью, либо с наблюдателями.

Следующее дерево было свободно от нитей. Доверяя своему обонянию, девушка поискала выход, надеясь найти его возле неохраемого дерева. Она двигалась теперь быстрее, но продолжала делать вид, что ищет нити у каждого дерева, с которым сталкивалась. Наблюдатели не оставили её; она не слышала ни звука, но знала, что они здесь.

Ещё одно дерево — тропа петляла словно зигзаги головоломного лабиринта. Приходилось идти очень осторожно и медленно. Ещё одно свободное дерево, а потом, слева от неё...

Там стонал человек, и девушка сразу ощутила страх. Это... это словно тень её давно забытого сна. Во сне она видела страдания...

Дайрин остановилась. Наблюдатели приближались. Она почувствовала, что они собрались между нею и тем местом, откуда доносился стон. И у неё появился выбор: либо не обращать на стон внимания, либо попытаться пройти к нему.

Девушка не хотела показывать, что она услышала. Следовало продолжать искать нити, попытаться обмануть наблюдателей. Всё её существо отказывалось оставлять человека в беде, даже если это один из людей Видрута.

Дайрин протянула руку, словно в поисках нити, ожидая встречи с липкой сетью. Ей показалось, что она уловила у наблюдателей какую-то неуверенность. Возможно, это её единственный шанс.

Пальцы её сомкнулись вокруг толстой тканой верёвки. Оттуда перешли на мешок. Верх мешка был плотно затянут, она не смогла сразу развязать его. Мешок, довольно большой, свисал с ветки. И в нём — в нём кто-то был заключён.

Дайрин отскочила. Если она и вскрикнула, то сама этого не слышала. Все её чувства говорили, что существо, заключённое в мешке, мертво, но умерло совсем недавно. Она заставила себя снова провести пальцами по мягкой свисающей поверхности. Слишком маленькое — это не человек!

Теперь, зная, что в мешке не человек, девушка больше не хотела знакомиться с его содержимым. Отходя, она задела плечом второй мешок. И поняла, что движется среди множества таких мешков, и во всех них смерть.

Но она продолжала слышать слабые стоны. Человеческие стоны. К тому же наблюдатели, наконец, отстали. Как будто не смели заходить в это место.

Эти мешки — Дайрин очень не хотелось снова прикасаться к ним. Некоторые казались гораздо легче остальных и вертелись, когда она невольно касалась их. Другие свисали с тяжёлой ношей.

Стоны...

Девушка заставила себя обыскивать мешки, что висели перед нею. Стержень для сбора нитей она заткнула за пояс. Вместо него она взяла в руку нож. И когда коснулась им последнего мешка, ей ответило слабое движение, и изнутри послышался сдавленный крик. Дайрин была уверена: это просьба о помощи.

Остриём ножа она попыталась разрезать шёлк. Плотная ткань неохотно подавалась, такой материал разорвать нелегко. Она резала и рвала, пока не услышала приглушённый крик:

— Ради Сала...

Дайрин оторвалась от мешка. Внутри на самом деле находился человек. И он был тщательно обёрнут липкой сетью, распространявшей кругом едкий запах. Против этой сети нож бессилен. А если она сама коснётся её, то тоже станет пленницей.

Подумав, девушка собрала складки разрезанного мешка, закутала ими свои пальцы и принялась рвать паутину. И к своему облегчению, поняла, что ей это удаётся. Она чувствовала, что старания человека освободиться тоже приносят успех.

И она узнала этого человека из своего прошлого — Ротар! Но это имя всплыло как будто часть сна, который она целиком не может вспомнить.

Дайрин назвала его по имени и спросила, может ли он высвободиться.

— Да. Я ещё вишу. Но уже скоро...

Некоторое время Дайрин слышала звуки движений, потом тяжёлый удар о землю. Ротар тяжело дышал.

— Леди, ты не могла появиться в лучшее время, — он схватил девушку за руку. Она почувствовала, как воин покачнулся и восстановил равновесие.

— Ты ранен?

— Нет. Голоден и хочу пить. И не знаю, как долго я провисел в этой кладовке. Капитан — он сочтёт нас обоих мёртвыми.

— В кладовке? — это слово подействовало на неё, как удар.

— Разве ты не знала? Да, это кладовка самок пауков, они здесь сохраняют своих самцов...

Дайрин пыталась подавить тошноту. Мешок из шёлка, из прекрасно сотканного шёлка. И так использованный!

— Там кто-то... что-то есть, — вдруг испуганно прошептал Ротар.

Наблюдатели, предупредило девушку мысленное восприятие. Они снова приближаются.

— Ты их видишь? — спросила Дайрин.

— Не ясно, — но он тут же поправился: — Да! Они набрасывают сети, такие же, как та, в которой был я. Их никакое лезвие не разрежет...

— Мешок!

— Что ты хочешь сказать?

Пользуясь материалом мешка, она смогла разорвать нити сети. Эти нити не прилипают к шёлку. Она объяснила это Ротару, тот вырвал у неё нож, и она услышала звуки разрезаемой ткани.

Наблюдатели... Пока Ротар опустошал мешки, Дайрин пыталась мысленно увидеть наблюдателей. Они приблизились, но снова остановились, как будто не решались вступить в это место, даже если им приказали задержать человека.

— Они выпускают свои сети, — предупредил её Ротар. — Хотят окутать нас со всех сторон.

— Пусть думают, что мы беспомощны, — приказала она.

— Но ты считаешь, что мы не беспомощны?

— С этими мешками, может быть и нет.

Если бы она могла видеть! Дайрин в раздражении чуть не заплакала. Кто эти наблюдатели? Она была уверена, что это не ткачихи. Может, именно они поставляют нити, которые она так тщательно собирала.

Ротар вернулся к ней и принёс целый ворох ткани от разрезанных мешков. Девушка старалась не думать о том, что было в этих мешках.

— Скажи мне, — попросила она, — кто они, те, что плетут сети?

Она чувствовала его глубокое отвращение.

— Пауки. Огромные пауки. Мохнатые и размером с собаку.

— Что они делают?

— Заплетают отверстие. По обе стороны от него расставлены сети. Теперь они исчезают. Только один остался, он висит в центре паутины.

Схватив Ротара за руку, Дайрин читала его мысли и достаточно ясно видела то, что видел и он, дополняя нарисованную им картину.

— Остальные, должно быть, отправились за ткачихами, — предположила девушка. — Итак, пока перед нами только один...

— И паутина...

Она выпустила его руку и схватила кусок ткани.

— Мы должны обвязаться этим. Не касайся паутины, только через этот материал.

— Понимаю.

Дайрин двинулась вперёд.

— Я буду разрывать паутину, — пояснила она. — Охранник — твоё дело. Подведи меня к дереву, к которому прикреплена паутина.

Он взял её за плечи и мягко направил налево. Девушка делала один осторожный шаг за другим.

— Дерево прямо перед тобой, леди. Охранника не опасайся, — голос его звучал мрачно.

— Помни, паутина не должна касаться твоего тела.

— Будь уверена, я закроюсь, — пообещал он.

Дайрин ощутила жёсткую кору, рука её была надёжно закутана в шёлк. Вот — она нащупала конец нити. Та была закреплена гораздо прочнее, чем те, что собирала девушка.

— Ха! — резко выкрикнул Ротар. Он больше не стоял рядом с ней.

Дайрин, отыскав вторую нить, ощутила её дрожь. Охранник, должно быть, готовился защищать паутину. Но она должна сосредоточиться, отыскать все нити и оторвать их от дерева.

Она не знала, сколько нитей нужно порвать. Справа слышались звуки драки и тяжёлого дыхания.

— Ага! — в голосе Ротара прозвучало торжество. — Эта штука благополучно мертва, леди. Ты была права, он бросал на меня свои нити, но они не прилипли.

— Карауль!.. Могут вернуться остальные, — предупредила она воина.

— Знаю! — согласился тот.

Девушка работала как могла быстро, отыскивала нити, разрывала их. Могут вернуться не только пауки, но с ними и ткачихи, а их она боялась гораздо больше.

— Паутина сорвана, — вскоре объявил Ротар.

Однако, Дайрин не испытывала облегчения от этой небольшой победы.

— Леди, теперь нужно обернуть шёлком и ноги. Нас может ждать паутина на земле.

— Да! — она не подумала об этом, считая, что паутина может висеть только между деревьями. — Принеси мне ещё шелка.

Дайрин стояла в ожидании, с напряжённым телом, пытаясь с помощью своих чувств оценить окружающее. Вернулся Ротар и без всяких

«с вашего позволения» принялся окутывать её ноги кусками шёлка, прочно завязывая их на икрах.

И она, которой когда-то так нравилась лента капитана Ортиса, испытала огромное желание отшатнуться от этого шёлка. Она не хотела касаться его даже ради спасения.

— Это лучшее, что я мог сделать. — Воин выпустил её ногу, проверив на крепость узел на голени. — Слышишь что-нибудь, леди?

— Ещё нет. Но они придут.

— А кто такие эти ткачихи? — спросил он.

— Не знаю. Но людей они ценят невысоко.

Он коротко рассмеялся.

— Это я хорошо понял! Но тебе они не причинили вреда.

— Я думаю, потому что я слепая и женщина. И мало что о них знаю. Они гордятся своим искусством и пытались произвести на меня впечатление.

— Пойдём?

— Надо следить, чтобы не запутаться в паутине.

— Я последую, леди. Если доверимся моему зрению, сможем идти быстрее. Многого произошло. Капитан, хотя он ещё и слаб, снова командует кораблём. Видрут мёртв. Но капитан не может пока избавиться от сброда, поддерживавшего Видрута. И только он может удерживать их под контролем.

— Значит, ты здесь один?

Он не стал отвечать прямо.

— Возьмись рукой за мой пояс, а я буду идти осторожно. Обещаю, — это всё, что он сказал.

Такой способ ходьбы для Дайрин был унизителен. Давно она уже не пользовалась проводниками. Но она знала, что Ротар прав.

Итак, капитан Ортис освободился от злых чар и вернул себе корабль. Она бегло подумала о том, как умер Видрут. Ротар странно колебался, когда рассказывал об этом. Но сейчас нужно заняться непосредственным окружением. Дайрин не верила, что ткачихи позволят им беспрепятственно уйти.

И чуть погодя поняла, что права. Девушка почувствовала, что за ними снова наблюдают. И на этот раз мысленный контакт говорил о ткачихах.

— Идут! — предупредила она.

— Нам нужно добраться до берега! Они установили свои ловушки только меж деревьев. А на берегу у меня готов сигнальный костёр. Если его зажечь, придёт «Морской ворон».

— Ты не видишь ловушек?

Она чувствовала нетерпение и сомнение воина, держа его за руку.

— Нет. И среди деревьев нет прямых троп. Тут и там висит паутина. Мы можем только обходить её и уклоняться.

Не было никакого предупреждения, никакой возможности разжать руку. Ротар неожиданно упал вперёд и вниз и потащил Дайрин за собой. Она больно оцарапалась о сломанную ветвь. Как будто под ними раскрылась сама земля.

Ноздри забивал запах свежевыкопанной земли. Дайрин лежала поверх Ротара, а он слабо шевелился. Несмотря на ушибы и ошеломление от неожиданного падения, девушка села. Она не знала, куда они упали, но догадывалась, что с поверхности за ними наблюдают.

— Ты ранена? — спросил её спутник.

— Нет. А ты?

— Я упал на руку. Надеюсь, это только ушибы, а не перелом. Мы в одной из их ловушек. Они её прикрыли сверху, — мрачно объяснил он.

Дайрин была рада, что воин откровенно описал их положение. Встав на ноги, девушка принялась ощупывать яму. Земля по бокам была влажной и липкой. Тут и там торчали толстые корни. Можно ли с их помощью выбраться? Но прежде чем она смогла спросить об этом Ротара, прямо ей в сознание устремились слова.

«Самка, зачем ты украла у нас мясо?»

Дайрин повернула голову вверх, в сторону отверстия. Голос был так близок, что она могла поверить, будто наверху торчит голова, а чужие глаза рассматривают их.

— Не понимаю, — ответила она, собравшись с духом. — Это мужчина моего племени, он встревожился и пришёл искать меня.

«Тот, что с тобой, — наше мясо!»

Смысл этих слов вызвал у Дайрин не страх, а холодный гнев. Она не может согласиться, чтобы человек стал — мясом. Эти ткачихи — она считала их высшими существами из-за красоты, которую они создают, из-за их мастерства. Она принимала их высокомерие, потому что соглашалась, что уступает им в мастерстве.

Но с какой целью они использовали свои прекрасные творения? Цель, по её представлениям, оказалась отвратительной и ужасной. И неожиданно Дайрин поняла, что не была здесь по-настоящему свободной, никогда не была, до тех пор пока не проснулась и не обнаружила покинутые станки. Ткачихи обвили её мысли паутиной чар, попытались привязать девушку к себе и к своим обычаям так же надёжно, как связали тело Ротара липкой сетью.

— Человек не может быть вашим мясом, — ответила она.

И услышала в ответ не слова, но порыв неконтролируемой ярости. Дайрин покачнулась под этим мысленным ударом, но не упала. Ротар позвал её по имени, подхватил, удержал.

— За меня не бойся, — сказала она и высвободилась. Это её битва. Поскользнувшись на влажной почве, она пошатнулась и взмахнула руками, чтобы удержаться. В глазах вспыхнула резкая боль, а потом наступила тьма, в которой она совершенно затерялась.

Все заполонила дикая жара — обжигающий огонь. И крики — ужасные крики — разрывали слух. Никакой безопасности не осталось в мире. Она скорчилась в благословенной тьме, спряталась. Она всё же может видеть — видеть глазами! Нет, она не станет смотреть, не посмеет — не хочет видеть

мечи в отблесках костра, потоки крови и человека, прибитого ножами к стене и слабо стонущего. Дайрин приказала себе не видеть.

— Дайрин! Леди!

— Нет... — закричала она. — Я не буду смотреть!

— Леди!

— Не буду...

Вокруг вспыхивали разноцветные пятна. Никаких картин огня, крови, мечей...

— Дайрин!

Лицо, дрожащее, словно отражение во взволнованной воде. Мужское лицо. И его меч — он сейчас поднимет меч и...

— Нет! — снова закричала она.

От сильного удара голова её закачалась из стороны в сторону. Странно, но зрение от этого прояснилось. Рядом оказалось мужское лицо, да, но огня не было, как не было и мечей, обогранных кровью, не было стены, на которой висел тот вопящий...

Мужчина мягко держал её, озабоченно всматриваясь в глаза.

Они... они не в крепости Трин. Дайрин вздрогнула: воспоминания прилипли к ней, как грязный плащ. Трин был давно, очень давно. А потом море, и Ингварна, и Раннок. А теперь — теперь они в Устурте. И она не понимала, что произошло.

Но она видит!

Верила ли Ингварна, что зрение когда-нибудь вернётся к Дайрин? Ведь само зрение её не погибло, просто ребёнок, увидевший невероятные ужасы, отказался смотреть на мир.

А теперь её зрение вернулось. Хотя ткачихи не этого хотели. Нет, мысленный порыв ярости должен был убить её, уничтожить. А на самом деле они дали ей не смерть, но новую жизнь.

И тут та, что посылала этот мысленный удар, заглянула вниз, на свою добычу.

Дайрин подавила страх. Никакого отступления быть не может. Она должна взглянуть в лицо новому ужасу. Ингварна многому её научила, укрепила её именно для этого момента в жизни, словно Мудрая Женщина на годы вперёд знала, какая помощь понадобится её приёмишу.

Девушка не подняла руку, но ответила ударом на удар, сосредоточив своё вновь обретенное зрение на этом ужасном лице. Самое ужасное в нём — его человеческая часть, остальное — паучье, а всё вместе способно вызвать безрассудный ужас. Ткачиха собирала свои ментальные силы, чтобы обрушить на Дайрин новый удар.

Большие многофасеточные глаза мигнули. Дайрин смотрела, не мигая.

— Приготовься, — шепнула девушка Ротару. — Они как раз собираются захватить нас.

Вниз в яму устремилась липкая сеть, её бросили пауки-слуги. Она частично прилипла к выступающим корням, но середина упала на двоих людей.

— Пусть они до самого последнего момента считают, что мы беспомощны, — сказала Дайрин.

Ротар не стал её переспрашивать; сверху им на руки и ноги падало всё больше нитей. Вокруг них сплетали тускло-серую паутину. И ничего блестящего, как раньше мысленно видела её Дайрин, в ней не было. А может, злая цель убила тот блеск.

Нити падали, а девушка, не отводя взгляда, смотрела прямо в огромные чуждые глаза, холодные и смертоносные глаза ткачихи. В них направляла Дайрин свою силу, которую передала ей Ингварна, пытаюсь проникнуть в мозг за этими огромными глазами. Натренированная в искусстве Мудрых Женщин, она инстинктивно знала, что это единственная форма нападения, которая может спасти их.

Неужели эти гигантские глаза слегка потускнели? Девушка не была уверена, так как не могла слишком опираться на только что вернувшееся к ней зрение.

Нити перестали падать. Но на краю ямы началось движение.

Пора! Собрав все силы, используя все резервы, Дайрин нанесла прямой мысленный удар по ткачихе. Причудливая фигура дёрнулась и испустила крик, в котором не было ничего человеческого. Потом она застыла на мгновение, и уродливое кошмарное тело упало и скрылось из вида. Дайрин почувствовала, что больше ничего не давит на её мозг. Напротив, она уловила панику, страх, уничтоживший всю силу ткачихи.

— Они... они уходят! — крикнул Ротар.

— Наверно, на время, — Дайрин по-прежнему испытывала к этим существам у станков почтительное опасение. Они не считали её достойным противником и потому не использовали всю свою мощь. Но теперь, когда ткачихи потрясены, сбиты с толку, они с Ротаром выиграли время.

Молодой человек рядом с ней неловко сбрасывал нити. Они легко спадали с шёлковых покровов. Дайрин стала делать то же самое. И тут она заморгала. Теперь, когда не нужно было сосредоточивать взгляд на ткачихе, девушка обнаружила, что ей трудно смотреть. Только с большим усилием могла она сосредоточить взгляд на предмете, ясно увидеть его. Этому ей ещё предстоит учиться, как раньше она училась видеть пальцами.

Хотя Ротар и морщился, используя одну лишь левую руку, он всё-таки сумел, цепляясь за корни, выбраться из ямы. Потом расстегнул пояс и опустил его вниз.

Выбравшись из земляной тюрьмы, Дайрин долго стояла, поворачивая голову направо и налево. Она не видела их в тени деревьев, но они были там: и ткачихи, и пауки. Но одновременно она чувствовала, что они всё ещё потрясены; вся их целеустремлённость и сила зависела от одной, той, которую Дайрин победила.

Все они были одного рода: и люди-пауки, и просто пауки. Все подчинялись воле Великой, её мысли контролировали их, они были её орудиями, продолжениями её самой. И пока Великая Ткачиха не пришла в себя, эти не опасны. Но сколько будет продолжаться эта передышка?

Дайрин смутно увидела впереди более яркое пятно, в темноте злоеущего леса сверкнул солнечный свет.

— Пошли! — Ротар крепко схватил её за руку. — Берег в том направлении!

Девушка позволила ему утащить себя, подальше от потерявших предводительницу пауков.

— Сигнальный огонь, — говорил Ротар. — Я только зажгу его, и капитан сразу приведёт корабль.

— Почему ты пришёл — один с корабля? — неожиданно спросила Дайрин, когда они вышли из леса на ярко освещённый солнцем береговой песок. От этого света глаза так заболели, что ей пришлось прикрыть их рукой.

Глядя в щели между пальцами, Дайрин увидела, как Ротар пожал плечами.

— Какая разница, как умрёт человек, который уже мёртв? Необходимо было добраться до тебя. Капитан этого сделать не мог: после заклинаний разбойника он был ещё слишком слаб, хотя очень сердился из-за этого. А больше он никому доверять не мог...

— Кроме тебя. Ты говоришь о себе как об уже мёртвом, но ты ведь не мёртв. Я была слепа — теперь я вижу. Мне кажется, Устурт нам обоим дал нечто такое, от чего мы легко не откажемся.

Его мрачное лицо, с тёмными и старыми глазами, неожиданно посветлело, он улыбнулся.

— Леди, правду говорили о твоей силе. Ты из числа тех, кто может заставить человека поверить во что угодно, даже в себя самого. А вот и наш сигнал.

Воин указал на груду плавника. И хотя песок ускользал из-под его ног, оставил девушку и побежал к этой груде.

Дайрин пошла за ним чуть медленнее. Есть капитан, есть Ротар, который ради неё рисковал жизнью, хотя и говорил, что невысоко её ценит. Возможно, теперь в её жизни появятся и другие; со временем, может, у неё даже будет свой очаг. Надо сплести эти предстоящие годы, и сделать это нужно умело, подбирая одинаковые по цвету нити, потому что раньше она ткала в темноте. Но теперь прошлое позади. И не нужно оглядываться через плечо на тьму леса. Она должна смотреть вперёд, в открытое море, ожидая, какой будет следующая нить для её ткани.

*Валерий Орлов
(Россия, Санкт-Петербург)*

ПРЫЖОК

«Вставайте, засони! Навязались на мою голову! Только бы дрыхнуть вам! А работать кто будет?» — так каждое утро, глухой хриплый голос будил Ивана, вот уже целый год. Он открыл глаза, яркий свет лампочки, как пронзительный луч солнца, обжег их.

«Где я?! Как очутился здесь?!» — каждый день этот вопрос стоял перед ним. Потихоньку, очнувшись ото сна, он сел на край кровати, огляделся. В небольшой комнате общежития, а вернее — притона для инвалидов, помещалось три железных кровати, облезлая тумбочка и кривая табуретка; шкафа для одежды не было, а вместо него пять вбитых в стену гвоздей держали на себе все вещи проживающих: телогрейки, куртки, поношенное военное обмундирование. Для сапог и ботинок места не нашлось бы, да, оно было и не нужно — жильцы все были безногие инвалиды!

Этот притон занимал подвальное помещение какого-то общежития; пройти в него можно только со двора; не знающему человеку трудно сориентироваться во всех нагромождениях пристроек, через которые надо протиснуться, чтобы оказаться в нижних помещениях. Только они, жители этого подземелья, в любую темень легко пролезали к себе домой; минуя помойку, сарай, ныряли по ступенькам под лестницу, протискивались в узкий коридор, и оказывались в своей комнате, с грязными стенами. Всего в подвале было устроено пять небольших помещений, в самом чистом и удобном жила хозяйка — старуха цыганка. В других — ее работники калеки, которые находились почти на положении рабов. В комнатах проживало человек десять или около того; жители этих трущоб с соседями не общались из-за своего физического состояния. Рано утром их увозили на работу, а вечером, после восьми, привозили, кормили, давали водки и отправляли спать. Все санитарные нужды справлялись около кровати в ведро с водой.

Помогали старой хозяйке приходящие молодые цыганки; они и работали с инвалидами в метро, и на улицах. Работа для калек была тяжелая: на инвалидной коляске или коляске-ползунке надо пробираться сквозь толпы пассажиров в вагонах и жалостливым голосом кланяться: «Подайте Христа ради калеке безногому!..» А на улице, в любую погоду, сидеть в каком-нибудь переходе и трясти пустой банкой, вызывая жалость у прохожих. За рабочую смену надо собрать инвалиду не менее пяти тысяч, а то вместо сытного ужина с водкой, получит кусок хлеба с водой.

Муж хозяйки — молдавский цыган, каждое утро развозил своих работников к разным станциям метро. Иван слышал от своих соседей по комнате, что он приехал в Питер из Кишинева; сначала промышлял какой-то торговлей на рынке, а потом в девяностые годы приобрел несколько точек по продаже пирожков, а заодно занялся работой с калеками, которых собирал по вокзалам. Искал, в основном, безногих (с ними было легче работать); оторванные от окружающей жизни, они безропотно выполняли все указания своего «патрона», прося у него только ночлег и еду. Если заболевали, то их лечили доморощенными средствами: водкой, йодом, горчичниками, а если инвалид умирал, то хозяин отвозил тело в какой-нибудь укромный угол и там оставлял на попечение городских властей.

Каждая пирожковая приносила цыгану по пять тысяч рублей в день, а калека, только один, мог принести от трех до десяти тысяч за тот же срок. Так что этот бизнес был довольно выгодным, правда, приходилось оплачивать услуги и «крыши», куда входили и откровенные бандиты, и государственные чиновники. Но жизнь — есть жизнь! Приходилось старику крутиться и зарабатывать свои «кровные», на которые он в России и в Молдавии построил несколько домов. Все, видимо, надеялся к глубокой старости хорошо устроиться у своего теплого угла.

Иван так же слышал, что было у цыгана два сына и одна дочь; один из сыновей даже учился в Москве на юриста, другие дети работали с родителями.

Хозяйка, покричав, ушла в другое помещение, а Иван, сидя на краю кровати, с какой-то тоской рассматривал облезлые стены, где в полутьме углов старая краска напоминала силуэты парашютов; потом его взгляд остановился на двух спящих соседях. На крики старухи они не обращали особого внимания, после сытного ужина и выпитой водки им хорошо спалось; цыганке приходилось возвращаться, стаскивать с них одеяла и тормошить... только тогда, они садились на край кровати и ослепевшими глазами рассматривали ближайшие предметы.

Ивану поначалу непривычно было видеть их тела под одеялом: смотришь на голову и грудь — вроде бы обычные тела, а дальше... страшно становится, как будто человека перерубили топором и лишние куски выкинули — одеяло лежало на пустом матрасе. Конечно, если смотреть и на его спящую фигуру — картина такая же; привыкнуть к этому тяжело, даже невозможно. С ними в комнате он жил около трех месяцев, до этого на этих кроватях спали другие калеки — тоже безногие: один старый все время кашлял, а как-то ночью захрипел, задержался и распрощался с жизнью. Другой молодой редко разговаривал, а все больше молчал; после работы всегда лежал на кровати, отвернувшись, но стоило ему выпить водки, сразу начинал плакать, впадать в истерику и повторять одну и ту же фразу: «Мама, милая мама, прости меня грешного урод!»

Однажды хозяин увез его на работу, а назад он не вернулся! Иван спросил цыганку о нем, та ответила: «Забрали родственники!» Этот со-

сед никогда о родных не упоминал! Иван не стал допытываться, а просто забыл о разговоре и соседе. Потом появились эти двое!

После сытного завтрака все работники-инвалиды тепло оделись и ждали прихода своего начальника — старого цыгана, который к этому времени всегда был в подвале и назначал каждому его объект работы. Иван слышал через деревянную перегородку, как старуха хозяйка встревоженно говорила своим приятельницам молодым цыганкам: «Звоню ему около часа, и никто не берет трубку. Не знаю, что думать! Уж не случилось ли что с ним! Может, попал в аварию! Но он всегда такой осторожный, на дороге всем уступает. Да, и милиция его вся знает!» Потом она еще много чего говорила хорошего о своем муже. Пришедшие цыганки только ей поддакивали; разговор их затянулся и стал переходить на другие темы. Иван и его два соседа долго их слушали, а потом, снявши верхнюю одежду, занялись своими делами. Соседи Ивана стали играть в карты. Скоро с их стороны послышались веселые возгласы: выигравший бил проигравшему по носу игральными картами.

Иван завалился на кровать и отвернулся к стенке. На душе его лежала какая-то тяжесть, она давила и днем, и ночью. Он не мог ее сбросить и быть таким же беззаботным, как эти двое! Серо-черные краски окружали Ивана и никаких проблесков ни в настоящем, ни в будущем он не ожидал. Ему хотелось исправить свою жизнь, поставить ее на новые рельсы. Но куда ехать! Он не знал! Если бы он остался в деревне — его ждали бы четыре угла холодной избы и медленная смерть от тоски. А здесь — он тоже лишний! Эти двое соседей ни о чем не думают, не тоскуют, а просто живут! По-своему наслаждаются каждым мгновением дня! Иван так жить не мог! Он хотел чистого, светлого, необычного, но не мог понять и объяснить значение желаемого. Иван повернулся в сторону играющих, и с неудовольствием на них посмотрел.

Ближайшего соседа звали — Серега, за ним спал Витюха; оба не унывали, быстро сдружились и вечером, после работы в пьяном угаре пели одну и ту же песню:

«...Шумел камыш, деревья гнулись, и ночка темная была.

Одна возлюбленная пара всю ночь гуляла до утра...»

Иван, до этого часто слышавший только начало песни, с большим интересом дослушивал историю влюбленных до конца, и не понимал, почему такая красивая песня стала гимном всех российских пьяниц.

При первом знакомстве с Серегой и Витюхой, он сначала услышал героическую историю их прошлой жизни, но когда вечером все спиртное было выпито, то они в слезливом состоянии поведали ему правду — их прошлое приняло довольно прозаический вид: оба стали калеками «по пьянке».

Серега раньше жил в деревне, недалеко от Новгорода, работал в колхозе механизатором, был женат, имел пацана — не своего, просто женился на разведенке. По его рассказам, он жил не плохо — «каждый день пьян и нос в табаке!» Вот эта пьянка его и погубила!

В один из праздников в декабре пил два дня подряд, а когда закончился самогон, собрался идти к своему родственнику в соседнюю деревню за спиртным. Деревня была недалеко — всего четыре километра; своего транспорта не было, решил доехать на автобусе, но провозился дома и опоздал. Душа «горела» и не терпелось еще заглотнуть стакана два горячего. Решил идти пешком; одет был довольно легко: короткая куртка, вязаная шапка, брюки и кирзовые сапоги. Жена посоветовала надеть толстый свитер, но он так торопился, что на ее слова только махнул рукой. На улице вместо декабрьского пушистого снега, его ждала слякотная дорога. На шоссе попытался остановить движущуюся машину, но шофер, то ли был пьян, или не заметил его в вечернее время — сбил Серегу; тот провалялся в кювете часа два без памяти, потом, видимо от холода очнулся, с трудом выполз на дорогу. Там его, чуть живого, подобрала проезжающая машина; привезла к дому фельдшера, а оттуда отвезли в районную больницу.

Как он выжил — непонятно было даже опытным врачам; все предполагали, что Серега скоро «уйдет в иной мир», но его организм оказался очень крепким и, потеряв две ноги, почку и часть легкого, он через четыре месяца прибыл в свою деревню. Там его никто не ждал! Жена давно ушла жить к колхозному бухгалтеру и не собиралась возвращаться к калек. Близким родственникам он был тоже не нужен; промучившись пару месяцев в пустом доме, решил ехать к брату в Питер. С братом был всегда в хороших отношениях. Написал письмо со своей просьбой, тот ему ответил — согласиеш, что «мол, приезжай, место для тебя всегда найдется, встречу на вокзале».

Скоро Серега был в Питере на вокзале, где его никто не встретил; просидел на скамейке два дня и собирался уже возвращаться домой в деревню, но с ним познакомился какой-то старый цыган, выслушав его печальную историю, предложил Сереге поработать на него несколько месяцев. Пообещал, что поможет со временем его устроить в Дом инвалидов. Сереге эти предложения показались заманчивыми и довольно привлекательными. Терять ему было нечего, и он согласился!

Попад в этот подвал, он сначала расстроился, ожидал увидеть лучшее, но пожив там дней десять и поработав в метро «героем войны», привык к новому образу жизни. Да, и что он мог найти лучшее! В деревне — пустая изба, полуголодная жизнь, а здесь, какое-то разнообразие: каждый день в метро; как в калейдоскопе, картины меняются ежесекундно и заставляют его жить какой-то новой неизведанной жизнью.

Кормежка у цыгана — хорошая, вечером наливают «законные сто пятьдесят», а если еще учесть не пьющего соседа, так получается — все двести пятьдесят! Правда, первое время было не очень приятно шнырять под ногами у прохожих на коляске-ползунке с задранной вверх головой, но человек может привыкнуть ко всему. Цыган сначала одел его в обычную одежду, серую телогрейку и штаны, но вскоре заменил ее военной формой солдата-десантника, а на грудь куртки навесил какие-то нелепые значки.

Сергея в свое время служил два года в армии — стройбате, но таких значков никогда не видел, когда он спросил, что они значат, то цыган ответил просто: «Для солидности!»

Жизнь Витюхи мало чем отличалась от Серегинной: также учился в сельской школе; был разгильдяем и лодырем — два раза оставался на второй год. Наконец, когда закончил восьмой класс, стал устраивать свою жизнь сам: поступил в профтехучилище, которое окончил через два года, получив удостоверение «механизатора широкого профиля», мог работать и шофером, и трактористом, и комбайнером, его научили ремонтировать всю эту технику. Так что руки у него стали просто «золотыми»; сам он тоже был видным парнем, высокого роста, крепкого сложения и довольно симпатичный на лицо, но и с недостатками — любил выпить и поскандальить. Хорошие девчонки и умные ребята его сторонились, зато всякая шушера из пьяниц и лоботрясов — хвостом ходила за ним. Родная мать признавалась соседям, что в запой он уходил с четырнадцати лет.

Витюха жил с матерью в хорошем, просторном доме, который еще построил дед. Мать думала, что сын с годами остепенится, женится, появятся у нее внуки, но на Витюху женский пол внимания не обращал, а если и приводил он на ночь какую-нибудь «выдру», то запах от ее посещения не мог выветриться из дома в течение недели.

Армия тоже из него благоразумного мужика не сделала: отслужив два года в танковых частях водителем-механиком, он вернулся домой в пьяном виде и разодранном мундире, фиолетовые синяки на лице были его армейским украшением. Три месяца без отдыха он пил «горькую», пока, как он рассказывал: «Стали являться черти — да, такие здоровые, рыжие, с рогами. Как закрою глаза, а эта нечисть уже бежит прямо на меня, а в лапах держит огромные вилы!» Одним словом — спился Витюха! Лечился в районной больнице, вроде бы стало полегче. Его предупредили, чтобы не злоупотреблял спиртным и пил в меру; ну, а мера у мужика всегда была одна — стоит на ногах, значит еще трезвый. Напугавшись страшных видений, Витюха стал пить немного поменьше, то есть сам добирался до своей избы. Даже собирался жениться на одной «разведенке» из соседней деревни, но та тоже любила веселые пьяные компании и молодых мужичков... Застукав свою любовь в непотребном виде и получив от нее серию тумачков за то, что суется в чужую жизнь — он отказался от семейной идиллии. А калекой Витюха стал и по случайности, и по пьянке! Все вместе сошлось воедино! В общем, не повезло мужику!

Праздновать Новый год Витюха начал еще за десять дней до радостной даты. Каждый вечер в разных компаниях отмечал этот счастливый момент, пил за «счастье в новом году». Сколько исчезло самогона в его глотке — знает только «небесная канцелярия». За два дня до праздника ни денег, ни выпивки у него не оказалось. Даже бутылку водки, что мать припрятала для праздничного стола, нашел и оприходовал. Спасла от новогодних неприятностей соседка: ей срочно надо было

привезти с дальней делянки чурки, напиленные еще осенью. Собиралась три месяца: то размытая дорога, то постоянные хвори, то не было времени собраться, а тут решилась, не оставлять же недоделанную работу на Новый год! Пришла к Витюхе и предложила два литра самогона-первача!

Ну, какой деревенский мужик устоит от такого заманчивого предложения!

Почему предложила эту работу Витюхе, а не своей многочисленной родне! Да, все из-за трактора! Витюха считался в деревне мастером с «золотыми руками»; если приезжие инженеры не могли восстановить какую-нибудь технику, то срочно звали нашего мастера; тот час-два повозится у машины, и та заработает!

Из списанных в колхозе деталей и механизмов Витюха собрал чудо-трактор, который вобрал в себя все искусство русских и немецких мастеров. Корпус частично взят с немецкой танкетки времен второй мировой войны; двигатель — от советского трактора тридцать четвертого года; гусеничный механизм — от легкого советского танка. Эти гусеницы он лично вытащил из дальнего болота. Никакой колесный современный трактор не мог пробраться к дальним делянкам, а Витюхина машина легко проходила любое бездорожье. Только этим трактором он мог спокойно обеспечивать себя спиртным в любое время года. Как и у всех талантливых людей, у него не было свободного времени и средств, до конца собрать свою машину — трактор не имел кабины. Мастер все собирался ее поставить, и она почти готовая лежала у гаража. Да все проклятые пьянки, забирали массу времени: сначала надо выпить, потом проспать, дальше опохмелиться, а потом... все сначала! Такова жизнь деревенского мужика! Так и приходилось Витюхе, как на лошади, сидеть на приставке к двигателю и управлять своим вездеходом, а ветер, дождь, холод портили ему приятное времяпровождение; не спасала и музыка, которая доносилась из-под сидения.

Выпив стакан самогона, он к часу дня уже тащил большую телегу трактором по лесной дороге. Мать предлагала ему взять в помощники сына соседки, такого же выпивоху, на что Витюха сразу ответил отказом — неужели он будет делиться самогоном с кем-то со стороны!

Работа для него была обычная: подъехать, развернуться, накидать чурки в телегу и вернуться. Но он забыл, что на дворе зима и дрова находятся под снегом; вместо часа работы, Витюха управился только к пяти вечера. На улице было не холодно, около нуля, но серый вечер потихоньку переходил в черноту ночи. Закинув последнюю чурку, Витюха оседлал свой трактор и потянул тяжелую телегу. Дорога была терпимая, но его смущал один отрезок пути — поворот у оврага, где был довольно узкий проход: с широкой, тяжелой телегой ехать было довольно рискованно — можно сорваться вниз. Вот на этой проклятой кромке оврага ждала его большая неприятность, которая и привела к трагедии: трактор на гусеничном ходу свободно переполз опасный участок, а вот телега на колесах сорвалась вниз, перевернулась, своей тяжестью опрокинула трактор.

Витюху сбросило с сидения и придавило рассыпавшимися дровами, а сверху накрыло бортом телеги. Сначала он сделал попытку раскидать чурки, и ему кое-что удалось, но скоро телега снова поползла вниз в овраг и полностью накрыла его. В таком тяжелом положении мужик пробыл часов пять.

Когда приехали приятели, забеспокоившиеся его долгим отсутствием, а вернее, ими руководила не забота о ближнем, а то, что без Витюхи и дров, им не получить желаемой выпивки.

Бедолагу вытащили из снежного плена. Тот не подавал признаков жизни! Отвезли сначала к деревенскому фельдшеру, а тот срочно отправил их в районную больницу. Часов в двенадцать ночи он оказался на операционном столе; молодой врач привел Витюху в чувство, «нашпиговал» всякими уколами и сказал матери, что если сын доживет до утра — это будет чудо, и позвонил в городскую больницу. Только к часу следующего дня Витюха попал в руки опытных врачей. Те, чтобы спасти больного от неминуемой смерти, ампутировали ноги и руку, вырезали еще то... о чем страшно мужику говорить и отправили на лечение.

Через четыре месяца Витюхиной матери привезли в дом долгожданный подарок, что осталось от некогда здорового мужика. Неунывающий сынок сказал матери: «Врачи мне оставили главное — то чем можно есть и пить!»

Он быстро привык к своему новому образу жизни: спал, ел, выпивал, лежал на печи, смотрел телевизор и в окно. Беспокоиться ему было не о чем: государство назначило пенсию инвалиду; мать находилась рядом и выполняла все прихоти сына; друзья тоже не забывали и навещали. Можно сказать, что Витюха нашел свой домашний рай, и все благодаря мамочке, которая давно поняла простую семейную истину: «Сын — это ее крест до конца жизни и тащить его надо пока есть силы!» Сил оказалось у нее маловато: она всегда жаловалась на боли в сердце, пила всякие настойки трав, лекарства — иногда помогало!

Однажды простудилась и решила подлечиться в баньке, которая славилась своим устройством по всей деревне: Витюха, в свое время, сделал из нее нечто среднее между русской, финской и шведской банями: в одном помещении устроил и парильню, и ванну, и шведскую бочку. Его мать в ванне сделала настой из трав, легла в горячую воду, да и уснула там вечным сном — сердце не выдержало! Ее двоюродная сестра с дочкой пришли тоже помыться и увидели трагическую картину смерти.

Так Витюха остался один! Летом он сам себя еще мог обслужить, а вот зимой — беда! Если бы не помощь сердобольных соседей, то вряд ли он смог бы перезимовать! Спасение пришло в лице пожилой цыганки. Как она его нашла? Он не знает, видимо, кто-то из деревенских рассказал о нем. Она ему прямо предложила, что за его дом и хозяйство устроит Витюху в городе на работу и предоставит жилье; тот, не задумываясь, дал согласие! Что за работа — его не интересовало! Главное — влиться в окружающую жизнь!

Через пару недель Витюху привезли в Питер, устроили с жильем и работой! Новая обстановка его не смущала; ползать между проходящими людьми и просить милостыню — тоже не пугало! Страшнее было сдохнуть, как крыса в холодном деревенском доме, всеми забытым и отвергнутым!

В лице Сереги, своего соседа по комнате, он нашел и приятеля, и собутыльника с которым можно поговорить по душам и выпить водки.

Иван про свою жизнь не любил рассказывать; он был мужиком замкнутым, не пил, не курил, а все о чем-то думал — переживал о своей неудавшейся жизни; вечерами всегда лежал, отвернувшись к стене.

При знакомстве с Серегой и Витюхой (те тоже стали расспрашивать о его прошлой жизни) Иван сказал, что стал инвалидом в армии, при выполнении боевого задания. Они засмеялись: «Еще один герой появился, наверно, по пьяни потерял ноги!» Тогда Иван достал из кармана куртки целлофановый пакет, аккуратно вытащил матерчатый мешок, раскрыл его и достал медаль «За боевые заслуги» и удостоверение к ней. Серега и Витюха долго изучали документ, с интересом рассматривали золотистую награду и... поверили словам Ивана.

Жизнь Ивана до армии мало чем отличалась от их — тоже закончил восемь классов сельской школы, особых успехов в учебе не было; в аттестате — тройки и четверки перемешались в одну незаметную кучку средних отметок. Школьными занятиями он мало интересовался, больше всего ему нравилось петь в школьном хоре, обладая чистым, приятным голосом, он выделялся из общей среды; все в один голос говорили о нем, как о будущем артисте. Еще ему нравились уроки физкультуры, и он занимался беговым спортом; два года подряд становился чемпионом района по бегу на длинные дистанции. Мать уговорила сына поступить в культурно-просветительное училище, но, увы, не повезло — Иван завалил экзамены; пришлось сдать документы в ремесленное училище на отделение механизатора широкого профиля.

«Жаль, что ты не стал артистом, но это тоже хорошая специальность! Всегда пригодится в жизни!» — так говорила мать.

Два года учебы пролетели незаметно, а скоро и военкомат своей повесткой напомнил о гражданском долге — «защите Отечества».

Со знакомыми ребятами приехал в это учреждение, ему предложили пройти сначала медицинскую комиссию, после которой вызвали на собеседование, где определили в каких родах войск ему придется служить.

Небольшого роста, лысоватый капитан, ознакомившись с его документами, спросил: «Какой род войск ему нравится?»

Иван, не задумываясь, ответил: «Авиация!»

Тот достал из папки кипу разноцветных бумаг, долго просматривал их, потом ответил призывнику: «У меня нет таких предложений. Есть направления в воздушно-десантные части; тоже форма, как у летчиков с голубыми петлицами. Будете и летать, и прыгать с парашютом. Все девчонки в деревне будут вашими!» Дальше он добавил: «У вас хорошие характеристики, можно было бы послать на учебу в сержантскую

школу, но там требуется среднее образование! Так что готовьтесь служить два года в ВДВ рядовым!»

Иван вышел из кабинета и довольный, и немного расстроенный; довольный — потому что будет служить в «Воздушных частях», а расстроенный — из-за образования: поленился ездить три раза в неделю в районный центр в вечернюю школу. Из всех его знакомых только один окончил среднюю школу, а остальные по вечерам бегали на танцы, занимались спортом или просто проводили свободное время, стараясь ухватить от молодости как можно больше удовольствия.

«Да, если бы я был умнее и имел среднее образование, то закончил бы и «сержантскую» школу, а может и военное училище и стал бы командиром!» — так себе говорил Иван, после посещения военкомата. «А с другой стороны посмотреть: два года пролетят, вернешься домой и забудешь, кем ты был в армии. Только детям будешь показывать свои фотографии в военной форме; да, врать про свое героическое прошлое!»

Почему-то вспомнился отец, нелепо погибший в автокатастрофе: поехал в соседнюю деревню по делам, а на шоссе в него врезалась легковушка.

Кто виноват? — не ясно!

Оба водителя принимали спиртное перед поездкой. А кто в деревне не выпивает! Иван вспомнил, как его, двенадцатилетнего подростка, напоили брагой старшие ребята; «пил — вроде бы легко лилось...», а потом рвота так выворачивала все кишки, что после этого случая он больше стопки не пил.

А отец выпивал почти каждый день; мужиком он был крепким и на окружающих его увлечение спиртным особенно не сказывалось. Иван вспоминал, как в праздники, а они в деревне были довольно часто, отец доставал из комода альбом с армейскими фотографиями и все слушали длинные рассказы о каждом отдельном лице на картинке. Альбом был большим с бархатным покрытием и золотым тиснением; на голубом фоне, над надписью «Дембельский», был изображен авиационный знак — крылышки!

Отец в армии три года летал воздушным стрелком на большом самолете; рассказывал много интересных историй про свою службу. Правда, иногда перевидал некоторые эпизоды из жизни фотографических моментов, но какой героический мужик будет говорить одно и то же; конечно, надо разукрасить прошлые события! Из его рассказов выходило, что он несколько раз спасал самолет и экипаж от неминуемой смерти и был представлен к медали, которая где-то затерялась в штабных архивах. Родные ему прощали некоторые преувеличения в армейских историях, а перед чужими — он больше помалкивал, чем говорил. Да и посмеиваться было грешно над ним, у него были веские аргументы для каждого насмешника — на некоторых фотографиях отец в летной форме стоял перед своим большим самолетом.

Через три дня Иван с личными вещами приехал в военкомат; их команду, состоящую из пятнадцати юношей, должны были отправить

куда-то под Новгород в авиационный учебный центр. Компания собралась веселая, раздавались звонкие голоса, шутки, пение. Три пары уединились по разным углам двора. Молча, стояли в обнимку, изредка целуясь, и смотрели только друг на друга; для них весь мир исчез — только глаза, губы, голос друга, вмещали в себя все нужное для жизни пространство.

У Ивана тоже была девушка, с которой дружил со школьной скамьи, но позвать ее на проводы в армию не хватило решимости — вдруг начнет плакать, а он не терпел женских слез. Да и знакомые потом будут смеяться! Иван даже собирался перед призывом жениться на ней, но мать отговорила, рассказав о жизни нескольких знакомых «солдаток», не дождавшихся своих мужей и «прогуливающих» свою молодость на стороне. Он тоже знал таких молодых женщин! Мужья приходили из армии и сразу разводились с ними!

В компании отъезжающих встретил знакомого; тот ехал под Новгород, только в сержантскую школу. Этот приятель сумел получить до призыва среднее образование и военкомат предлагал ему учебу в военном училище на офицера, но у него была мечта стать врачом-стоматологом. Почему не хирургом, не терапевтом? — парень не говорил. Знакомые раскрыли его тайну — стоматологи много зарабатывают!

Скоро подъехал автобус, офицер и сержант построили разношерстную команду призывников; приказали раскрыть сумки и чемоданы: проверили содержимое, все спиртное отобрали и вернули родственникам. Всех посадили в автобус и с этого момента, началась их военная жизнь.

На вокзале сержант не отпускал от себя никого, перед посадкой в вагон еще раз просмотрел все вещи отъезжающих, и только после таких процедур успокоился, распределил места для отдыха.

Поезд довез их до Новгорода, на вокзале уже ждал армейский автобус, который довез призывников до воинской части. Высадили всю команду недалеко от штаба части; построили, минут через десять к ним вышел молодой майор: четким, командным голосом поздравил с началом военной службы. А потом колесо новой жизни завертелось, закружилось!

Иван первые свои дни в части не помнил совсем, день и ночь смешались в какой-то беготне по классам, спортзалам, стрельбищам и все бегом, под громкий крик сержантов. Правда, за тридцать минут до сна, назначают «личное» время, которого хватает только на замену грязного воротничка для гимнастерки и написания короткого письма родным. Жизнь солдатская в первые месяцы очень трудная и напряженная: одни «тревоги» чего стоят!

Отвезут на машинах в сторону полигона и заставляют рыть окопы, отражать нападения противников, брать высоты. И все бегом, бегом!

В день Иван пробегал более десяти километров, а часто начальство устраивало марш-броски по пятнадцать; да, не в спортивной форме, а с полной выкладкой (автомат, сапоги, каска, шинель, патроны).

Особенно не нравились ему «химические» учения; по приказу командиров надо было брать песчаную высотку в сосновом лесу. Где-то, навер-

ху стреляет пулемет; эти звуки он слышит глухо (на нем химический костюм и противогаз). Пот заливает лицо и все тело, не хватает свежего воздуха, движения становятся замедленными! Иногда, впереди бегущие солдаты падают! Или это солнечный удар, или стрельба ведется боевыми патронами. Иван прячется за стволы деревьев и пробирается к ненавистному пулемету. Скоро выстрелы замолкают: впереди идущие «накрыли» огневую точку.

После окончания учений солдат отправляют мыться на речку: их одежда бывает пропитана потом до такой степени, что при выжимании тот льется, как речная вода. Да! Чтобы стать хорошим солдатом приходилось много трудиться!

Вспоминал Иван тренировки на стрельбище. Сначала боялся стрелять из автомата: нажмешь на курок, сильный грохот пугает, оружие дергается в руках! Какое там «поражение цели»! Автомат в руках и тот с трудом держишь! Проходит некоторое время, и очереди из автомата легко поражают видимого противника.

Метание боевых гранат тоже приносило свои неприятности! В первый раз, когда у него в руке лежала эта штука, он весь покрылся потом, в его голове главенствовала только одна мысль: «Сейчас рванет и разнесет тело на части!» — привык и к этому состоянию. Легко метал гранаты из окопа, и из машины: уверенно, без дрожи в руках, отправлял ее в сторону противника. Ко всему он приспособился на службе, но очень не любил ходить в наряды: рота спит, а ты стоишь около тумбочки или охраняешь какой-нибудь склад. В это время на такие вещи насмотришься, что если бы рассказали — никогда бы не поверил! Ивану пришлось самому увидеть часового, который стоял, как обычный солдат на службе: глаза открыты, автомат в руках, а человек спал!

Сержант к нему подошел почти вплотную, командует: «Сдать пост!», а тот смотрит куда-то вдаль и молчит! Солдат спит крепким сном и, наверное, видит своих родных, потому что на его лице блуждает непонятная улыбка! Сержант гаркнул, тот вздрогнул, и быстро сообразив, где находится и что случилось, честно признался: «Виноват! Уснул!» В армии недосыпание обычное явление!

Еще Ивану трудно давалась физическая подготовка, туда входило столько упражнений, что тот, кто ее выдумал, и сам половину не смог бы выполнить!

Занятие на перекладине: отжаться на вытянутых руках — десять раз, поднять ноги к голове — шесть раз; выполнить из «виса выход наверх» — шесть раз!

А брусья! Сколько раз он «летал» с них; спасибо сержанту, вовремя ловил; зато синяков было не сосчитать по всему телу!

Прыжки через «козла» тоже приносили одни неприятности. Командир поднимал этот снаряд на полтора метра, вот и перепрыгни!

А кольца с канатом и вспоминать не хочется! Одним словом намучился! Но со временем кое-что стало получаться! Выполнял упражнения не хуже других!

Много неприятностей еще испытал на «полосе препятствий», где надо было ползти, прыгать, нырять в небольшие отверстия, лезть на стену и по канату, быстро бегать, метко стрелять, метать нож.

Упражнения по единоборству тоже были не очень приятными. Хорошо, если тебе достанется слабый противник, а то бывают соперники и в два раза тяжелее!

Иван вспоминал, как в первый месяц службы ему доставалось от сильных ребят; в единоборстве никто никого не жалел, «бились на смерть»; пока соперник стоит, он твой лютой враг, которого надо уничтожить! Позже, когда он кое-чему научился, Иван и сам мог уложить многих. Все приходит не сразу, требуется время!

В учебной части солдат готовили для службы в ВДВ (воздушно-десантные войска), а это значит, что он должен уметь прыгать с парашютом. Сначала инструктора учили молодых солдат теории (тактико-технические данные, как вести себя в самолете, в воздухе, при приземлении). На тренировочных площадках солдаты крутились на специальных турниках, прыгали на батуте, скользили по натянутым тросам, и еще многому их учили, чтобы выжить в любой обстановке! Потом начались прыжки с парашютной вышки; если в городском парке на аттракционах, похожее сооружение было метров пятнадцать, то у них в два раза выше! Пока поднимаешься на верхнюю площадку, то минут пять отдыхаешь и все стараешься как можно крепче держаться за поручни, и отойти подальше от места сброса. Когда подходит очередь, сержант закрепит на твоём теле парашютные лямки, стукнет по плечу два раза или крикнет: «Пошел!»

Ты прыгаешь в пустоту, над тобой уже раскрытый парашют и тебе остается только планировать вниз. При приземлении надо как можно плотней прижимать ноги друг к другу; в противном случае их можно просто сломать! Первые три прыжка было страшновато. Земля с бешеной скоростью летела прямо на него. Потом привык и считал эти прыжки с вышки детской забавой.

В их роте списали шесть человек из-за боязни высоты. Он сам был свидетелем, как один знакомый солдат на верхней площадке вцепился в поручни, трясся от страха и ничего не соображал — два здоровых сержанта не могли заставить его совершить этот «детский» прыжок. Таких солдат отсылали в другие воинские части.

Через два месяца тяжелых тренировок им надо было выполнить десять прыжков с самолета. Первые два прыжка он запомнил на всю свою жизнь; они снились ему во сне. То, что он испытал трудно описать, все это надо прочувствовать на себе — «животный» страх перемешался с восхищением от полета и самоутверждением.

В шесть утра всю роту подняли по тревоге, выдали оружие и построили на плацу. Скоро подъехали несколько крытых грузовых машин, которые отвезли солдат на аэродром; там два больших военно-транспортных самолета прогревали двигатели. Грохот стоял неимоверный, не слышно речь рядом стоящего человека. Через некоторое время гул двигателей ослаб, всех солдат распределили по взлетам и самолетам.

Иван попал в первый взлет первого самолета. Когда их подвели к самолету, его поразила величина и мощь этой «машины», глыба из серого металла завораживала и пугала.

«Интересно, как мы попадем во внутрь?» — подумал он. Хотел спросить сержанта, но не успел, задняя плоскость фюзеляжа стала медленно опускаться, скоро все увидели внутреннее строение самолета, напоминающее большой гараж с круглыми маленькими окнами, по бокам располагались приставные скамейки для солдат.

Солдат построили в два ряда и стали заводить во «чрево гиганта»; Иван оказался почти у самой кабины самолета, ему хорошо были видны только две фигуры летчиков; они переговаривались друг с другом. Руки одного из них быстро включали кнопки, клавиши и передвигали большие и малые рычаги.

«Вот это техника! Неужели все операции по включению можно запомнить!» — мелькнуло в его голове. На тракторе и машине было четыре прибора и штук пять рычагов, а здесь — около сотни всяких светящихся приспособлений. От дальнейших раздумий о сложности авиационной техники Ивана отвлек подошедший прапорщик, который быстро, по-деловому закрепил к его парашюту вытяжной трос, при прыжке это приспособление должно помочь раскрыться куполу без всяких усилий со стороны парашютиста. Во втором ряду другой прапорщик сделал ту же операцию с парашютами других солдат. Через некоторое время, они еще раз проверили крепления и доложили командиру о выполненной работе; тот подошел к кабине и что-то сказал одному из летчиков, тот кивнул, видимо, это означало: «Все понял!»

Прапорщики, одетые как солдаты в комбинезоны с парашютами, заняли места в задней части самолета около открытого люка. Минут через десять люк стал медленно прикрываться большой металлической плоскостью. Двигатели натужено взревели, и Иван почувствовал телом, как сиденье мелко задрожало, и скоро весь корпус машины стал слабо вибрировать — самолет начинал взлет. Окошка рядом не было, о том, что творилось за бортом, Иван мог только догадываться. Какие-то непонятные чувства, смесь страха и приближающейся неизвестности, закрались в его душу.

«Вот сейчас поднимемся, и эта махина развалится, и прощай тогда моя молодая жизнь!» — так подумал Иван, закрыл глаза и в его памяти стали возникать яркие видения-картины из прошлого времени.

Почему-то вспомнилось, как он, пятилетний малыш, залез на высокую ель; с высоты увидел свой дом, очень удивился его маленьким размерам; около него стрекотала небольшая птичка, наверное, беспокоилась о своем гнезде; посмотрел вниз, и ему стало страшно, закружилась голова; он судорожно вцепился в смолистый корявый ствол, и заорал с такой силой, что соседский мальчишка, привлеченный громким криком, поспешил к нему на помощь. Были еще какие-то отрывочные видения, но оглушительный вой сирены рядом с ним, прервал все воспоминания. Большой оранжевый фонарь мигал, слепя и пугая пасса-

жиров. В этом визге сирены Ивану слышались слова: «Все, ребята, отжили свое, отгулялись! Конец всему! Пора прыгать!»

Большой задний люк стал медленно открываться. Два прапорщика встали у его краев и знаком велели всем солдатам подняться. Когда люк полностью открылся, голубая, бездонная, холодная дыра заглянула во внутрь самолета. Ледяной воздушный шквал сначала прижал всех к стенкам, а потом потянул в неизвестный провал. Из кабины летчиков дали сигнал к прыжкам. Проверяющие у края, закрепленные к стенам фюзеляжа, проверяя вытяжные тросы первых прыгающих парашютистов, стали легко подталкивать их к выходу. Иван видел, как один за другим исчезали за бортом солдаты; его очередь к прыжку неумолимо двигалась к краю этой голубой пропасти. В его душе страх смешался с каким-то восторгом: «Вот это мгновение, между жизнью и смертью, надо проскочить, и тогда, может быть, Господь подарит ему возможность снова оказаться среди родных, и передать им то, что он чувствовал перед неизвестностью!» Голубая дыра неумолимо приближалась, вот пришла и его очередь! Под каким-то гипнозом Иван побежал вперед к открытому люку. Порыв холодного воздуха подхватил его полубессознательное тело, и оно, вращаясь, устремилось куда-то... Краем глаза, Иван увидел удаляющуюся тушу самолета с черной дырой сзади. В какое-то мгновение теплая волна воздуха от работающих двигателей самолета коснулась его лица; сразу вспомнилось детство, ласковые руки матери, завязывающие шарф на его шее и он отчетливо услышал ее слова: «Ванечка, милый, возвращайся скорей, на улице так холодно!»

Вдруг — рывок, хлопанье материи, сознание вернулось. Иван посмотрел вверх: огромный белый купол слабо трепетал под напором воздуха. Он натянул сначала передние, потом задние лямки. «Все в порядке» — мысленно сказал себе Иван. Снизу под ним, как шапки белых грибов, плавно плыли в сторону парашюты его товарищей; сверху, слева, были видны под куполами прыгающие после него солдаты. Воздушные потоки слабо раскачивали его тело, сырая прозрачная дымка то окутывала, то таяла перед ним. Земля серо-зеленым пятном была где-то далеко внизу. Страх исчез и его заменил детский восторг, похожий на тот, что испытывают дети, взлетающие на качелях вверх, и падающие вниз. Ивану захотелось кричать от восторга, но тут он заметил приближение земли: предметы на ней увеличивались и скоро стали хорошо различимы купола деревьев, кусты, трава! Он крепко прижал ноги одну к другой, натянул передние лямки на себя и резко их отпустил. Иван сделал все, как учили, но это слабо помогло, удар о землю был довольно ощутимым, он кувырнулся через голову, автомат больно ударил в плечо. Через мгновение, он стоял на коленях и тянул за стропы слабо колышающийся купол; собрал его в большой белый комок, встал, проверил свое оружие и побежал к месту сбора.

Второй прыжок мало чем отличался от первого: тот же страх, восторг парения, жесткое приземление, только слов матери в небе он больше не слышал! Постепенно Иван привык к еженедельным прыж-

кам, к высоте, к грохоту сирены и мигающему оранжевому «глазу». Он становился профессиональным военным, готовым в любое время и в любом месте защитить свою страну!

Заканчивался третий месяц пребывания в учебной части, скоро должна быть Присяга, а потом служба в воинских частях. До солдат доходили слухи, что на Кавказе «не спокойно», и их могут отправить туда. Он так и написал матери, которая три раза в месяц присылала весточки из дома, где подробно описывала новости деревенской жизни. Его девушка первый месяц присылала по два письма в неделю, но скоро вести от нее стали приходить реже, а потом, к концу второго месяца, пришло последнее, прощальное известие — она его забыла! Позже мать сообщила причину ее внезапного молчания: поступила в техникум в соседнем городке и быстро вышла замуж за своего сокурсника. Иван был крепким мужиком, неделю попереживал и успокоился. Хотя, иногда, ему вспоминались ее жаркие объятия и поцелуи, биение девичьего сердца, слова признания в любви, но все это ушло незаметно в прошлое.

В солдатском клубе три раза в месяц по субботам устраивали танцы, приходило много девчонок из соседнего текстильного комбината. Иван сначала искал среди них похожую на свою «любовь», но у всех видел множество недостатков, поэтому не хотел знакомиться.

Однажды один из сержантов привел в клуб высокую, красивую подружку, Ивану она очень понравилась, и он, собрался было ее пригласить на танец, как случайно увидел на руке девушки обручальное кольцо! Да, с женщинами ему не везло!

Иван хорошо запомнил день принятия Присяги. Солдат построили на плацу, начальство поздравило их с окончанием учебы, потом они по одному подходили к знамени части и читали по большому листу текст Присяги, под звуки военного оркестра строевым шагом прошли мимо трибун. В столовой их ждал праздничный обед: вместо надоевших макарон их угощали гречневой кашей и даже положили в тарелку по одной толстой, с безумно вкусным запахом, сосиске. Такое разве забудет желудок солдата! А жирный борщ, винегрет и белая пышная булочка к компоту. Этот фантастический обед у него остался в памяти на всю жизнь.

Через два дня взвод, в котором он служил, был построен на плацу, где им сообщили о новом месте службы — Кавказ! А если конкретнее — Закавказский военный округ, район Нальчика. Посадили на военнотранспортный самолет, и через пять часов они были в новой воинской части. Там пробыли только неделю и их перебросили в район Грозного. В этой части обстановка была нервная, беспокойная, почти каждую неделю какой-нибудь взвод или роту поднимали по тревоге, утром или ночью, сажали в машины и куда-то увозили. Назад никто не возвращался; говорили, что их после операции отправляли в другие гарнизоны. Письма в эту воинскую часть приходили с задержками, и большая их часть уходила назад со штампом «Адресат выбыл».

Около месяца взвод Ивана занимался обычной жизнью: бегал, стрелял, изучал подрывное дело, ходил в наряды.

В один из дней, когда он с друзьями был на дежурстве по охране воинской части, их сменили вновь прибывшим взводом солдат, а их посадили на автомобили и привезли на аэродром. Там расположили в местной казарме, дали на отдых пять часов. Солдатам сказали, что утром они вылетают для выполнения важного задания. «Куда? Зачем?» — эти вопросы никто не задавал, не было смысла ждать правдивого ответа. Все действия начальства закрыты военной тайной! Командир взвода, молодой лейтенант и сам ничего не знал.

В четыре часа утра, отдохнувшие, накормленные, с полным боевым снаряжением, солдаты стояли у трех небольших самолетов. Командир взвода, взволнованным голосом, сообщил каждой группе следующий приказ: «Внезапно с воздуха атаковать базу бандитов в горах. Основные силы наших частей не могут через узкое ущелье пройти к селению, где засели враги, и несут большие потери. Попробовали перебросить солдат на вертолетах, но бандиты ракетами сожгли их. Командование предложило на легкомоторных самолетах, рано утром, сбросить парашютистов на селение. А чтобы враг самолеты не сжег в воздухе ракетами, летчикам приказано подняться на высоту две тысячи метров, при подлете к ущелью выключить двигатели и на планировании подойти к базе. На высоте пятсот метров выбросить десант — взвод солдат. При приземлении — первая группа выполняет «зачистку» в ближайших домах, отвлекает основные силы врага, две группы атакуют бандитов с тыла в ущелье. При этой неразберихе наши солдаты перед ущельем опрокидывают заслон и прорываются к селению, уничтожают противника».

Иван был в первой группе, внимательно слушал командира и думал: «Вроде все четко и правильно расписали штабисты, но как выбить из каменного дома врага. Тяжело пробить такие стены! Если удастся нормально приземлиться — укроюсь в каменной оgrade и буду «огнем поливать» окна, а бегать по дворам — это верная смерть! Может, повезет! Удержусь до прорыва основных наших сил!»

Ивану не повезло, как и всей первой группе. Горстка солдат, конечно, сделала свое основное дело: отвлекла бандитов на некоторое время, вызвала переполох, который довольно быстро успокоился. Бандиты, а их было раз в десять больше, стали методично уничтожать каждую нашу «огневую точку»; через двадцать минут в селении наступила тишина, только редкие выстрелы говорили о том, что раненых парашютистов расстреливали в упор. Но времени боя первой группы хватило остальным бойцам внезапно напасть с тыла на укрепления в ущелье, опрокинуть врага и соединиться с основными нашими силами, вернуться к селению, окружить и уничтожить это «осиное гнездо».

Солдаты первой группы оказались «смертниками»! Так еще решили штабисты! Эти солдаты просто отвлекали бандитов от основной операции! Из двенадцати парашютистов только двое еще дышали: Ива-

на нашли в кустах с разодранными ногами, второго вытащили из кучи растерзанных тел с пятью пулями в груди и голове. Оба были без сознания. Первый раз Иван очнулся в вертолете, от страшной боли в ногах и сразу снова «ушел в темноту». Потом периодически приходил в себя и отключался, а сколько раз — не помнит!

Постоянное сознание к нему вернулось только в госпитале, он открыл глаза — белый потолок, белые простыни, молодая девушка, тоже во всем белом, сидела за столом и читала книгу. Иван пошевелил пальцами рук и слабо постучал по кровати. Медсестра заметила, что больной очнулся, и быстро подошла к нему.

«Пить!» — не то сказал, не то подумал Иван, но медсестра оказалась сообразительной, принесла кружку воды и алюминиевой ложкой стала поить больного. После третьего глотка он попросил кружку в свои руки, медсестра приподняла его голову, и Иван принялся жадно пить холодную воду. Его взгляд случайно упал на постель, и он удивился — там, где должны быть ноги, простынь свободно прикрывала только матрац.

«Отрезали!» — медленно входила в его сознание страшная догадка. «Как же я буду жить! Неужели из меня сделали «УРОДА — КАЛЕКУ! Лучше бы мне погибнуть в бою!» Медсестра поняла, о чем он думает, поправила подушку и с сожалением сказала: «Да, пришлось ампутировать. Хирург сказал, что там и сшивать было нечего, кости разорвало осколками. Ноги походили на студенистую массу. Со временем привыкните к своему положению, будете ездить на коляске или освоите протезы... Я видела ребят, которые довольно прилично ходят, правда, на небольшие расстояния».

Иван, напившись воды, закрыл глаза и медленно ушел то ли в сон, то ли в бессознательное состояние. Сколько пробыл в дремоте — не помнит. Проснулся оттого, что зачесалась правая нога.

«Сон! Мне приснился страшный сон, что у меня нет ног!» — радостно подумал он, но его ждала страшная действительность.

Был поздний вечер или ночь. Большая палата, где он находился, утопала в полумраке, около его кровати на табуретке сидела дремавшая женщина. Решив проверить правильность своих мыслей, он обратился к женскому силуэту: «Сестра...» Та подняла голову, и у него вырвалось само собой: «Мама! Ты что здесь делаешь?»

Мать быстро к нему подошла и слабо выдохнула: «Ванечка! Миленький!» Слезы горячими каплями падали на его лицо и скатывались на подушку. Видимо мать еще хотела, что-то сказать, но нервные спазмы сдавили горло. Она опустилась на колени, обхватила дрожащими руками его плечи, прижалась головой к его щеке, и мелко вздрагивая, что-то шептала.

Иван, который с детства не переносил женские слезы, пытался успокоить ее ласковыми словами. А мужской, жесткий мозг работал четко: «Если мать приехала в госпиталь? Значит у меня большие неприятности...»

Он протянул левую руку к ногам — пустота! Ног не было!

«Хрен с ними! Проживу и без них!» — зло подумал он и крепко обнял слабое тело матери. Мать пробыла в госпитале две недели, и убедившись, что Иван привык к новому состоянию, уехала домой, пообещав через месяц вернуться за ним.

Госпиталь, как ему рассказали соседи по палате, находился в Ставрополе. Вся его палата была заполнена ранеными солдатами и офицерами. Особо тяжелые больные лежали в отдельных палатах. Там был полумрак и тишина, и только слышались слабые всхлипывания пришедших родственников. Из этих палат половина пациентов переходила в общую, где слышались смех и шутки, а половина в вечную тишину и безмолвие. Сначала в морг, а потом по железной дороге «специальным грузом» в цинковых гробах на свою Родину.

Ивану ампутировали обе ноги выше колен, а больше у него опасных ранений не было. Через десять дней из палаты «смертников» его перевезли в «общую». Солдаты, которые лежали рядом, имели ранения страшнее, чем у него. У некоторых кроме ампутированных рук или ног не было и глаз, а некоторые были до такой степени изрезаны хирургами, что напоминали «почтовый конверт» — голова и туловище. Но все эти «обрубки» были молоды и хотели жить, поэтому соленные анекдоты и смешки так и витали в палате.

Иван, глядя на некоторых из них, часто думал, что ему еще повезло! Все же остался жить! Правда о женитьбе и детях можно было забыть. А найти интересное дело — вполне возможно!

В детстве он часто видел мать в белом халате. Она была зоотехником, но он считал ее врачом и тоже мечтал, что будет лечить людей. Позднее интересы изменились, он захотел стать артистом, но из этого тоже ничего не получилось. Сейчас, лежа на кровати, он видел себя счетоводом или пасечником, ухаживающим за пчелами. Другие специальности, увы, были недоступны!

Первое, что его спросили соседи по палате: «Где служил? Что с ним произошло?» Это были основные вопросы вновь прибывшим.

Он слушал других, рассказывал сам. Все эти истории были во многом похожи: одни подорвались на гранатах, другие в ближнем бою изуродованы врагами, третьи изрешечены автоматными очередями. Одним словом: «Война взяла свою дань живым товаром!»

Через два месяца Ивана выписали из госпиталя, помогли добраться до своей родной деревни. Государство его не обидело — назначило приличную пенсию и кое-какие льготы взамен потерянного здоровья.

Первое время их дом напоминал не то клуб, не то сельсовет. Все жители деревни считали своим долгом посетить героя и выказать ему свое уважение. Иван сидел на кровати в полувоенной одежде, на груди блестела новенькая медаль за боевые заслуги и два армейских значка. Каждому посетителю он подробно рассказывал о службе в армии, участии в бою и тяжелом ранении. Всем рассказывал одно и то же: «Прыгнул с парашютом, приземлился на окраине аула, их обстреляли из ближайших домов, только устроился за камнем и дал несколько очередей,

как сбоку кинули гранату, осколки посекали ноги, он тяжелораненый спрятался в кустах, потерял сознание, очнулся сначала в вертолете, потом окончательно пришел в себя только в госпитале. Там три месяца лечился. Из госпиталя привезли домой. Вот и вся история!»

Через неделю наступила спокойная жизнь, все любопытные жители уже побывали в доме героя.

Мать работала в колхозе зоотехником, рано уходила и поздно возвращалась.

Ивану одному было не скучно, читал книги, смотрел телевизор, слушал радио; около него крутились две кошки, черная Мурка и белая Сонька. Чтобы не ползать по полу, он сделал себе коляску на четырех маленьких колесиках и быстро передвигался на ней по дому. Пробовал таким образом кататься по улице, но не получилось, слишком неровная и грязная дорога. В госпитале ему дали коляску на больших колесах, но на ней можно было кататься только по асфальту. Шлепнувшись два раза и разбив плечо, он больше не решался на ней передвигаться. Сосед обещал сделать коляску на надувных шинах, но никак не мог найти четвертое колесо, и она почти готовая стояла в сених. Поэтому Ивану приходилось подолгу лежать на печке и смотреть телевизор или сидеть у окна и рассматривать прохожих. Поначалу жить одному в доме было трудно, забраться на печку или устроиться у окна без тренировки и сноровки, задача практически не выполнимая. И если бы не помощь друзей и матери, то жизнь стала бы мукой.

Для влезания на печку ему сделали две доски с упором и на потолке закрепили веревку с узлами. Установив доски под углом, он при помощи веревки легко забирался и слезал с полутораметровой печки. У окошка поставили две широкие скамейки. Он при помощи рук легко забирался сначала на одну, потом на следующую.

Незамужние девицы, с которыми он раньше учился в школе, появились у него однажды, а потом позабыли о его существовании. Зато вдовушки в годах и разведенные с детьми, почти каждую неделю появлялись у него в доме, не забывая угостить его пирогами или конфетами. Для них он был лакомый кусок, мужик тихий, не пьющий, с большими для деревни деньгами, много не требующий от жизни. Но на страже стояла его мать, она сама хотела выбрать жену своему сыну — герою. Сын-то был герой! Это верно. Но она забыла, что хорошую партию своему сыну ей будет очень сложно составить, хоть и любимому, но безному инвалиду.

В соседней деревне она познакомилась с девушкой, которая работала телятницей: невысокого роста, сутуловатая, с правильными чертами лица, но с кожей попорченной «оспой», а самый страшный ее физический недостаток, она хромала на левую ногу. В детстве девушка переболела какой-то страшной болезнью, сумела выздороветь, но одна нога стала «сохнуть». Спас ее простой сельский врач. Он посоветовал достать из ближайшего карьера голубую глину, нагревать ее и обмазывать больную ногу. Что мать и сделала! Через два месяца нога приобре-

ла обычные формы, но размер остался меньше здоровой на пять сантиметров. Девушка ходила в специальной обуви и незнакомые люди ее физический недостаток не замечали. Конечно, все местные жители знали ее историю, поэтому создать семью ей было практически невозможно.

Мать Ивана несколько раз разговаривала с ней о своем сыне, показывала его армейские фотографии и одно фото, сделанное в госпитале на инвалидной коляске.

Девушка сначала отнекивалась, говорила, что ей рано выходить замуж. Но однажды, оказавшись в деревне Ивана, заглянула к ним в гости. Матери дома не была, а Иван, сидя на полу, что-то мастерил. Девушка, увидев на полу изуродованную фигуру парня, испугалась, заплакала и тут же, не говоря ни слова, убежала. Так неудачно закончилось это сватовство!

Мать пыталась несколько раз приглашать девушку к ним в дом, но все безрезультатно. Было еще два случая неудачного знакомства, которые показали матери трудность их положения.

Правда, в их деревне жила одна разбитная бабенка, лет за тридцать с двумя детьми от разных мужчин, никогда не была замужем. В последнее время жила с каким-то мужиком, устраивали между собой потасовки, часто появлялась с синяками. В молодые годы она считалась очень привлекательной, была солисткой школьного хора и даже ездила с концертами по области. Это ее и погубило. Возомнила себя второй Любовью Орловой. Дважды пыталась поступить в театральное училище, но не везло. Опустошенной и раздавленной она вернулась в свою деревню с ребенком, сначала жила на алименты, потом устроилась в библиотеку, но за пропажу дорогих книг ее уволили. Потом работала уборщицей то в магазине, то в конторе, то в клубе. Каждый год находила нового мужчину. Годам к тридцати, постаревшая и уставшая, она еще раз хотела выйти замуж за приезжего, родила ребенка. Но тот вскоре уехал в город на заработки, прислал две посылки, немного денег и пропал, оказалось сел за воровство! Она его быстро забыла, стала снова свободной!

Вот эта «деревенская красавица» решила устроить свою жизнь с Иваном. Бабьего напора у нее было очень много, и Иван почти сдался, но мать своим волевым решением изгнала эту претендентку на роль жены сына. Та видя, что у нее ничего не получается, нашла себе ухажера в дальней деревне и переехала туда.

Иван остался жить за «толстой броней» материнской любви. Все вроде бы складывалось хорошо. Спокойная жизнь в родительском доме, занятия любимыми делами: чтением книг, столярным делом, летом выращиванием цветов. Но все изменилось в один момент. Вся его жизнь была сломана трагическим случаем. Мать погибла в автомобильной катастрофе! Она работала зоотехником, и ей приходилось отвозить на мясокомбинат набравших вес бычков. Все было как обычно, постоянный шофер Санька, парень здоровый, непьющий. Но в жизнь Ивана

и матери вторгся случай, который раздает то пряники, а то и неприятности. Да еще какие!

Они выехали рано утром, до мясокомбината было километров двести по шоссе. К двенадцати часам приехали к этому предприятию, у ворот было всего пять машин, очередь на сдачу «живого товара», как теперь стали называть бычков, прошла за два часа. Санька подъехал к платформе, на которую выгоняли бычков и скорее выехал с территории мясокомбината. Он не мог видеть как этих живых существ, погонят сначала в отстойник, потом поодиночке затащат в дальние цеха и через час их шкуры и рога окажутся в одном месте, а мясо после разделки повезут по магазинам.

В два часа после оформления всех документов Санька и мать Ивана были на обратном пути, уже подъезжали к своей деревне. Санька то ли заснул за рулем, то ли отвлекся, но не заметил ехавший навстречу груженный самосвал. Шофер этой автомашины ехал по всем автодорожным правилам, поэтому и не рассчитывал увидеть пред собой препятствие. Произошла страшная авария, самосвал врезался прямо в кабину. На деревенском кладбище прибавилось две могилы.

Да, Иван не ожидал такого от своей судьбы: сначала жизнь изуродовала его, а потом забрала последнюю опору — мать!

Первый месяц за ним ухаживала двоюродная сестра матери, она жила в той же деревне. Она была одинокой и на пенсии, ей не составляло труда принести из магазина ему продукты. Но беда не приходит одна! Тетя полезла за чем-то на чердак, оступилась и сломала позвоночник. Такая крепкая и сильная женщина в одно мгновение превратилась в инвалида.

Ивану иногда помогали соседи, но в основном ему приходилось самому заботиться о себе.

Однажды к нему зашел председатель колхоза и предложил устроить его в Дом ветеранов. Они собрали все нужные документы и отвезли в районный центр. Там дали полное согласие, но попросили подождать пару месяцев, пока найдут свободное место. Через три месяца почтальон принес «письмо-вызов» в одно из таких заведений, которое находилось под Петербургом.

Иван продал свой дом и с сопровождающим из колхоза поехал искать счастья в новой жизни. Через пару дней добрались до места; недалеко от Финского залива в сосновом лесу стояло три старых барака. Из трубы одного из них шел сизый дымок, пахло наваристыми щами.

«Ну, мужик, тебе повезло! Будешь жить в таком раю! Чистый воздух, залив! Я бы тоже хотел такой жизни!» — так говорил сопровождающий, хлопая по плечу Ивана. Тот только улыбался и кивал головой в знак согласия. Но какое-то странное, тревожное чувство зародилось внутри его. Бараки вроде бы жилые, а народа не видно, ворота распахнуты, у двух домов двери открыты, какие-то вещи разбросаны по территории.

Их направили в дом, где дымила труба, долго стучали, наконец, дверь открыла немолодая полная женщина, что-то дожевывая, она недоволь-

но спросила: «Что им нужно?» Сопровождающий стал сбивчиво рассказывать о причине их приезда, полез во внутренний карман пиджака за документами. Та, не дослушав, крикнула в темноту коридора: «Ирина Васильевна! Здесь еще к вам пришли! Проходите!»

Приезжие протиснулись в проем двери, сначала сопровождающий, потом Иван на коляске. Через длинный, плохо освещенный коридор пробрались в уютную комнату, видимо канцелярию. Там за столом сидела копия той женщины, что встретила их у входа. Мельком взглянув в их сторону, она указала рукой на диван и попросила документы. Надев на мясистый нос очки, подробно изучала каждую бумажку, смотрела на свет печать, потом отложив документы в сторону, несколько разочарованно сказала: «Да, вы направлены в наш Дом ветеранов, документы все в порядке, но вы понимаете, в какое время мы живем?! Этот Дом ветеранов ликвидирован, всех жильцов разбросали по соседним учреждениям, землю и дома купило какое-то частное лицо, через неделю сюда придут строители, будут строить загородную виллу. Что с вами делать? Не знаю! Вы уже второй такой приезжаете! Первого мы временно устроили у местных жителей и вас так же пристроим. Надеюсь, деньги у вас есть! На первое время. Думаю, за два-три дня все прояснится». На бумаге четким подчерком написала адрес временного жилья.

Через час сопровождающий стучал в дверь небольшого чистенького домика, открыли сразу, как будто только ждали их появления. Хозяйка дома, маленькая юркая старушка была с двумя внуками, они, видимо приехали на отдых к бабушке. Женщина пригласила их в небольшую кухню, накормила вермишелевым супом и напоила чаем с дешевым печеньем, а заодно расспросила все о их жизни, рассказала про свою.

Двадцать шесть лет она проработала в Доме ветеранов, почти с самого его открытия. Там ей приходилось быть и уборщицей, и кастеляншей, и сестрой-сиделкой. Сколько радости и горя видели ее глаза за это время. Вот, наконец, дожидая до закрытия этой «Богадельни». Какой-то «толстосум» купил эту землю, а всех «убогих» пораскидали по другим домам. А сколько начальства она пережила! И плохих, и хороших. При хороших хозяевах — у больных и белье чистое, и кормили наваристым супом с мясом. А были и такие директора: приезжает в Дом ветеранов на рейсовом автобусе, худенький, скромненький, а через три-четыре года ждет его у ворот новенький мерседес, в который он влезает с трудом из-за своей полноты. Всего понасмотрелась эта пожилая женщина.

Иван спросил ее и об этих двух женщинах, что встретили его в Доме ветеранов.

— А про них я ничего не могу сказать; ни хорошего, ни плохого. Они появились год назад и с их приходом все стали поговаривать о скором закрытии заведения. Мне думается, что они и причастны к этому! Может кто-то их и подослал!? Точно не знаю! А наговаривать на людей не хочется.

Иван посидел в этом чистеньком домике, все ему нравилось здесь: и юркая старушка, и большая русская печка, которая напоминала дет-

ство. Когда-то у них в доме тоже была такая, и он любил в холодную погоду греться на ней — подложит бараний тулуп деда под себя и наслаждается живительным теплом. Потом печка от старости развалилась, а печника найти не могли, так и исчезло это чудо из их дома.

Сопровождающий Ивана несколько раз ходил в канцелярию «Дома», там его кормили обещаниями, что вот-вот решится вопрос о его подопечном, надо еще немного подождать. В последний раз его посещения в канцелярии вообще никого не оказалось; все двери были открыты, по дому мелькали какие-то нерусские люди, вытаскивали мебель. Во всем чувствовалось, что дом доживает последние свои дни.

Расстроенный увиденным, он сказал Ивану: «Если хочешь, можешь ждать. Деньги у тебя есть. Хозяйка тебя не выгонит, ее такой жилец утраивает, а мне пора домой. Подумай! Может, вернемся назад!»

А Ивану и думать нечего! Куда возвращаться!? Свой дом продал, ка-лека никому не нужен, да и документы его куда-то послали. Надо подождать! Они знают его адрес, может все обернется к лучшему!?

Его сопровождающий уехал, а Иван еще целый месяц чего-то ждал; деньги потихоньку таяли, приходилось платить и за питание, и за жилье.

Хозяйка по его просьбе ходила звонить по разным номерам телефонов, но там всегда однозначно давали понять, что нужной ей организации не существует!

Иван оказался в безвыходном положении!

Хозяйка, как могла, поддерживала его, вселяя уверенность и надежду на будущее. Как-то вечером она привела в дом немолодую цыганку. Отрекомендовала ее как свою старую знакомую; та посидела, поговорила с Иваном и пообещала ему помочь; мол, у нее в Питере есть знакомые, у которых можно устроиться и с работой, и с жильем; они помогут восстановить утраченные документы и пристроить в Дом ветеранов.

Через неделю к дому, где жил Иван, подъехал легковой автомобиль, из него вышли двое — пожилой цыган и его знакомая. Цыган был немногословен: задал два-три вопроса, терпеливо выслушал сбивчивый рассказ Ивана. Немного подумав, сказал, что райскую жизнь не обещает, но сносно может устроить. Рассказал, что в будущем ждет его в новой жизни и если он согласен: «Прошу в машину и поехали...»

Так Иван оказался в притоне для калек.

Распорядок дня — военно-рабский: сон, еда, работа, и... снова — сон, еда, работа! Выходных дней почти не было. Если плохо себя чувствуешь, дадут передохнуть.

Сначала была маленькая надежда, что цыган поможет с оформлением документов и устроит в «Дом ветеранов». Несколько раз он пытался поговорить с ним на эту тему, но у того были свои отговорки: нет времени, послал запрос — жду ответа. А последнее, что услышал от него Иван: «Да кому ты нужен! Работай у меня, пока не сдохнешь!»

Всякие надежды ушли, Иваном овладела беспросветная тоска: состояние, при котором чего-то хочется большого, ясного, а достать или хотя бы приблизить к себе не можешь!

По ночам, иногда снилась мать в каком-то ярком свете, она протягивала к нему руки, молча, улыбалась своей доброй, мягкой улыбкой и, как будто, манила к себе.

В это утро, когда хозяин где-то задерживался, Иван долго лежал с закрытыми глазами, все хотел уснуть, но сон не приходил. Сначала его отвлекали крики соседей, играющих в карты, потом мутные воспоминания о прошедшей жизни. Он долго не мог лежать на левом боку — болело сердце, повернувшись на правую сторону, увидел, что соседи, наигравшись, спят беззаботным, спокойным сном. Иван долго, с каким-то раздражением смотрел на их изуродованные фигуры, а потом у него мелькнула мысль: «А ведь я начинаю им завидовать! Вот как надо жить! Получать удовольствие от еды, сна и общения! А меня все куда-то тянет! Внутри что-то гложет! Представил себя на их месте, и внутри что-то оборвалось, какая-то невыносимая боль разлилась по всему телу. — Нет! Так существовать я не могу!» — сказал он себе. Лег на спину и стал рассматривать паутину трещин на потолке. «Точно моя жизнь — все изломано и исковеркано!» — мелькнуло в голове.

В коридоре послышался стук двери, и свежий воздух проник в комнату. Тут же громкий голос цыгана разбудил всех уснувших. Тонкие, дощатые перегородки свободно пропускали все интонации его недовольных слов. Обращаясь к жене и ее помощнице, цыган с обидой сообщал: «Представляете, что мне устроили соседи по дому! Из-за того, что в машине сработала система сигнализации, автомобиль ухитрились перевернуть, аккумулятор закоротило, два колеса проткнули шилом!»

— Ведь твоя машина стоит у окна! Неужели ты не слышал звуков сирены? — удивленно спросила жена.

— Да, в этот раз неизвестная сволочь припарковалась на моем месте, и мне пришлось ставить машину во дворе. Все знают мою машину, а прийти и сообщить — не захотели! Хотел тебе позвонить, так телефон вырубился, оказалось, оплата закончилась. В этот день на меня свалились все неприятности! Давайте готовьте моих калек! Сейчас только чайку выпью и развезу всех по местам!

Жена стучала посудой и бормотала: «Не повезет, так не повезет!»

Через двадцать минут пять человек втиснулись в его автомобиль и тряслись по неровной дороге к ближайшей станции метро. Сначала хозяин сам высадил и провел через турникет Витюху; внизу их встретила одна из цыганок. На следующей станции подошла очередь Сереги, который работал самостоятельно; ему цыган помог только спуститься вниз. Ивана с молодой цыганкой высадили около дальней станции метро. Ему хозяин тоже помог пройти через турникет, что-то сказал его сопровождающей и тут же пошел к машине, припаркованной не на месте; видимо, опасался полиции.

Цыганка помогла Ивану встать на движущуюся ленту эскалатора, он ловко по-обезьяньи перепрыгнул с одной ступени на другую и удобно устроился; коляску-ползунок перенесла сопровождающая. Пассажиров было много, спереди и сзади его обступили мужские и женские

ноги. Он одернул впереди стоящую штанину, недовольный молодой голос спросил: «Что надо?» Иван объяснил знаками и словами, что внизу на выходе, пусть отойдет в сторону, а то ему не проскочить зубчатые ступени.

«Ладно!» — донеслось сверху.

Лестница мерно гудела. Иван по привычке посмотрел на часы. «Где-то около пяти минут будем спускаться» — подсказала ему память. Он вспомнил полеты на самолетах, там тоже смотрел на часы и знал, что тренировочные прыжки начнутся через десять минут, так оно всегда и было. Ошибка в его расчетах равнялась небольшому движению секундной стрелки «плюс или минус» пятнадцать секунд. В метро механизм спуска работал четко.

Настроение, как было утром паршивое, так и не улучшилось. Тоска и хандра давно овладели его сознанием и телом. Спускался вниз вместе с толпой людей, а чувствовал себя одиноким, задавленным, зашитым в плотный, черный мешок человеком, которого должны выкинуть из жизни, как в море бросают умерших за борт. За эти три-пять минут спуска много мыслей бродит в голове и хоть бы одна радостная! Так нет — все только о безвыходности его существования: «Зачем живу?! Зачем мучаю себя?! Никакой дороги в будущее! Каждый день одно и то же: спуск — подъем, ноги, дребезжащая банка с деньгами, недовольные голоса сверху. Как это все надоело!» Ивану хотелось покоя, тишины, уйти подальше от этой суетной и беспокойной жизни. Но само понятие «смерть» его пугало! Что там за чертой без сознания? Ведь уходишь, раз и навсегда, никогда не вернешься в этот живой мир! Его держала на плаву только тонкая нить надежды, но тонкая эта паутинка таяла с каждым днем.

Колеса механизмов лестницы шумели отчетливее, брюки впереди отодвинулись в сторону. Иван, увидел конец пути, ловко, по-обезьяньи, оттолкнулся руками и оказался на твердой мраморной поверхности. Цыганка поставила около него коляску-ползунок, он быстро на нее взобрался, оттолкнулся и поехал к поезду. На перроне народу полно, как горошин в стручке. Иван, руками раздвигая чужие ноги, придвинулся к краю. Он так всегда делал — иначе в вагон не попадешь! Поезда долго не было, народ напирал со всех сторон, но около его коляски было всегда пространство, окружающие понимали слабость инвалида и оберегали его. Наконец в черной трубе загудело, застучало, сильный порыв воздуха вырвался изнутри; Ивану показалось, что он в самолете и ожидает только приказа к прыжку. Оранжевый свет фонаря приближался все ближе и чей-то голос произнес: «Пора! Пошел!»

В каком-то гипнотическом сне, сжавшись в тугую пружину, он швырнул свое изуродованное тело вперед, под первый вагон. Секунду Иван парил в воздухе, испытывая блаженное состояние полета. Удара не почувствовал! Его разодранное тело было где-то внизу, под колесами, а душа, чистая и прозрачная, вырванная из своей грязной оболочки, вознеслась далеко в глубину небесного пространства!

Валерий Киселев
(Россия, Москва)

КАК РАСПОЗНАТЬ «ВРАЖЕСКОГО» АГЕНТА...

(Случай на пограничной заставе)

Иронический рассказ

...Выявление агентуры противника является наиважнейшей задачей в работе офицеров пограничной службы...

Но вы будете допущены к этому позднее и только в особенных случаях...

(Из лекции преподавателя по оперативному мастерству в пограничном училище перед курсантами третьего курса)

— Застава, в ружьё!

Голос молодого лейтенанта гремел среди бегущих и мечущихся в разные стороны бойцов пограничной заставы, как труба ещё не опытного военного горниста на поле сражения, а именно: заносчиво громко и иногда — срываясь на фальцет...

— Быстрее, быстрее, я вам сказал! «Растуды, вашу мать!» Война! Хватайте оружие, боеприпасы и — строиться для получения боевой задачи...

Здание заставы стояло на откосе от береговой линии океана на расстоянии примерно в километр. Это было красивое место и очень уютное для жилья. Огромного размера, чёрная от времени деревянная постройка напоминала сельский клуб времён коллективизации. Когда-то с любовью выполненные наличники вокруг окон придавали зданию заливхватскую удаль и колорит русской глубинки. Хотя сама застава находилась далеко от сердца России, почти на краю страны, где-то тут, на затерянном острове Сахалине, вид у неё был, без сомнения, — самый русский. Особую мощь зданию придавала большая железная крыша, остроконечная и свежевыкрашенная в коричнево-красные цвета, подавляющие своей новой яркостью беспризорность и утлость самой постройки, крыша явно выделялась над тайгой. Удалённость этого места от всего, протекающего в мире, как раз и придавала грандиозность и исключительность тем событиям, которые здесь сегодня происходили...

Построив солдат, лейтенант стоял перед строем своих подчинённых и был наполнен важностью момента! Был он подтянут и красив. Голос его был звонким, уверенным и очень молодым.

— Я только что получил шифротелеграмму из погранотряда! Война! — заговорил он торжественно, стараясь голосом походить на диктора радио Левитана. Но сталь в голосе не получалась, и поэтому столь важное сообщение звучало, как медная маленькая кастрюлька...

Но даже несмотря на это, строй, и так затихший и напряжённый, вытянулся, как струна, в единый и очень доверчивый нерв. Слова и тембр юного голоса молодого начальника заставы взвинтили мысли всех до единого на уровень, доселе здесь невиданный. Они все до одного — солдаты пограничной заставы: и салаги, пришедшие на заставу несколько месяцев назад, и старослужащие, которым до дембеля-то оставалось всего несколько недель, такого слова, как «Война», не ожидали услышать и, тем более, опасались испытать значение его на себе. Звучало это, несмотря на молодой, почти мальчишеский голос, — угрожающе, очень серьёзно и опасно...

На правом фланге рядовой Козлов, замерев от осознания прозвучавших слов, держал, прижимая к себе, ящик с патронами. А из-за стремительности команд и событий — даже не сообразив, не успев расслабиться, хотя бы поставить его на пол... Вес этого ящика составлял под тридцать килограммов! А он, услышав слова начальника заставы, перестал ощущать происходящее вокруг. Этот немалый вес для слабых молодых рук оказался непосильным... Но, застыв в обнимку с ящиком патронов и не помня себя от неожиданности происходящего и поднимающегося внутри страха, он так и продолжал его обнимать, застыв в немом ожидании. Мышцы молодого солдата всё же не выдержали: руки, а затем и пальцы разогнулись, и ящик с грохотом упал на деревянный пол...

В тишине молчания застывшего строя и переживания услышанного — этот грохот прозвучал так неожиданно и вдруг... Как барабанный бой! Раздался удар и... Доски ящика разлетелись в разные стороны, а к ногам лейтенанта, закувыркавшись, запрыгали по полу два «цинки» с патронами. Они остановились в нескольких сантиметрах от его сапог и превратились в некий мистический знак, послание сверху... Цинки с патронами, прилетевшие ниоткуда! Эти две противно-зелёные коробки с боеприпасами к автомату!.. Война!

Все уставились на железные «цинки», воспринимая их появление как знак судьбы...

Строй, застывший после слова «Война!», не знал, что делать. Они — солдаты, пограничники, — прекрасно и уже давно натренировались и умели выполнять любые другие команды. Например: «К бою!» При этой команде предполагалось нападение на заставу, и поэтому необходимо было занять каждому своё место, согласно боевого расчёта... Они привыкли и к команде «В ружьё!» Это означало — нарушение границы, и при этом сигнале надо было с оружием, в нужной, согласно

погоде, форме построиться около комнаты дежурного в коридоре и, получив боевой приказ, мчаться на указанный «фланг» границы для задержания нарушителя. А вот слово «Война!» вносило в головы бойцов сумятицу, непонимание и огромную, до размеров Тихого океана, на берегу которого они все сегодня служили, — тревогу... Неужели война? Так же, как тогда, в 41-м? Они все до одного вдруг вспомнили этот день по множеству просмотренных фильмов, а теперь — это то же самое страшное событие, но только уже в их жизни, и происходит с ними.

В другой бы раз такая растяпистость молодого солдата и падение ящика вызвали бы смех и шутки, но только не сейчас. Строй монолитно застыл и не менее монолитно каменно молчал. На лицах не было ни единой улыбки, и даже не было слышно дыхания людей.

Этот молодой лейтенант, появившийся на заставе совсем недавно, был ещё не изучен и не всегда понятен самим солдатам. По приезде он первым делом прошёл пешком весь участок границы, затем пересчитал всё имущество, находившееся на балансе, и, обнаружив огромное количество излишков автоматных патронов, предложил провести стрельбы. Он начал систематически и почти ежедневно проводить занятия... Для предыдущей спокойной и размеренной жизни забытого края это было необычно, но любопытно и интересно...

До этого солдаты на заставе не стреляли никогда. По крайней мере, ни один из старослужащих не помнил такого, чтобы даже кто-либо из предыдущих военнослужащих, «дедушек» рассказывал им, чтобы кто-то здесь стрелял. На учебном пункте, где они все проходили подготовку — да! А вот на заставе — нет! Никогда. Здесь даже никто и не знал, и не задавался вопросом: «А где у нас находится стрельбище?» Да и заставка к тому же считалась «ссылной». Сюда отправляли служить только провинившихся на службе в других местах. Их называли: «залётные». Это были самые недисциплинированные солдаты и сержанты. «Как попал сюда служить этот молодой лейтенант, — рассуждали бойцы, — непонятно? Он такой юный, наверное, не старше нас, но почему же, будучи офицером, ещё даже провиниться нигде не успел, а уже — в ссылку попал...» Короче, при появлении нового начальника у солдат тогда возникло очень много вопросов. Но стрельбы начали проходить ежедневно. Сначала долго и неинтересно приводили оружие к нормальному бою. Делал это скрупулёзно и дотошно сам лейтенант, а потом приступили к занятиям. Вот тогда началось для всех настоящее удовольствие. Как только не умудрялись стрелять бойцы: и по мишеням, и по всяким там баночкам, и стоя, и от пояса... Это было, как в кино... Но всегда — по инструкции и курсу стрельбы... По крайней мере, так говорил начальник. Научились попадать во всё, что только лейтенант ни покажет, мгновенно и уверенно. Благо, что места вокруг заставы — необитаемые, и — делай, что хочешь. К этим занятиям готовились конспекты; как методист он оказался находчивым и грамотным и всегда умел заинтересовать всех, присутствующих на стрельбах. Это были даже не занятия, а, скорее, ув-

лекательная игра с практической стрельбой! А в конце лейтенант сказал: «Ну вот, теперь с вами — хоть в бой, хоть на войну!..»

Раньше на заставе весь день, кроме службы, у солдат уходил на хозяйственные работы и ил... безделье. Раз в неделю, конечно, была политподготовка, а остальное время уходило на сидение в курилке и перемывание друг другу косточек... Первой темой в таких обсуждениях было начальство. Ничего другого особенного на этой границе не происходило, а в самоволку здесь было ходить некуда, да и не к кому. Посёлок, находившийся рядом, представлял собой «два дома, три калеки»... Самой молодой «девушке» было пятьдесят пять лет. Бойцы к таким «подвигам», конечно, были не готовы. Кругом — лишь тайга, болота и олени... Иногда солдатские умельцы «заряжали» брагу в огнетушители, тогда уже для всех старослужащих наступал праздник.

С приходом лейтенанта жизнь изменилась. Теперь, кроме стрельбы, тактики и изучения техники, лейтенант организовал занятия по рукопашному бою. Из рядом стоявшего заброшенного частного дома сделали спортзал. Оказалось, матрасов, списанных на заставе, было тоже в излишке, ими успешно устелили пол этого помещения. Во вновь открывшемся спортзале было просторно и уютно, и сразу же всем до одного захотелось пойти на занятия... Надоело «валять дурака» и участвовать в бессмысленных разговорах в курилке. На занятия записывались заранее. Чуть все не переругались между собой, чтобы в это время в наряд не попасть. Всем было и безумно интересно, что же такое карате, которое обещал показать начальник заставы, и хотелось научиться: «мужиком себя чувствовать»...

Лейтенант публично стал подбирать партнёра на тренировку. Он всем говорил: «Драться будем в полную силу! Без того, чтобы поддаваться. Разрешаю делать всё...» Так вот это самое: «драться в полную силу», вызывало у солдат заставы самую большую радость и стремление попасть на занятия. Как же так, без всякой опаски, можно было «навалить» лейтенанту на тренировке! Злобы к начальнику, конечно, по службе особенной ни у кого не было, он не был ни придирчивым, ни несправедливым... Но! Доказать в равном бою своё превосходство — захотелось обязательно перед всеми своими боевыми товарищами, и причём — каждому... В курилке, хотя времени в ней сидеть теперь совсем не стало, всё же умудрялись улучшить время и помечтать, кого поставить лейтенанту в спаринг-партнёры первым, и как он, выбранный ими богатырь, можно даже сказать: «Илья Муромец!» ... съездит этому салаге по его лейтенантской физиономии...

На ту памятную тренировку пришёл даже заставский повар, который клялся, что все обеды и ужины успеет приготовить вовремя и что, оказывается, без занятий спортом вообще и рукопашным боем в частности, он жить больше не может...

Первая тренировка прошла, как Олимпийские игры, при «стопроцентной наполненности трибун». Причём сначала под лозунгом: «О, Спорт, ты — Мир!» И затем: «Побеждает сильнейший!»

Лейтенант оказался очень подготовленным бойцом, и по очереди «навалял» всем желающим. Причём бил сильно, а некоторых — даже очень сильно... Бока болели у всех потом достаточно долго, но синяков на лицах почему-то не было, как-то у него это очень ловко получалось, и особенно: ребром ладони по шее...

«Вот гад! — жаловались позднее друг другу в курилке, — главное, ничего с ним сделать нельзя... Вёрткий такой и бьёт больно. Неплохо их там, в училище, готовят...»

Лейтенант в дальнейшем этот приём воспитания стал применять регулярно. А до всех остальных только позднее дошло, для чего все эти занятия по рукопашному бою были им придуманы!.. Как что не так, кто-то из солдат лейтенанту возразил, или на службе пролетел, в ответ слышал одно: «Сегодня в паре со мной работаешь!»

— Товарищ лейтенант! Я в наряде в это время...

— Ничего, я в наряд другого пошлю, а Вы, сударь, — на тренировку! Вам физическую подготовку подтягивать надо...

Пререкания с лейтенантом закончились быстро, и на службу уже не смотрели, как на временное обременение, происходящее волею судьбы до дембеля. Да и возможность заехать начальнику «по морде», хоть и теоретически, но, в принципе, оставалась.

Несмотря на все появившиеся трудности и тяготы, служба на заставе для личного состава превратилась в удовольствие. Среди солдат отряда пошёл слух, что на той далёкой заставе жизнь стала по-настоящему интересной и правильной. Из слова «ссылная» застава превратилась в единственное желанное место на острове, куда теперь хотел попасть любой пограничник отряда. Теперь солдатская молва из уст в уста передавала: «Мечта, а не служба!»

Конечно, рассказчики, наверное, ещё и привирали, рассказывая небывицы о том, как на занятиях стреляют, как овладевают рукопашным боем, какие тактические учения проводит молодой начальник, и о том, что отличившимся и хорошо себя зарекомендовавшим разрешают ходить в тайгу на охоту на оленя или медведя! Это было вообще пределом мечтаний... Кто-то говорил: «Да ну, что вы? Какая охота! Враньё всё это...» А другие, знающие, возражали:

— Вы бы посмотрели, как их кормят! На столе — и свежее мясо, и рыба разная... Там же корюшка и горбуша на столах не переводится... в разных видах — и рыба красная, даже калуга. Даже икра красная и, болтают, чёрная... А мяса — сколько угодно... Сплошную оленину едят! Нет, если куда и хочется попасть служить — это только туда...

А тем временем строй солдат, поднятый по тревоге, стоял, замерев от необычности слов, услышанных от молодого начальника заставы, и ждал: что будет дальше?..

И именно это всё, происходящее с ними в последнее время, пронеслось в головах каждого со скоростью мгновений, отделяющих рождение и смерть... И каждый из них, молодых и любящих жизнь, задумался о войне. Никто из них не хотел умирать. Теперь любая команда

их молодого командира была бы воспринята как нечто единственно правильное, непререкаемое и, самое главное, — необходимое всем им...

— Ты только скажи, товарищ лейтенант, что делать... Подготовка у нас неплохая, — думал каждый из бойцов, — И стреляем, и дерёмся, политическая подготовка опять же...

А лейтенант сначала своим молчанием «держал паузу», а затем и словами продолжал нагнетать ситуацию...

— Обстановка очень серьёзная... — сказал он. — Международная «закулиса» такова, что нашему государству угрожает смертельная опасность...

Кто такая «мировая закулиса», бойцы точно не представляли, но были уверены, что это — враги нашего государства, и, в любом случае, — очень нехорошие и подлые люди...

— И только надёжные воины, такие, как вы, остаются оплотом и надеждой нашего народа! Как важно, что вы понимаете это и своей службой доказываете ежедневно и ежечасно. Я любого из вас готов взять с собой в бой. И не сомневайтесь, каждый из вас справится со своим страхом и переживанием. Но сейчас вам надо пройти очень важную ступень готовности. Считайте, что это — как последний шаг перед вечностью!

Речь его была настолько зажигательной, пламенной, умной и возбуждающей, что весь строй был готов кинуться и мгновенно выполнять любой приказ командира... Даже голос его теперь звучал по-другому.

— Да, умеют их готовить в военных училищах! — думали солдаты. — Как говорит! Оратор! За таким — прямо сейчас готовы идти в бой и ложиться на пулемёты...

Если бы какой-нибудь начальник, не сейчас, а потом, спросил бы молодого лейтенанта: «Послушай, что ты там такое нёс перед строем солдат, пугая всех войной? Ты, лейтенант, с ума, что ли, сошёл? На дворе — мир и благополучие! Всё в порядке... А ты? Бред какой-то».

— Ничего не бред! — возразил бы молодой лейтенант. Если бы я точно такие же слова сказал на политзанятиях о международной обстановке... Скажите, где бы я соврал?... А это такие же занятия, только по боевой подготовке.

А потом бы лейтенант, уже саркастически улыбаясь, добавил бы:

— На границе, даже если вы, пардон, ну скажем, в бане, любое слово начальника заставы — это политзанятия... Или я не прав?

Уверен, не нашлось бы ни одного вышестоящего начальника, который бы не согласился с этим очень прытким лейтенантом...

Главное — когда, что и как подать. Слово — это тоже блюдо, которое необходимо приправить обстановкой и временем, как еду — солью и приправами.

Ну, лейтенант! И оратор, и политик, и даже, наверное, — кулинар...

Действительно, если вспомнить те слова, произнесённые начальником заставы... то там нет ни одной ошибки. Кстати, это можно говорить

при любом строе и в любом государстве перед своими или даже чужими солдатами. Слово умелого человека — это вообще опасное дело. Можно целые армии завести так далеко, что выбраться оттуда уже не удастся никогда...

Итак, первая часть задачи была начальником заставы выполнена. Его солдаты были готовы на подвиги и самопожертвование... Оставалось теперь правильно распорядиться этим положением и...

Надо сказать, что всё предыдущее и речь и объявление тревоги были направлены и настроены лишь на одно, на то, что произошло дальше...

А лейтенант, воодушевившись и уже с металлом в голосе, продолжал:

— Сейчас каждый из вас срочно готовится к выполнению задания. Задание я буду ставить каждому в отдельности. Понятно?

— Так точно! — единым порывом выдохнул строй.

— Радист, вот вам подготовленный мною текст зашифрованного радиосообщения. Срочно передать в отряд... После чего оборудуете запасной пункт связи. Место я вам укажу...

— Шифровальщик, это — ещё одно письмо руководству отряда. Немедленно зашифровать... Кроме всего, я подготовил ещё серию телеграмм. Работать требуется быстро. Шифры менять через каждый час...

— Замполиту — подготовить походную Ленинскую комнату и начать подготовку материалов для писем домой каждому бойцу...

И... Так и пошли команды и распоряжения. Все они, важные, целесообразные, не терпящие отлагательств и не терпящие возражений... А в конце, перед тем, как скомандовать: «Разойтись!», лейтенант, так, как бы между делом, но само собой разумеющееся, добавил:

— Люди, работающие на особый отдел, зайти ко мне в кабинет для получения специального задания!.. Но!.. Только те, которые имеют на это право... — закончил речь лейтенант с многозначительными паузами и остановками для обдумывания желающих это услышать.

А потом, уже не давая больше никому времени опомниться, погнал всех: «Быстрее! Быстрее!..» — выполнять задачи.

Застава закипела предбоевой жизнью. Было такое ощущение, что идёт трудовая вахта, и до конца пятилетки осталось каких-то три дня, и надо было обязательно выполнить задачу, ну, например: «строительства счастливой жизни». Никто уже не сомневался в важности полученных приказов и метался по территории в поисках лучшего решения.

Все перестали обращать внимание друг на друга, каждый занимался своим, очень важным делом.

Лейтенант сидел один в кабинете и своим красивым, выработанным в училище почерком, он его называл «штурманский», заполнял книгу пограничной службы. Это был труд в тысячу страниц, очень кропотливый, требующий особого внимания и знаний. Каждый день в ней, в этой огромной книге, надо было заполнить всего одну страничку. Но именно эта страница включала в себя всю жизнь охраны границы этой заставой на этом конкретном месте, за эти сутки. Здесь надо

расписать действия каждого человека в течение дня и его боевую задачу. Это — не просто боевой приказ. Это — искусство сделать всё рационально, не упустив ни одной детали, не ошибаясь в мелочах, учитывая слабые стороны каждого из подчинённых и зная обстановку на границе. Неправильное или небрежное принятие решения по охране приводит к большим печальным последствиям. Это может быть: и нарушение границы, и гибель людей, и любой несчастный случай... Поэтому эта работа была — и творческой, и интеллектуальной, и не терпящей небрежности...

В такое время, когда начальник заставы работает с Книгой Пограничной службы, мешать ему категорически запрещалось... Запрещалось! Но обстановка на заставе сегодня была особенная и, как известно, другая, поэтому осторожный стук в дверь раздался и не прервал его мысль... Он сказал:

— Войдите!

Лейтенант ждал его. Он знал, что этот человек должен был прийти. Это был «человек» особого отдела...

«Ничего себе! Повар!» — пронеслась в голове лейтенанта мысль, как только он определил личность вошедшего... Он хорошо знал, что все между собой звали этого солдата «Граф». Почему к его рязанской, абсолютно рыжей, деревенской физиономии приклеилось это имя, никто уже сказать не мог. Но то, что «Граф» был общим любимчиком, — это было точно. Ну, во-первых, он был повар и всех кормил — это факт. Для каждого у него был свой отдельный кусочек самого желанного продукта и заначка какой-нибудь вкуснятины на всякий случай, и это — второй факт. А это каждый ценит, потому что считает, что это благо — только для него, а поэтому никто и никогда, ни из солдат, ни из офицеров, забыть такое благо не может. А ещё — он добряк и обаятельный парень, никогда и ни с кем не конфликтующий... Да и много чего ещё хорошего можно о нём сказать...

«Как же я сам не додумался! Конечно, повар... Именно повар всегда и со всеми может видаться в течение дня. Кому-то днём подливает супчику лишний половник, а с кем-то ночью жарит картошечку с грибами... Именно он, и только он, имеет самый короткий и правильный путь к душе каждого голодного человека... А солдат, как известно, на службе голоден всегда! С ним все и всегда делятся самым сокровенным. Именно повар знает про всех и всё. Да! — так думал лейтенант. — Надо иметь ввиду на будущее, чтобы он был бы твоим помощником, а не какого-то там «особиста». Жаль, что не додумался раньше...»

Правда у офицера была ещё надежда, что «Граф» зашёл не за тем, чтобы получить особое задание, а только сказать, ну например: «Масло закончилось... Дайте ключи от склада...»

Нет, слова рыжего повара разочаровали:

— Я пришёл получить специальное задание...

— Хорошо! Вы в течение суток должны будете разведать и сообщить мне о... — стал пояснять свой приказ начальник.

Когда солдат вышел, лейтенант откинулся в своём выдавшем виды скрипучем полукресле, полустуле и уставился в потолок. Он стал лихорадочно соображать, а что же такое произошло? Он только что установил человека особого отдела. Скорее всего, это доверенное лицо, но всё равно он его выявил. Правда, это было нарушение всех инструкций, приказов и распоряжений. За это не поздоровится. Если об этом узнает особист — схлопотать выговор можно в два счёта...

В дверь опять постучали. Зашёл старший сержант, опора лейтенанта, помощник замполита заставы Павлюк и, как всегда громко и чётко, прокричал:

— Прибыл для получения специального задания...

«Ого! Ещё и этот сержант работает на особый отдел...» — изумился лейтенант.

Да, этот старший сержант тоже знает всё, что происходит на заставе. С ним тоже надо держать «ухо остро» и не болтать лишнего. Этот точно доложит особисту о нашем разговоре. Надо ему дать тоже невыполнимое задание...

Получив секретное задание, сержант удалился.

Лейтенант опять упёрся взглядом в потолок.

«Да-а-а... Зачем я это затеял? Получу «втык» по полной программе...»

В дверь опять постучали. На входе топтался молодой солдат, имени которого лейтенант пока никак, как ни старался, не мог запомнить. Он был настолько тих и не замечен, что, сливаясь с окружающими в прямом и переносном смысле, стал быстро привычным атрибутом окружающей обстановки. «Как это особисту удаётся подбирать таких незаменимых и нужных личностей? Насколько в точку, что даже поспорить не о чем...»

К ночи, когда поток помощников особого отдела прекратился, унынию молодого лейтенанта не было предела: «О, это я попал! Сколько их работает на особый отдел!.. Плохи мои дела... Что делать?»

На следующее утро, после окончания ночи учений, лейтенант без сил рухнул в кровать и практически сразу же провалился в глубокий, счастливый сон. Быть здоровым, молодым и заниматься важным, да ещё и любимым делом — разве это не счастье?! А сон у счастливого человека всегда крепкий и мгновенный...

Но, как бы крепко ни спал начальник, от телефонного звонка он проснулся сразу же. Примерно через два часа зазвонил местный телефон, расположенный рядом с белоснежной подушкой безмятежно спящего молодого человека. Трубку он схватил уверенно и бодрым голосом, как будто бы и не спал вовсе, сказал:

— Лейтенант Соловьёв, слушаю вас!

На том конце провода раздались слова дежурного по заставе:

— Товарищ лейтенант! Здравия желаю! На заставе — без происшествий!.. К нам летит вертолёт. Начальник особого отдела и комендант. Посадка через сорок минут... — потом, помолчав несколько секунд, солдат проговорил:

— Говорят снимать вас едут!.. Это несправедливо. Знайте, мы — за вас...

— Всё нормально, солдат! — прервал его лейтенант и мудро, как будто бы ему не было всего двадцать лет, сказал:

— Жизнь сама расставит правильные акценты...

И положил трубку. А внутри у него самого всё обожгло и опрокинулось: «Во дела! Что будет?..»

Ровно через пять минут лейтенант с сияющим и свежевыбритым лицом, в прекрасно подогнанной полевой военной форме был на заставе и срочно дописывал вчерашнюю страничку Книги Пограничной службы. Хватило десяти минут для того, чтобы всё окончательно привести в порядок. Молодость умеет не отвлекаться на сон и отдых на долгое время. Хватает и двух часов, чтобы выспаться и, продолжая быть молодым, ещё и оставаться счастливым, несмотря на все невзгоды окружающей жизни... Это у старых — время более дорого... А молодым непозволительно что-то не успевать! Позволительно: наслаждаться этой жизнью, видеть восход солнца и так же радоваться пожелтевшей листве, как и шуткам своих солдат. Молодость не имеет права печалиться по поводу приезда начальства... Как прекрасно жить заботами заставы и ощущать силу и энергию молодого тела. По крайней мере, так думал молодой лейтенант... «Только вот, что делать с особистом?»

Вертушка приземлилась на вертолётной площадке, подняв облака пыли и мелкого песка. Из машины никто не выходил, пока двигатель полностью не остановился. Уже в полной тишине этого далёкого забытого места, продолжал беззвучно, по инерции вращаться большой винт вертолета, вхолостую раскручивая лопасти и показывая бессмысленность движения этой огромной машины без самого полёта, а заодно раскручивая, как киноплёнку, жизнь вокруг в виде красоты тайги и сини бесконечного неба... Эта тишина и грозная машина, одиноко стоящая среди белого песка с сиреневой дымкой багульника, кроме того, напоминали ещё об удалённости, а также «забытости» этой заставы. И вот, наконец, о ней вспомнили! Прилетело начальство...

Открылась дверь и техник-вертолётчик приладил лесенку-трап для выхода пассажиров.

Появился комендант пограничного участка. Это был крупный мужчина крепкого телосложения. Он практически всю свою сознательную жизнь прослужил на разных должностях на границе. При получении последней должности коменданта ему сразу же присвоили звание майора, хотя по возрасту он давно должен был бы быть полковником, а может быть — и генералом. Но, как говорится: «у генерала свои внуки...» А этот был простой, нормальный советский офицер. Кроме того — это был очень опытный офицер. Мудрый, спокойный, не очень разговорчивый, знающий службу на границе как хорошо изученную и любимую книгу. Но главное, он разбирался в людях и ценил своих офицеров, многие из которых по возрасту были ещё совсем пацанами... Для него они были практически как сыновья, связавшие, так же, как и он, свою

жизнь с границей. В обиду он их не давал, боролся с начальством за каждого, но и наказывал сам за проступки нещадно.

Следом за комендантом появился второй майор — особист. Этот был настолько большой и здоровый человек, что когда он оторвался от ступеньки машины и вступил на землю, всем показалось, что вертолёт облегчённо вздохнул. Его двухметровая фигура и вес борца-тяжеловеса внушал любому, видевшему его, что с ним спорить не рекомендуется. Почему он попал служить в особый отдел, а не куда-нибудь в спортивную роту или в спецназ, никто не знал. Майор был неразговорчив и замкнут. Как он умудрялся при этом активно вербовать своих помощников, было загадкой. Подойдя к лейтенанту, он уставился на него своим бесцветным, немигающим взглядом, как будто спрашивая: «Ну что, доигрался? А я тебе предлагал «дружить» с нами...»

— Здравия желаю, товарищ майор! — нисколько не тушуясь и тоже уставившись на майора немигающим взглядом, поздоровался лейтенант...

Обычно вертолёт, прилетая на заставу, даже не выключал двигателя. Быстро сбрасывали привезённый груз, забирали приготовленные дары для отряда, и сразу же силуэт машины, вместе с грузом, пропадал за горизонтом. Привозили обычно газеты, пару мешков крупы и несколько ящиков каких-нибудь консервов. Прибывали «счастливчики», новое пополнение — «пролётчики», а обратно забирали сувениры с заставы: оленьи рога, несколько бочек солёной горбуши, бочку уникальной рыбы калуги, куски которой были похожи на огромные куски свиного сала и, если повезёт, в вертолёт грузили мясо оленины... Все до одного экипажи уже хорошо знали нового начальника заставы, уважали его, несмотря на совсем юный возраст, и каждый мечтал попасть в полёт в эту точку. Всех устраивал такой бартер, когда увозили отсюда очень ценимые на острове продукты, а привозили то, что положено по службе...

Стояла пронзительная тишина, не нарушаемая даже шелестом ветра. И в этом величественном молчании стояли в сторонке лётчики, чувствуя серьёзность происходящего, и молча наблюдали за особистом. Командир экипажа, как мог, издалека доброжелательными взглядами поддерживал лейтенанта, но подойти не решался.

В затянувшееся единоборство взглядов майора и лейтенанта вмешался комендант. Взяв лейтенанта под руку, комендант отвёл молодого начальника в сторону и, чтобы не слышал особист, проговорил:

— Ты что делаешь? Ты же весь аппарат помощников особого отдела раскрыл. Это скандал... Это же — секретная информация. Даже я эти фамилии не знаю. А ты мне тут войну устроил...

Лейтенант молчал и слушал, не перебивая.

— Короче, как ты ему сможешь объяснить всю эту свою «комбинацию»... я даже не представляю. Особисты требуют тебя уволить...

«Ого! — пронеслось в голове лейтенанта. — Уволить! И опять — из-за особого отдела. Да, как-то у меня с ними совсем не складывается... Не любят они меня...»

А вслух, отвечая коменданту, сказал:

— У меня есть объяснение...

— Ну, ну... плохо, если тебя... — и комендант замолчал, наверное, даже не поняв, что возможно какое-то объяснение.

В кабинете начальника заставы, тёмном и маленьком помещении, рассчитанном на одного человека, шёл судьбоносный для лейтенанта разговор. Комендант внимательно штудировал Книгу Пограничной службы, пока лейтенант докладывал об обстановке на заставе... Начальник заставы обстоятельно рассказал о всех иностранных кораблях, стоящих на рейде в зоне видимости заставы, местных жителях, «бродящих» в тех или других местах, о бригадах охотников, оленеводов и монтеров линии связи, находящихся на участке заставы. Лейтенант, оказывается, знал даже количество остатков бутылок спирта и водки в местном поселковом магазине... «Просто, когда местные закупают больше водки, чем обычно, я в некоторых местах по-иному посты выставляю...» — объяснил молодой начальник.

Особист, заняв своей огромной фигурой весь кабинет, выслушивая лейтенанта, ходил по кабинету. Правда, хождением это назвать было нельзя. Два шага в одну сторону, два — в другую. Это напоминало метание хомячка в маленькой клетке: влево, вправо, влево, вправо... Потом на секунды три он замирал, и опять: влево, вправо, влево, вправо. Только «хомячок» был слишком большой и непредсказуемый...

— Вот молодец! — вдруг вставил в доклад начальника заставы комендант. О проведении учений он в книге пограничной службы всё досконально расписал. Даже задачи каждого бойца указал... И стал пальцем тыкать в Книгу и пытаться показать запись второму майору.

Комендант, конечно, пытался как-то помочь лейтенанту и поэтому фразу о пограничной книге вставил специально. Его слова были адресованы не своему подчинённому, начальнику заставы, а — особисту, как бы говоря: «...смотри: книга — образец заполнения. Решение на охрану границы — идеальное! Всё расписано, всё учтено... Молодец!»

После таких слов особист, ничего не сказав, лишь зарычал, как медведь... И только минуту спустя смог выдать из себя:

— Вы мне лучше скажите, товарищ комендант! Что мне с моими людьми делать? Это же — ЧП...

Хоть это было и обращение к коменданту, но своё слово всё же вставил шустрый лейтенант.

— Кроме того, что каждый из ваших людей добровольно сам пришёл и доложил, что он готов к выполнению особого задания, — никто об этом больше не знает. Я, когда ставил задачу перед строем, для всех сказал: «Ко мне заходят только те, кто имеет на это право...»

Особист ословело с ненавистью смотрел на «борзого» лейтенанта. Но он лучше всех присутствующих здесь понимал, что первый виноватый во всём случившемся — это он сам. Выговоры по служебной линии, а заодно и по партийной — ему гарантированы. А ещё и на смех поднимут коллеги чекисты, что какой-то мальчишка, «щегол» — «расшлёпал» весь его аппарат помощников. Позор! Прибить бы этого лейтенантишку чем-нибудь тяжёлым прямо здесь, в кабинете...

— Я предлагаю, — продолжал ненавистный лейтенант, — ваших людей поощрить вашими правами!

— Что? Что? Поощрить! — забыв обо всех предыдущих мыслях, выдохнул и вытарашил и так круглые глаза майор. — Ты чё?! Опупел?

Правда, слово особистом в этом случае было применено другое, и речь его была минут на тридцать длиннее. В ней он припомнил всё, касающееся родственников лейтенанта, и всё остальное, происходящее в мире, важное и не очень, причём, от времён покорения казаками Ермака Тимофеевича Сибири до запуска первого спутника с человеком на борту... В конце речи он вдруг почему-то сник и спросил:

— Поощрить, говоришь?

— Ну, конечно! — оживился уже совсем скисший лейтенант. — Поощрить вашими правами. Ну, посудите сами: во-первых, они все до одного пришли по вашей команде... Я же спросил каждого: «Только тот, кто имеет право...» Во-вторых: каждый из них в условиях сложных, приближённых к боевым условиям, проявил мужество, решительность и готовность к самопожертвованию!.. И, в-третьих... — лейтенант понизил голос до шёпота, — ни один человек не знает ни одной фамилии ваших людей. После команды разошлись и начала основной фазы занятий в мой кабинет зашли все до одного: и солдаты, и офицеры, и прапорщики... Все до одного. Значит, ваши люди — или все, или — ни одного...

А своим людям, после объявления благодарности, скажите, что мне можно доверять и надо помогать в службе по охране границы...

— А что, дельная мысль... — оживился комендант.

Особист молчал, шевеля бровями и застыл без движения посередине кабинета. Его мыслительный процесс, оказывается, мешал хождению по комнате, и поэтому в сильном напряжении он остановился, глядя куда-то в единственное окно. Он так пристально смотрел куда-то туда вдаль, что комендант, не услышав ответа, тоже развернулся и стал взглядом искать: «Что же там увидел майор?» От нечего делать и лейтенант уставился в окно. Так они и стояли втроём, упёршись взглядами в пейзаж за окном пограничной заставы... А там были тайга, синь неба и бескрайность жизни.

В этот раз вертолёт сверх меры был загружен бочками с рыбой, оленьими рогами и вяленой корюшкой. В крылатую машину еле загрузили пьяного в хлам особиста, который перед посадкой долго целовал лейтенанта и всё повторял: «Я тебе точно говорю, тебе надо работать у нас... из тебя такой опер получится...» И машина, осевшая от тяжести веса и перегруза, еле оторвалась от земли и пошла над тайгой в сторону комендатуры. Через несколько минут она скрылась за горизонтом...

Настали оглушительная тишина и умиротворение.

А шустрого лейтенанта через три месяца забрали к себе служить КГБшники...

06.11.2013.

*Поезд Москва — Сочи
(первая поездка в двухэтажном вагоне)*

БОЛЬНИЦА

Обалдеть! Америка...
или почему у них в огороде картошка вкуснее?

Иронический репортаж

Ноябрь-декабрь 2012 года.

Значение русского слова «балдѣж» — в толковом словаре означает состояние коровы после отёла... Вообразите, зоотехник (пусть будет дядя Вася) пробудил к жизни (или помог пробудить) очаровательно-беспомощного представителя рода парнокопытных (по-нашему — принял роды). «Прицепом» принял пол-литра, а то — и четверть, хорошей, тройной выгонки водки.

Какие «заботливые мысли» отягощают бедолагу? Корова? Телёнок? — нет. Скучность и однообразие нехитрой закуски: «Эх, не догадался картошечки с собой из дома захватить... и соли нет для головки лука! Правда и самого лука только полголовки... Недогляд у меня получился... Ну, а эти, как их там: корова с телёнком, уж как угодно: Господь милостив! Сами, сами, сами... глядишь — и оправились, и живы остались».

Вот корова в том самом состоянии «балдежа» и пребывает пока «человеки» своими очень важными делами занимаются.

В Америке это состояние отелившейся коровы у меня возникало всякий раз, я бы даже сказал: «На каждом шагу!» Во всём, конечно, я виню этих «отмороженных американцев»... Странные они люди! Всё, ну всё делают не по-нашему. И как у них это получается? И выходил я из этого состояния тоже не сам, а после какого-нибудь очередного эпизода, ввергающего тебя в новый ступор и анабиоз. Там важно всё время помнить, что выход из «балдежа» — дело рук самого «балдѣжника»!

В настоящее время я специально пользуюсь таким обилием непонятных слов, чтобы хоть как-то оградить порядком расстроенную психику. Хочется громогласно прошептать: «Видите, я в форме, и ещё что-то соображаю...»

Итак, поведаю вам историю.

Со школьной скамьи в память врезался фрагмент из Гоголевского «Ревизора», где некий попечитель богоугодных заведений Артемий Филиппович, утверждал: «...может быть, вам покажется даже невероятным, — говорил он, — все, как мухи, выздоравливают. Больной не успеет войти в лазарет, как уже здоров, и не столько медикаментами, сколько честностью и порядком». При этом, моя учительница, философски улыбаясь, просила нас научиться понимать, что за словом «выздоровливают» скрывается другое слово, потому что глагол, который употребляется со словом «мухи», в русском языке — совсем другой. А за юмором скрывается самая серьёзная и печальная наша действительность, которую тоже надо научиться понимать... Чтобы услышать и понять, что происходит в наших больницах и госпиталях, я «обалдеваю» от американских...

Как разительно мы отличаемся. Отличаемся прежде всего целями. Великое предназначение медицины по-американски, как мы думаем, — это философия богатого человека. Любая жизнь уникальна дорога и ценна для нас, даже слабая... Мы за неё будем бороться. Это порождает целую армию паразитов, которые считают, что теперь для того, чтобы жить, не надо правильно питаться, закалять себя холодом, регулярно заниматься спортом и прочее. Теперь достаточно обратиться к врачу, получить от него рецепт на приобретение всесильного препарата в аптеке, и дело — в шляпе. Тем более, аптеки нужны только больным, здоровым они ни к чему. И, чем больше в стране слабых, тем лучше, богаче живут фармацевтические компании. В умах всё чаще возникает мысль: «Современная медицина это — один из трёх самых больших обманов человечества!» И доллар рулит медициной...

Американская организация медицины напоминает мне огородника, обходящего чуть не каждую неделю посевы картофеля, собирая колорадских жуков. Правда, есть подозрение, что огородник сам запустил в огород это насекомое... Теперь картофель без огородника погибнет, как погибнут все слабые, это — те, кто надеялся на «таблетку», если убрать американскую аптеку. В природе всё не так. В природе два варианта развития событий:

Первый. Колорадский жук истребил все посевы и вымер от голода.

Второй. В борьбе за жизнь растение породит семена такого картофеля, который не по зубам жуку, как пример: аналог иммунитета в животном мире. И уже от них пойдёт распространение более совершенного подвида.

У них, имея в управлении огромные финансовые ресурсы, медицина обладает другими возможностями, чтобы помочь больному... а для нас это — так странно.

Не было бы этих познаний, если бы не несчастье. Заболела у меня жена и заболела очень серьёзно. Но забегу сразу же вперёд и доложу вам, что всё закончилось хорошо. А тогда, в самом начале болезни, было всё плохо и, конечно, виделось очень печально.

Американский доктор, слава Богу, далеко-далеко от земского города N, там, в далёкой Америке, сказал нам, что такого-то числа, завтра ровно в семь утра больная должна быть в госпитале, потому что в восемь тридцать уже начинается операция. Я удивился, даже по растерянности своей спросил: «У кого?» Ну, понимаете, состояние «балдежа» началось.

— Ну, естественно, у неё.

— И что мы успеем?... А как же анализы, там... кровь, моча... что там ещё надо...

— Ну зачем ей психологически мучиться несколько дней в палате, готовясь к операции, — удивлённо глядя на меня, стал объяснять врач, — дома всё-таки уютнее, а потом, все анализы мы у неё уже взяли... Группа крови у неё вряд ли поменяется? — уже подкалывая меня, спросил хирург, который должен был делать эту очень сложную операцию.

Я, конечно, стерпел его подковырку, хотя хотелось сказать: «У русских так не бывает... У нас за неделю перед операцией кладут в больницу и наблюдают, как больной себя будет чувствовать... Как, как — ждёт операции и с каждым часом, как с последним — нервничает всё больше и больше...» Но сдержался — всё же скальпель будет завтра в его руках, а в моих... только надежда.

Госпиталь случайно нам попался уже с прекрасной двухвековой репутацией. Когда-то, двести лет назад около церкви «Святого Джозефа» появилась маленькая больничка для помощи нуждающимся. Это как раз во времена Гоголя, нашего незабвенного Николая Васильевича. Было это на самой удалённой окраине американского города, который назывался Атланта. Сейчас и церковь стала больше, и место находилось уже почти в самом центре огромного города, и госпиталь также, располагаясь рядом с церковью, превратился в современный медицинский центр.

Поэтому нашему доктору мы поверили, хотя удивились такой энергичности первого предстоящего дня. Я тогда ещё подумал: «Наверное, деньги за операцию с нас быстрее получить хотят? Да, однако, нравы у них здесь — чисто капиталистические...» На следующий день уже в половине седьмого мы приехали на машине все вместе, дабы поддержать человека перед операцией. Нас через проходную, КПП, пропустили без вопросов, как и вторую машину с друзьями нашей семьи, которые захотели быть вместе с нами в такой час. В этом, конечно, ничего странного нет. Стоянок для машин везде достаточно. Хотя удивительно другое: мест для всех машин хватает. Это потом я узнал, что ни один бизнес ты не откроешь, если при этом не обеспечишь парковку для автотранспорта. Причём не на общественном месте, за счёт других, а на частном, за свой счёт оплаченном тобою месте, на котором будут стоять машины и твоих сотрудников, и твоих гостей.

Больную нашу забрали, и мы, помахав ей ручкой, столпились, не зная, что делать... И тут появилась бабушка, «божий одуванчик», и пригласила нас в рекреацию ожидания, — место, оказывается, приготовленное специально для таких, как мы. Здесь-то как раз и начались всякие необычности.

В ней имеется зал, в котором посадили таких благообразных старушек, наученных с тобой успокоительные беседы вести. Дело-то понятное: там операция сложная идёт, а ты переживаешь... Ей самой, этой бабушке, лет девяносто, а она ещё такая живенькая, чистенькая и, обращает внимание, что, как улыбнётся, — зубов у неё полон рот. Зубы причём все ровные такие и белые, не то, что у наших старушек. И волосы седые, хной не подкрашенные, и под платочек или шляпку аккуратно убранные...

Денег, наверное, на этой работе гребут, думаю, «тыщами». Нет! Говорят, мы — волонтеры. Работают по зову сердца, чтобы нуждающимся помочь и, причём, абсолютно бесплатно. Как раз от церкви этой — Святого Джозефа.

А нуждающиеся, стало быть это — мы. Мы же приехали и человека на серьёзную операцию привезли, и, конечно, переживаем, и что где происходит, ничего не понимаем... Думали, вокруг дома ходить будем, если за забор больницы пустят, пока, в ожидании результатов операции маяться будем. А бабушка-божий одуванчик нам говорит:

— Вы здесь, милые, присядьте — это специально для вас место приготовлено, а я вам всё расскажу и помогу. Задача у меня такая сегодня: вам помогать.

И проводит нас в огромный зал, разделённый на множество уголков в цветах и пальмах с диванами и столиками. Посередине фонтан журчит — успокаивает, значит. Телевизоры везде стоят, CNN новости показывают — опять же, пропаганда американского образа жизни, — везде поспевают! По всем уголкам такие же группы озабоченных людей, а рядом с ними тоже свои бабушки-волонтёры суетятся. Да!.. Видно не одна операция идёт в этом госпитале, «болеют, значит...»

А меня опять терзают смутные сомнения, денег нам эта забота, наверное, обойдётся? И не рассчитаемся. А тут ещё кофе с чаем принесли и конфеты какие-то. Я даже от кофе с конфетами, ради экономии, отказался... Хотя так хотелось, потому что с утра как-то у нас нервно всё начиналось, и поесть, конечно, мы не успели... Нет! Говорят, это тоже всё бесплатно. Это так, чтобы вы отвлеклись от мыслей нехороших всяких...

Тут нам наша бабушка такое выдала, что мой «балддёж» стал постоянным, хотя я ещё от кофе и фонтана с диванами не отошёл. Всё время только и думаю: «Вот сволочи! Пропаганду свою как умело ведут...»

А волонтёрша-помощница наша говорит:

— Вашу жену и маму сейчас уже перевезли в операционную. Сделали наркоз и операция началась. Всё идёт нормально — по плану. Операцию делает хирург такой-то и ассистируют ему такие-то и такие-то врачи... Все показатели нормальные и даже сказала нам пульс, давление и ещё что-то...

Так и стало тянуться время. Мы сидим... Вокруг — пальмы с цветами, причём, пригляделся: надо же, — живые!.. Фонтан журчит: нервы успокаивает. Да и нам как-то спокойнее стало. Всё же знаем, что и как происходит. Смотрим, к соседней компании хирург подходит — их по специальной одежде отличить можно. Думаем: «Что-то случилось», а они поговорили и заулыбались все, обрадовались и обнимать друг друга стали.

Наша бабушка тоже не дремлет, не зря, видно, своими белыми ровными зубами волонтёрский хлеб жуёт. Через каждые двадцать-тридцать минут сама нас посещает и говорит:

— Не беспокойтесь! Сделали то-то и то-то, сейчас хирург собирается сделать то-то...

Так прошло, пробежало аж четыре с половиной часа. Вдруг появился сам наш хирург, который операцию делал. Это тот самый знакомый, который со мной насчёт группы крови шутил. Идёт к нам, спешит,

на ходу маску марлевую снимает. Опять же думаю: «Чего спешит? Пошёл бы после такой тяжёлой работы отдохнул, чайку попил бы, а уж потом бы и нам через пару часов через кого-нибудь передал, что, мол, всё нормально, жить будет... Мы к такому привычные».

А тут всё наоборот, даже неудобно как-то человека отрывать... Позади хирурга ассистент, тоже в халате, с бумагами какими-то спешит. «Ну, — думаю, — сразу подпишем бумаги — сколько мы денег должны за операцию — медицина-то у них платная! Чтоб потом не отвертелась...» Нет! Оказалось, что бумаги — это чтобы подтвердить все показатели организма при операции. А хирург стал обстоятельно, как студентам первого курса медицинского института, нам рассказывать, как что происходило и какие возникали по ходу трудности... Я хоть и был «в состоянии отёла», но информации об особенностях человеческого организма воспринял и узнал больше, чем за всю предыдущую свою жизнь. Хирург умел рассказывать, а я, наконец, понял: «Вот, оказывается, как операция делается...»

Мы, конечно, стали благодарить доктора и я даже хотел, как у нас положено, ему бутылку дорогого коньяка подарить, правда, меня вовремя одёрнул мой старший сын, который сказал: «Здесь это не принято». Поскольку он был ученик американской школы, я ему поверил. А наша бабушка сказала:

— Сейчас вашу жену и маму...

— Их что, теперь у нас две?... — хотел пошутить я, так как состояние бабдежа действовало на меня уже непредсказуемо.

— ...перевезут в реанимационную палату, — закончила старушка со свойственным американским агитаторским издевательским тоном, при этом мило улыбаясь, и добавила, — куда можете пройти и вы!

Я так и не пойму, что же они всё время улыбаются? Мы все напряжены, всё же дело серьёзное, а она лыбится и лыбится... И куда это интересно пройти, в реанимацию что ли?

— Мы? Можем пройти к ней в палату?

Состояние коровы после отёла теперь было у всех у нас. Мне даже показалось, что наша бойкая бабушка стала щёлкать пальцами перед моим одухотворённым, умным лицом, чтобы как-то вернуть меня к действительности. «Хорошо, что нашатырь не понадобился... Эх, выпить бы сейчас стакан водки...» — думалось мне, в то время как я наблюдал за бабушкиными пальцами.

Спросив пятый раз, что это относится именно к нам, ошибки в фамилиях нет, и мы можем прямо сейчас, а не через неделю пройти в палату и посмотреть на неё, находясь рядом, а не через окно на пятом этаже. Мы, даже забыв поблагодарить святую женщину-волонтера, а я по забывчивости даже бутылку ей не предложил... помчались в указанном направлении.

У меня, правда, остались сомнения: «Наверное, всё это было специально для нас, приезжих из другой страны, подстроенная показуха?..» Правда, фонтан и пальмы были настоящие.

Когда мы поднялись на нужный этаж и попали в нужное для нас место, мне точно показалось, что всё это разыгрывается только для нас. Ну как здесь среди приборов и врачей может ходить целая толпа из восьми человек? И никто нас не выгоняет и все даже как-то улыбаются. Из-за этих постоянных улыбок я и подумал, что именно нас разыгрывают и снимают скрытой камерой, типа: «Приключение дикаря в больнице...» Ну ничего, мы и не такое видали... Врёшь, нас не возьмёшь. Побывали бы они в нашей районной какой-нибудь, например, Сахалинской больнице, то-то бы у них лица вытянулись. Подлиннее, чем наши, были бы.

Палата, в которую мы попали, была большая, со всякими компьютерами, трубочками и лампочками. И душ, и туалет — отдельно, я проверил — всё работает, всё в наличии. Прямо перед дверью, в метре от входа в палату, сидит целая бригада медиков и все тоже смотрят на компьютеры и мониторы со всякими сигналами кривых пульса, давления и ещё чего-то, которые из этой и других палат поступают.

Вот, думаю, как придумали: посередине круглая стойка во все стороны с персоналом, а напротив — палаты с больными. Тринадцать палат вокруг этой «ромашки» насчитал. То-то думаю, дюжина-то — чёртова, наверное, для них — счастливая.

Привезли на огромной кровати-каталке жену, осторожно поставили в палату и доктор сказал:

— Татьяна! Просыпайтесь... Всё закончилось! Она открыла глаза и, увидев нас, причём всех вместе столпившихся над ней... конечно, очень испугалась... У нас в больнице, если после операции ты открыл глаза и видишь всех близких, склонившихся над собой, как вы думаете, что это значит? Считай, всё! Провожают в последний путь... Американский доктор, конечно, этого не знал и не учёл. И, увидев страх в глазах больной, не мог понять: «Кто из присутствующих ей так не мил?...» Вроде вокруг — все свои... Я даже думаю, если бы у больной было бы больше сил, она бы закричала и заплакала. Но пока сил не было, и сознание медленно возвращалось в отходящее от наркоза тело, она, наверное, подумала: «А может быть, не всё так плохо?»

Но тут вмешался я и, осторожно взяв её за руку, стал рассказывать ей, как мы её ждали в зале с пальмами и бабушкой-божий одуванчик, и про фонтан. Именно это её и привело быстрее в чувство реальности, потому что она, наверное, подумала: «Он у меня, конечно, хороший человек, но зачем он напился и теперь так врёт?» И улыбнулась.

— Значит, всё в порядке! Жить будем?

Тут опять вмешался доктор, который сказал, что мы должны выбрать кого-нибудь, кто останется здесь с ней, в том числе и на ночь...

— Когда закончится действие наркоза, ей будет особенно тяжело. Сейчас пока присутствует эйфория от перенесённого стресса операции, ей не так больно. Позднее, когда придёт этот момент, кто-то из близких должен будет быть рядом, потому что никто, кроме него, не сможет уловить эти переходы. Наша аппаратура только помогает придти

на помощь вовремя. Но, поймите, ни сестра, ни врач не превратятся для неё в родного человека. Нам нужна ваша помощь!

«Да, это круто! — размышлял я, — попробовал бы я пройти в реанимацию к своему родственнику в нашей больнице, чтобы хотя бы поправить подушку...» Конечно, у нас медицинский персонал — гуманисты. Они не позволяют видеть, как мучаются в беспомощности их близкие... А тут я приду в реанимацию и скажу: «Вам нужна моя помощь? Пустите меня я, буду вам помогать. Я готов спать здесь, даже на прикроватном коврике...» Посмотрел бы, что мне скажет медицинская сестра на входе.

Ну, чтобы не сморозить какую-либо глупость в очередной раз и не опростоволоситься перед американским доктором, мы все вдевтером усталились в огромный плазменный телевизор над кроватью и стали рассматривать диктора CNN, как будто бы он должен объявить решение...

А врач, наверное, подумал: «Да, зря говорят, что русские — такие умные... туговато они как-то соображают...»

А мы, действительно, лихорадочно соображали: «Ну всё в этом госпитале было не так...»

Здесь происходила другая, неведомая нам жизнь и не по правилам нашей судьбы... Поэтому и скорость нашей реакции на происходящее замедлилась до анабиоза... Например, внизу, в подвальном помещении, была огромная столовая со вкусной и разнообразной едой, которая работала для всех, а не только для врачей и даже зачем-то ночью... Зайти туда поначалу мы не решались, предполагая, что — это не для нас... но оказалось...

Или другой пример: укол с наркотиками при возникновении боли, пациентка госпиталя — Татьяна, могла и делала себе сама (!), нажимая кнопку, закреплённую под пальцем правой руки, а лекарство поступало через катетер в вену, и не надо было звать медсестру. Главное было... не увлечься.

Решили оставить на дежурство меня. Представители персонала в белых халатах зачем-то для родственника принесли кровать с чистым бельём и поставили её в ногах у больной. Непонятно, потому что я, конечно, мог бы легко перекантоваться и на диванчике у окна...

Для чего-то, я так думаю, наверное, показать, что у них всё есть. Принесли специальные чулки на ноги для больной, одели их и давай: то накачивать воздухом, то плавно сдувать. Массаж делают, кровь в ногах гоняют. Ну, я понимаю, через пять-десять суток это нужно, а тут — через три часа после операции... И кровать такая же... И так изогнётся, и этак. И ноги внизу и ноги вверх. И спину прогнут и поясницу подравнивают. Не кровать, а конструктор для инженера. А Татьяне, главное, это нравится: ей в одном и том же положении уже очень не просто. Вот я и целый оставшийся день, и первую ночь занимался с ней этими американскими игрушками. Она вроде и лежит, и в то же время постоянно двигается, а тело, принимая разные положения, не устаёт...

В середине следующего дня произошёл случай ещё хлестче...

Пришёл врач, посмотрел шов, а он — через весь живот, от груди — до самого пояса, длинный такой, и железными скобками заделанный, и говорит:

— Вставай, Татьяна! Пошли, по коридору погуляем!

Я обалдел... Татьяна обалдела... Гости, которые пришли навестить больную, обалдели все вместе.

Мы переглянулись и дружно решили, что доктор ночью, наверное, с друзьями перебрал, вот и говорит, чего ни попадя. Вставать и ходить после такой операции, когда прошли всего сутки? Да она просто не встанет!

Но, к нашему всеобщему удивлению, оказывается, Татьяна встала и... пошла! В общей сложности она сделала всего-то шагов пять-десять, но — сама! Если бы я при этом не присутствовал — не поверил бы.

Да, доктор был парень, что надо. Оказывается, он именно в этом госпитале работает тридцать лет. Пришёл сюда ещё студентом медицинского университета. И всю свою жизнь сначала ассистировал, а потом стал делать самостоятельно только одну операцию! Он тридцать лет оперирует больных только с этим диагнозом, и никогда никому не пытался сделать другой операции. Оказывается, для других операций у них есть другие хирурги... Да, и ещё узнали мы, что доктор наш совсем непьющий. Он, наверное, чемпион мира по количеству операций на желудке. Ну, в первой десятке, по крайней мере, точно...

Я его потом, кстати, спросил:

— В чём всё же причина возникновения этой болезни? Вы в общей сложности сами лично сделали более восьми тысяч операций. Я это подсчитал, перемножив одно на другое. Вы же должны знать, почему и у кого возникает именно этот недуг?

И он мне ответил на этот вопрос... Но вам я ответ сказать не могу, потому, что от его слов «обалдел» и не хочу, чтобы вы тоже с недоверием относились к американской медицине...

А через неделю мы с женой выписались! И своими ногами дошли до стоянки, где ждала нас наша машина.

И ещё один балдёж произошёл от того, что денег, которые нам насчитали: за операцию, анестезию, нахождение в палате, химиотерапию и облучение после операции и так же многое другое... — нам хватило... Потому что за всё это заплатила американская ассоциация помощи больным раком...

Вот так у них «больные неизвестно, как и почему, выздоравливают, как мухи...» Славу Богу, что у нас всё понятнее... Это у нас наша медицина — удивительная и необыкновенная, а у них — всё наоборот... Это наша медицина, я бы сказал — чудесная...

В том смысле, что я спрашиваю: «Больному может помочь только чудо? Почему это через неделю такую тяжёлую больную домой выписали? Они что, за свою больную не отвечают? А если что случится?» А вот наша медицина и наши врачи за тебя отвечают. Раньше, чем через месяц, а то и два, — из палаты ни ногой. Отвечают настойчиво и до тех пор, пока... Короче, до самой смерти отвечают.

Юрий Соболев
(Россия, Москва)

ПОДЪЕЗД И ЛАМПОЧКИ

У нас в отделе всегда шумно, нельзя сказать, что нам, сотрудникам страхового агентства нечем заняться, но так повелось, неизвестно кем и когда это было заведено, но мы вечно о чем-нибудь да и говорим или спорим во время рабочего дня. Вот и сегодня Максим завелся прямо-таки с самого утра:

— А я говорю, что судьба у чела все-таки есть, и ему все предписано в этой Книге судеб, — он горячился, а потому говорил громко и непонятно, постоянно жестикулируя руками. Каждому написано, что, когда и где с ним произойдет, а главное, что этого нельзя избежать ни при каких условиях. Каждый чел должен испить свою чашу горя или счастья до самого дна, — тем временем Лидочка, наша секретарша, улыбалась ему и качала головой.

— Ой, Максим, какой вы смешной. Скажете тоже, судьба! Вас послушать, так эта самая судьба так и ждет каждого из нас в подворотне. Вот я, например, на работу опоздала сегодня — это тоже судьба? — она кокетливо поправила прическу. — Или вчера у меня свет на лестнице погас — и это судьба? Интересно, а эти-то события, что произошли со мной, как могут повлиять на меня? — она спрятала косметичку в сумочку. — Смешной вы, Максим, смешной, скажете тоже, судьба! — она встала и вышла в архив, нужны были какие-то бумаги. Я тупо смотрел перед собой. «Судьба, — вертелось у меня в голове, — тоже ведь кому-то все это надо», — я поднялся с места, подошел к окну. На улице снова лил дождь, нет, скорее все-таки капал. Капли медленно, словно и вовсе не желали этого, ложились на мокрый асфальт, отчего лужи потом начинали пузыриться, а капли дождя смешно лопаться в лужах, которые с каждой каплей этого самого дождя как будто прибавляли в весе и потому казались похожими на желе:

— Ну, хоть вы скажите, Дмитрий Сергеевич, есть она эта самая судьба или нет? — обратился ко мне Максим. Не знаю откуда, но так повелось, что абсолютно все в отделе обращались ко мне по имени отчеству. Остальные сотрудники смотрели на меня, словно я был той последней инстанцией, после которой уже все станет ясно, а главное понятно, и дальнейший спор теряет всякий смысл.

У меня перед глазами опять сверкнула новая вспышка взрыва снаряда. Били из гаубиц с соседней высоты:

— Товарищ капитан! Товарищ капитан! — молодой боец, в сущности еще мальчишка, бежал по траншее перехода ко мне. — Товарищ капитан! Там, — он испуганно и немного боязливо показывал в сторону сопки, — там, это, того, люди, — он так и не научился называть их «духами». По ним, по этим самым сопкам, словно муравьи, передвигались «духи», группа вооруженных людей спускалась с сопки прямо к нам. «Влипли», — пролетело у меня в голове, и словно подтверждая мои догадки, Евсюков прошептал:

— Во, пошли, во, пошли, и как много, жуть, — в этом и «как много» и «жуть» было все — и страх, и восхищение, и злоба. «Духи», душманы, то есть не шурави, пытались атаковать нас с севера. — Чтооооо делать-то будем? — немного нараспев, спросил Евсюков. Я смотрел на человечков, которые поспешно спускались с высоты к нам и подумал:

«Бой будет тяжелый, и не все смогут сегодня вечером посмеяться после отбоя, рассказывая очередной анекдот про баб, не все, факт не все», — глупость в голову лезла, вслух же я сказал:

— Отряд, приготовиться к отражению атаки, взводный к пулемету, Евсюков со мной, остальные по расписанию, — и первым бросился на огневую позицию.

— Так, Дмитрий Сергеевич, и все же, есть судьба или нет ее? — повторил свой вопрос Максим. Словно вылезая из тяжелого сна, я медленно возвращался в отдел, потом пожал плечами:

— Видишь ли, Максим, все зависит от того, что считать судьбой, — начал я и осекся.

Какое значение имел весь этот разговор, если кто-то не вернулся из боя. Разве у них было написано где-то там, в какой-то Книге, большой или маленькой, главной или не очень, что они должны погибнуть? Меня колотил озноб, предательские ручейки пота текли между лопаток. Черт, про судьбу чирикает, а что он знает о жизни? О смерти? Что? Мне почему-то захотелось набить морду этому самодовольному Максиму и сказать ему, как он не прав, как он еще по сути молод, чтобы рассуждать о таких вещах. Но вслух я продолжил: — Вот ты попал сегодня в пробку, это судьба или всего лишь наше неумение распределять свое время и пространство, и как следствие всего этого — пробки? — Максим растерянно смотрел на меня.

— Ну, вы скажете, тоже мне, пробка и судьба, — хмыкнул Максим. Вернулась Лидочка, она принесла несколько папок и положила их на стол.

— Максим, ну, какой вы странный, ну, опять вы за свое? Не надоедайте хотя бы Дмитрию Сергеевичу со своими разговорами про судьбу. Просто в жизни все идет и случается так, как и должно быть по правилам. Ой, каламбур получился, — хихикнула Лидочка. Я смотрел упрямо перед собой. Глаза застилал дым...

...Пороховой дым расстился по равнине и уползал на высоту. Тишина давила на уши. В небе стрекотали «вертушки». «Почему так тихо, — мелькнуло у меня в голове, — и тяжело, трудно дышать». Пытаюсь встать — на мне Евсюков, голова вся в крови, рот искривлен в каком-то страшном, немом крике. «Что это? — промчалось в голове курьерским поездом. — Обстрел? Атака? Мы погибли? И почему Евсюков на мне?» «Вертушки» упорно кружились над нами. Я мотнул головой. Судьба ли это?..

Меня кто-то тормозил за плечо и участливо спрашивал:

— Дмитрий Сергеевич, что это с вами? На вас лица прямо нет. Не обращайтесь вы внимания на этого Максимку, вечно он что-нибудь придумает. А хотите, я вам кофе сварю? — Лидочка обворожительно улыбнулась и направилась к аппарату. Я какое-то время приходил в себя. Опять, опять эти воспоминания. В последний год они меня преследуют даже слишком часто.

— Дмитрий Сергеевич, вам с сахаром или вы так любите? — Лидочка снова обворожительно улыбнулась. Она повернулась ко мне и, хлопая своими очаровательными ресницами, смотрела на меня.

— Лучше так, без сахара, — я попытался улыбнуться.

— Ну у вас, Дмитрий Сергеевич, и видок, словно вы с привидением встретились, — начал неуверенно Максим, — Вы-то как? С вами все хорошо? — он привстал со своего места. — Может врача вызвать? — я мотнул головой:

— Пустяки, пройдет. — Лидочка подала кофе.

— А вот вы, Максим, лучше скажите, кто мне свет починит в парадной, я боюсь, мне страшно, я девушка слабая и незащищенная, а в парадной крысы. — Максим рассмеялся:

— А вот пусть Дмитрий Сергеевич свет тебе и починит. А, Дмитрий Сергеевич, как почините свет? — и он озорно мне подмигнул. Я почему-то смутился и зарделся, словно девица-красавица.

— Починю, — пробурчал я в ответ. Прихлебывая горячий кофе из чашки, кофей оказался как нельзя вовремя. «Кофей» — так смешно называл Евсюков этот заморский напиток, паренек был из сибирской деревни.

...И снова пелена перед глазами. Словно в каком-то мареве двигаются солдаты навстречу мне, я хватаю автомат Евсюкова и ору во всю глотку: «Врете, гады, не возьмете». Но прежде чем я успеваю дать очередь по «духам» меня крепко схватили двое солдат и повалили на землю:

— Товарищу капитан, это... мы свои, я свой и он свой, мы летчики. Мимо летели, вас заметили...

— Вы вернулись? — это Лидочка, она участливо смотрит на меня, склонившись надо мной. Я криво улыбаюсь:

— Вернулся, — а в голове молотом: «Не много ли за один-то день», — и ух, стук, и ух, второй.

— Придете свет-то починить или так, все шутите? — Лидочка настороженно смотрит на меня.

— Приду и починю, — я встаю, ставлю чашку на стол, немного дрожат руки.

— Я тогда пирогов напеку. Вы с чем любите? — она вопросительно смотрит на меня.

— С творогом, — брякаю я первое попавшееся мне на язык слово. Лидочка немного растеряна, но потом, опять же поправляя прическу, выдает:

— Я умею хорошо с капустой печь, вот, — потом немного смущенно произносит: а можно я вам с капустой напеку? — во всей ее позе немой знак вопроса. Мне смешно и я уступаю:

— Черт с ним, с капустой так с капустой, — мне хочется добавить из мультика: «С вами всякую гадость научишься есть», — но не добавляю. Не знаю почему, но я промолчал. Максим подлетел ко мне, радостный, озорной, смешливый:

— Дмитрий Сергеевич, а Лидочка-то бабеха самый класс, — и он выразительно делает руками женский бюст перед собой. — Не теряйтесь, Дмитрий Сергеевич, вы еще очень даже ничего, — хохотнув, он отходит

от меня. Меня бросает в жар. «Верно, бабеха она что надо, все при ней», — машинально я вытираю пот со лба. В голове молотом, что значит я еще ничего, во дает, мне всего-то 40, я еще ого-го! Ух, ухает молотом в голове.

— Жарко? — подмигивает Максимка. «Вот черт, навязался на мою голову», — беру сигарету и иду курить в курилку.

Хлопает дверь, это наш шеф, Сергей Алексеевич.

— Все зубоскалите? — спрашивает он беззлобно. — Сегодня можете уйти пораньше, сегодня я добрый, — шеф повторяет это периодически раз в полнедели. Все сотрудники, как по команде, начинают торопливо собираться.

— Дмитрий Сергеевич, это судьба, фатум, вам все уже прописано, — подмигивает мне Максимка. — Куйте железо — и будете счастливы, я бы и сам починил свет, но только, — и он многозначительно подмигивает снова мне, — не я в фаворе. «Вот черт, как рыба-прилепала», — я снова краснею. Боевой офицер, а перед девчонкой спасовал. Черт, никуда не годится. Лидочка выжидающе смотрит на меня:

— Дмитрий Сергеевич, так вы идете или так?

— Иду я, иду я, Лидочка, конечно иду. Надо выручать девушку, одинокую и пугливую. — Лидочка зарделась.

— Так я пирогов обязательно напеку, придете еще раз на чай с пирогами? — вся ее фигура выдает напряжение и ожидание чего-то хорошего, праздничного и доброго. И я не могу отказать ей:

— Приду, как только испечете пироги, так непременно и приду. Ну-с, а сейчас идем выручать вас от темноты и распугивать крыс, — и я галантно протянул ей руку. Лидочка привычно поправила прическу, оперлась на мою руку, и мы отправились вниз, к моей машине. В машине ехали молча, Лидочка совсем притихла и на себя не походила. Обычно такая болтливая и всегда веселая, она теперь сосредоточенно молчала и только посматривала в окно на дорогу. Вскоре мы приехали:

— Ну, где тут ваша полонка? — нарочито громко произнес я, чувствуя, что и сам немного сконфузился непонятно отчего.

— Тама, — Лидочка указала пальчиком на парадную, что располагалась напротив нас.

— Ну, идем смотреть, чем я смогу вам помочь, — я намеренно говорил ей вы, мне не хотелось опускаться до банально-пошлого тона с ней. Мы вошли в парадную. На площадке весело горели сразу две лампочки.

— Ничего не понимаю, — опешила Лидочка. — Три дня не горели эти самые лампочки, сделать ничего нельзя было, и вот, на тебе — горят, — она смущенно смотрела на лампы в подъезде. — Ничего не понимаю. Ой, надеюсь, что вы не подумали, словно я вас специально заманила к себе? — Лидочка не на шутку расстроилась. Дмитрий Сергеевич улыбнулся и легко притянул Лидочку к себе:

— Конечно не думаю. Отчего вы так решили? — на минуту ему стало хорошо. Близость тела Лидочки его немного пугала, но все-таки ему было приятно, покойно и хорошо.

В подъезде был кто-то еще. В этом Дмитрий Сергеевич мог поклясться на Библии.

— Кто здесь? — испуганно спросил Дмитрий Сергеевич.

— Кто, кто, конь в кожаном пальто, — Дмитрий Сергеевич слышал знакомый смешок.

— Евсюков!? Ты что ли? — в ответ снова смешок.

— А кого вы ждали? Черта, а может быть Бога? — снова до боли знакомый смешок. — Я это, я, товарищу капитан, кому еще и быть. А девчонка у вас класс! С такой не стыдно пройти по улице, факт, не стыдно, — его кто-то опять трепал за плечо.

— Дмитрий Сергеевич, Дмитрий Сергеевич, очнитесь, миленький, хорошенький, очнитесь. С кем это вы говорите тут, а? — Лидочка испуганными глазами смотрела на него. — Ой, я так испугалась, просто жуть. И вы такой бледный и вспотели. Что с вами? — она участливо обтерла его лоб своим платочком. — Пойдемте, а? Потихоньку пойдемте, и все будет хорошо, — она подхватила, словно маленького, Дмитрия Сергеевича и потащила за собой в квартиру.

Позади шел Евсюков, шел и улыбался. Капитану стало отчего-то стыдно, как будто именно он виноват был в том, что тогда в Кандагаре Евсюкова не стало.

Все трое вошли в квартиру. Евсюков поправил прическу, присел на табуреточку в коридоре. Дмитрий Сергеевич тяжело, словно паровоз, дышал. На грудной клетке лежала каменная плита. И было ужасно больно в груди.

— Ой, я сейчас, вот только немного диван разберу, и вы прилягте, отдохните, — хлопотала Лидочка. Странное дело, но то, что о нем заботились, это заводило Дмитрия Сергеевича. Ему было приятно, он кому-то нужен. «Нужон» так говорил все тот же Евсюков. Евсюков высунулся из коридора:

— Товарищу капитан, а баба она классная. Давайте вы ее, а? А потом сына назовете в честь меня, уж очень мне хочется, чтобы землю топтал еще один Борис, помните, меня Борисом звали, помните? — Лидочка снова тормозила Дмитрия Сергеевича:

— Господи, да что это за наказание мне сегодня, опять вы куда-то пропали, Дмитрий Сергеевич, вам как плохо? — она со страхом смотрела на него.

— Нет, мне очень и очень хорошо, а особенно хорошо с тобой, — и Дмитрий Сергеевич притянул Лидочку к себе и сладко ее поцеловал в пухленькие и очень аппетитные губки.

Утром следующего дня они проснулись на одном диване. Диван был явно маловат, но они этого не замечали. Лидочка положила свою тонкую, прозрачную руку ему на грудь и преклонила свою голову ему на плечо:

— Если у нас будет мальчик, то как мы его назовем? — кокетливо ворковала она Дмитрию Сергеевичу.

— Борей, только Борисом, — восторженно Дмитрий Сергеевич и выглянул в коридор. На табурете никого не было.

Ольга Павлова
(Россия, г. Бийск)

Певец из Бийска Юрий Голубев: «Я — счастливый человек!»

Историческая справка: в 60-е годы двадцатого века жители и гости нашего города полюбили бийскую оперетту, а также балет.

Факты биографии баритона-вокалиста: в 2005 году ему было суждено поехать в Барнаульский театр музыкальной комедии, за любимой ролью в рок-опере «Юнона и Авось», в 2020 — присвоено почетное звание «Заслуженный артист Алтайского края» как ведущему мастеру сцены краевого музыкального театра. А в этом году он отметил 45-летний юбилей. Итак — обо всем по порядку.

Творческий взлет

Сейчас Юрий Анатольевич Голубев живет в Барнауле, он солист-вокалист Алтайского государственного музыкального театра и заслуженный артист нашего края. Родился будущий известный певец 6 февраля 1976 года в Бийске, учился в городской школе № 3 и при этом был, по мнению специалистов, одарен от природы прекрасными артистическими и вокальными данными. В 1997 году он окончил Бийское музыкальное училище (отделение хорового дирижирования). А в 1999 году поступил в Красноярскую государственную академию музыки и театра (ныне СГИИ имени Д. Хворостовского). Параллельно с учебой Юрий Голубев работал солистом камерного хора этого города. За период работы с 1998 по 2002 годы он активно участвовал в концертной деятельности как вокалист. По окончании академии в 2004 году молодому артисту была присуждена квалификация «Оперный певец. Преподаватель по специальности «Вокальное искусство».

Немного поработав в Бийском музучилище и участвуя в концертах с популярными ариями из опер, с 2005 года Юрий — артист театра музыкальной комедии. Главные роли, новые успехи. В 2006 году он стал лауреатом конкурса-фестиваля «Белая акация» (г. Йошкар-Ола), в 2007 году — дипломантом конкурса вокалистов в Болгарии (г. Албена). В январе 2009 года Юрий Голубев был награжден благодарственным письмом управления культуры краевой администрации «За вклад в развитие культуры Алтайского края, а в 2010 году стал лауреатом премии Алтайского края в области литературы, архитектуры и народного творчества в номинации «Музыкальное искусство» за исполнение роли графа Резанова в знаменитой рок-опере «Юнона и Авось». Коллеги по сцене рассказывают, что именно благодаря

таланту Юрий Анатольевич в короткие сроки стал любимцем публики и приумножил славу спектакля, который и сегодня собирает полные залы. Сейчас в репертуаре артиста — ведущие партии более чем в 40 спектаклях. В числе ярких работ — колоритный грузин Бекина в спектакле «Невеста из Имеретии», злодей Филарет в мюзикле «Капитанская дочка», Лев в сказке для детей «Волшебник Изумрудного города», подпольный миллионер Александр Корейко (мюзикл «Золотой теленок»). Также артист сыграл роль капитан-лейтенанта де Тревиля в премьерном спектакле «Три мушкетера». В 2017 году артисты Алтайского музыкального театра (тогда музкомедии) выступали в Турции в рамках молодежного театрального фестиваля. Актеры впервые играли для иноязычного зрителя. То, что происходило на сцене, дублировали субтитрами. Билеты на спектакль раскупили за два часа. Зрителей было столько, что многим пришлось сидеть в проходах. Образ барона Данглара в мюзикле «Монте-Кристо. Я — Эдмон Дантес» позволил Юрию Голубеву вместе с коллегами, занятыми в спектакле, достойно представить Алтайский край на IV Всероссийском фестивале музыкальных театров «Видеть музыку» в 2019 году. Также артист сотрудничает с Бийским музыкальным колледжем. Он не забывает родной город и приезжает с сольными концертами, принимает активное участие в учебном процессе, делится секретами профессионального мастерства с юными вокалистами, способствуя развитию вокального жанра в крае.

Роли и мистические совпадения

Спектакль «Юнона и Авось» музыкального театра Алтая в течение 15 лет остается одним из самых востребованных публикой. Прообразом главного героя стала подлинная личность — камергер Его Величества, русский граф Николай Петрович Резанов, путешественник и исследователь. Современная рок-опера Алексея Рыбникова и Андрея Вознесенского появилась в репертуаре театра в 2004 году. На роль графа Резанова — сложнейшую в вокальном и психологическом плане — в 2005 году был введен артист Юрий Голубев. Как считали тогда в Алтайском государственном театре музкомедии, вокалист блестяще исполнил невероятно трудную трагедийную роль. И при этом мистические совпадения удивляли всех. Певец учился в Красноярске, где умер Резанов, и первая песня, которую он выучил в студенчестве, была «Я тебя никогда не забуду...» Молодой артист мог остаться в Красноярске, но он вернулся на Алтай. После первого выхода Юрия Голубева на сцену в спектакле «Юнона и Авось» многие сравнивали его с другим исполнителем роли Резанова — артистом Николаем Караченцовым, который создавал на сцене образ мятежного графа более двадцати лет!

«Я — счастливый человек! Это такая роль, от которой не успеваешь устать. Эмоциональная нагрузка на сцене и обмен энергетикой со зрителями только сил придает», — считает Юрий. Перед каждым спектаклем «Юноны и Авось» он думает, как обогатить ту или иную мизансцену и по-

казать, что Резанов — не только жесткий человек, который не щадил себя и других. Он — лирик, все принимает близко к сердцу. И хочется это донести до зрителя. А еще то, как, в сущности, хрупка человеческая жизнь... И даже творческую судьбу Юрия Голубева можно назвать уникальной: в первые же три года работы в театре он стал исполнителем главных ролей почти в половине спектаклей театрального репертуара. А еще Юрий Анатольевич выступает в Государственной филармонии Алтайского края, с Алтайским государственным оркестром русских народных инструментов «Сибирь» им. Е. И. Борисова и другими творческими коллективами. Можно добавить, что он играл главные роли в спектаклях классического репертуара: князь Орловский из «Летучей мыши», Мистер Икс из «Принцессы цирка», граф Тассило Эрдеди из «Марицы», Командор из «Первой любви Дон Жуана», Рауль из «Фиалки Монмартра». Его творчество — для тех, кому нравится слушать романсы и арии. Голос, по словам Юрия, — это какое-то отдельное существо, которое внутри тебя живет своей жизнью. Если голос есть — он не даст человеку покоя. Известный ныне в крае певец хотел заниматься другим делом, поступал в учебное заведение, никак не связанное с музыкой, но бросил. Ему часто снится, что он что-то сочиняет, но потом просыпается — и не помнит.

Отдых артиста и пожелания зрителей

Одно из любимых увлечений Юрия Голубева — поэзия. Он научился читать сам в 4 года. До сих пор хранит книгу, которую в детстве подарила мама и трогательно подписала ее. Юрий неплохо готовит, помогает отцу на даче. Он тоже в молодости выступал на сцене, мама была преподавателем иностранного языка в школе. А дед Юрия прошел всю Отечественную войну. В доме Юры было много пластинок, он в детстве не знал нотной грамоты. Но больше всего на свете хотел петь. Помимо музыки, он привык слушать настоящие, красиво поставленные голоса певцов. Для него были важны искренность и теплота песен.

Говорят, что в школе Бийска Юра очень стеснялся петь! А дома «на радость соседям» он исполнял песенки Никитиных — и про пони, и про ежика. Потом Юрий начал самостоятельно учиться играть на фортепиано, чтобы самому себе подыгрывать. Сестра Юры, которая училась в музыкальной школе, стала показывать ему ноты, а он визуально их запоминал. И в Бийское музучилище Юрий Голубев пришел, не зная нотной грамоты. Потом было поступление в Новосибирскую консерваторию, где Юрия взяли лишь на подготовительный курс. И тогда он уехал учиться в Красноярскую академию музыки и театра. Такая необычная история. А теперь, за много сезонов, что прошли в музыкальном театре, и на гастролях, и на выездных спектаклях, которые ставились по два раза в день, Юрий стал понимать, как важно быть в хорошей форме. В свободное время он старается правильно питаться, занимается велосипедным спортом, плаванием, предпочитает отдых на природе.

Зрители музыкального театра в разные годы писали об игре артистов столько добрых слов! Их пожелания — показатель успеха постановок: «Вот уже много лет Юрий Голубев радует зрителей своими яркими сценическими образами. Это и искрометный Фигаро, и неистовый граф Резанов, и колоритный казак Степка... Всех не перечесать. Хочу только пожелать Юрию Анатольевичу здоровья и новых творческих побед! Или вот еще: «Премьера «Труффальдино» состоялась. Спасибо театру музыкальной комедии за такой удивительный, необычный спектакль! Низкий поклон всем, кто работал над созданием этого действия: актерам, режиссерам, балету, оркестру и тем людям, которых на сцене не увидишь, но без них спектакля нет. Меня покорила пара Флориндо — Беатриче в исполнении Юрия Голубева и Виктории Гальцевой, особенно финальный дуэт. Вообще, в спектакле много удивительных и тонких находок. Точно знаю, что приду еще и, возможно, не раз!» Радует такой отзыв: «С 1992 года, как приехала в Барнаул, полюбила наш театр музыкальной комедии. На нём вырастила своих детей, и они уже самостоятельно ходят на новые представления. Хочу сказать огромное спасибо всему коллективу. Это самый яркий луч света в нашем городе!»

Жанры современного музыкального театра: опера и оперетта, мюзикл и водевиль, музыкальная комедия и концертная программа, музыкальная драма, балет и музыкальная сказка. Каждый меломан найдет для себя что-то интересное.

Горно-Алтайск — Бийск — Барнаул

Таким был маршрут труппы Алтайского государственного музыкального театра, который находится ныне в краевой столице. А начало этого творческого проекта — в 1956 году. В Горно-Алтайске молодые артисты организовали краевой ансамбль оперетты (дирижер Джон Амирагов). Удивительный коллектив гастролировал по городам и селам. Успех был такой, что в 1958 году ансамбль оперетты объединили с труппой Бийского драматического театра. Режиссером стал М.Г. Левантовский. 17 ноября 1959 года сезон объединённого Бийского музыкально-драматического театра (БМДТ) открылся «Свадьбой в Малиновке», комедией Б. Александрова. А уже в 1960 году БМДТ получил статус Алтайского краевого театра музыкальной комедии, и 1 октября 1960 года — премьера оперетты Ю. Милютина «Поцелуй Чаниты». Одним из дирижеров был Георгий Александрович Бабиц, скрипач, выпускник Варшавской консерватории. Он впоследствии более 10 лет служил главным дирижером краевой «музыкальной комедии» и создал один из лучших в Сибири театральных оркестров. Постановщики первых оперетт в Бийске — режиссеры С.Б. Туров и П.В. Волков.

С 1961 года новый режиссер, заслуженный артист РСФСР Павел Васильевич Алдахин взял курс на классическую оперетту. В репертуаре появились: В. Шекспир — «Много шума из ничего», И. Кальман — «Сильва», И. Штраус — «Летучая мышь», «Цыганский барон» и другие. А летом

1963 года состоялась постановка первого в истории театрального искусства Алтая профессионального балета А. Адана и Л. Делиба «Корсар» (балетмейстер Николай Громов, впоследствии — ведущий специалист театра музыкальной комедии и хореографического искусства Алтая).

Единственный на Алтае

Ныне Алтайский государственный музыкальный театр — единственный профессиональный коллектив такого направления на Алтае. В июле 1964 года часть труппы из Бийска переехала в Барнаул. В ноябре 1964 года Алтайский краевой театр музыкальной комедии показал оперетту Б. Мокроусова «Роза ветров». В 1972 году театр открыл очередной сезон в новом здании по адресу: проспект Комсомольский, 108, в котором находится и сейчас. Наиболее яркая творческая удача восьмидесятых годов — спектакль «Голубая дама» С. Баневича по повести алтайского писателя М. Юдаlevича (1980 год). А в 1986 году состоялась премьера оперы Дж. Верди «Травиата». Потом на музыкальной сцене Алтая появились мюзикл «Труффальдино» А. Колкера и рок-опера «Юнона и Авось» А. Рыбникова (1988). В июне 1991 года театр получил статус государственного. Была осуществлена постановка классической оперы «Алеко» С. Рахманинова (1998), хореографического представления «Вечер современного балета» (1998).

В конце 20-го века театр получил Золотую медаль Сибирской ярмарки «Сцена-99» за рок-оперу «Иисус Христос — суперзвезда» Э.Л. Уэббера. В репертуаре 1990-х годов: «Веселая вдова» Ф. Легара, «Баядера» и «Цыган-премьер» И. Кальмана, музыкально-драматическое представление по мотивам мемуаров Эдит Пиаф «Жизнь в розовом свете». В 2010 году Алтайский государственный театр музыкальной комедии отметил 50-летие творческой деятельности, был создан документально-художественный фильм «Этот трудный легкий жанр» и издана книга-альбом, посвященная истории театра. В нынешнем его репертуаре множество запоминающихся постановок, по словам главного режиссера театра Константина Яковлева, это: рок-мюзикл «Соб@ки» и вечер балета «География любви», театрализованное представление ко Дню Победы «Браво, конферансье!» и музыкальный спектакль «Тетка Чарлея». Яркие сказки: «День лучшего друга», «Красавица и Чудовище», «Король Лев» и другие, а также мистический мюзикл «Голубая дама» (новая версия легендарного спектакля 1980 года), мюзикл «Ромео и Джульетта». Любимы зрителями музыкальные комедии «Бабий бунт» и «Сорочинская ярмарка», мюзикл «Человек из Ламанчи», легендарная оперетта «Сильва». В 2018 году знакомая всем «музкомедия» приобрела новый статус: Алтайский государственный музыкальный театр.

Преображение театра

Несмотря на пандемию, музыкальный театр края продолжал свою работу, заботясь о здоровье своих зрителей и творческого коллектива. И в театральном ролике артист Юрий Голубев от лица своего персонажа Мистера Икса напоминает зрителям о важном и необходимом правиле. «Всегда быть в маске — судьба моя!» — отмечает он. Администрация театра искренне надеется, что сложный период всё-таки когда-то прекратится, но пока надо помнить: маска — незаменимая деталь, которая должна сопровождать зрителей на спектаклях и, конечно, в повседневной жизни! Вот и закончился 61-й театральный сезон в Музыкальном театре. «Сколько всего было! Премьеры «Трёх мушкетёров», «Золотого телёнка», «Невесты из Имеретии», «Волшебника Изумрудного города» и впервые за почти 60 лет премьера балета «Вий». Был весёлый студенческий «ШАГ», ежегодная спартакиада, «Золотая маска», много новостей, радостей и неожиданных событий. Мы рады быть со своим зрителем «и в горе, и в радости», мы рады, что этот сезон мы вновь провели вместе, объединённые любовью к искусству! Мы надеемся, что ваше лето пройдёт ярко, весело и задорно, а осенью мы вновь встретимся в стенах любимого Музыкального, готовые к новым впечатлениям!» — говорят его сотрудники.

А следующий сезон Алтайского краевого музыкального театра будет отмечен ещё и изменением его внешнего облика. Фасад здания давно не ремонтировался. В краевом бюджете были изысканы средства, предстоят ремонтные работы по преобразованию здания и прилегающей территории. Сцена театра тоже обновляется, ремонтируется штанкетное хозяйство (штанкет — это подъёмно-опускное устройство для перемены задников, кулис и декораций). Сейчас театр понемногу огораживается строительными лесами, чтобы встретить зрителей в новом театральном сезоне «во всеоружии и блеске».

Возрастающий интерес зрителей к спектаклям — лучшее доказательство того, что Алтайский государственный музыкальный театр, в репертуаре которого соседствуют классические, современные и детские постановки, любим зрителями и является неотъемлемым элементом культурного пространства Барнаула и края. Отрадно осознавать, что в его истории есть бийские страницы. Талант, мастерство и творческий труд коллектива театра обеспечивают ему славу одного из лучших в Сибири, спектакли которого подобны источнику света, душевного тепла, красоты и истинной радости. Этот театр всегда живой, жизнерадостный, открытый всему новому — и потому он неизменно пользуется любовью ценителей музыкального и театрального искусства. Он приглашает к общению всех, кто неравнодушен к музыкальному театру и тому, что в нем происходит. Здесь будут рады тем, кто стремится не только развлекаться, но и развиваться — размышлять об увиденном, анализировать происходящее на сцене, делать свои выводы, высказывать свое мнение, делиться своими впечатлениями.

*Певец Юрий Голубев.
Алтайский государственный музыкальный театр*

*Рок-опера Юнона и Авось.
Солисты Татьяна Ремизова и Юрий Голубев*

*Валерий Орлов
(Россия, Санкт-Петербург)*

ПОЛЬСКАЯ ЛИТЕРАТУРА 19 ВЕКА

МИЦКЕВИЧ

В балладах и романах, которые Мицкевич создавал на фольклорной основе, поэт нарисовал мир поэтических представлений польского народа. Он утверждал своими произведениями право писателя выражать свои чувства. В балладе «Романтика» он писал: «Сердце имей, и в сердце смотри ты!» Мицкевич был поэт-романтик.

Мицкевич создал стихи — «Песня Адама», «Ода к молодости». В поэме «Гражина» поэт нарисовал образ мужественной женщины, вступившей в борьбу с завоевателями — действительный эпизод из средневековой истории.

В Москве осенью 1826 года Мицкевич встретился впервые с А. Пушкиным. Это знакомство перешло в дружбу. В России Мицкевич создал ряд выдающихся произведений — «Конрад Валленрод», «Крымские сонеты», «Любовные сонеты», балладу «Воевода».

В поэме «Конрад Валленрод» главный герой посвятил жизнь борьбе за освобождение родины.

В другой поэме — «Дзядях» (1831) переплетались романтические картины со злой иронией и сарказмом. В поэму вводятся мистические и фантастические сцены. Так же поэт показывает исторические лица, что придает произведению документальность.

Крупнейшее произведение «Пан Тадеуш» (1834) завершает литературную деятельность Мицкевича. В этом произведении с наибольшей силой проявились лучшие стороны поэтического таланта поэта — величественная эпика, глубокий лиризм и мягкий юмор. Поэма «Пан Тадеуш» в целом является реалистическим произведением как по тематике и идейному содержанию, так и по сюжету.

СЕНКЕВИЧ

Генрик Сенкевич (1846-1916). Произведения писателя стали классикой польской литературы. Сенкевич — писатель-реалист, учился на медицинском и историко-филологическом факультетах Варшавского университета. В 1876-79 гг. он путешествует по Англии, США, Франции и Италии.

В раннем периоде своего творчества (1872-1882) писатель создал — «Эскизы углем», «Бартек-победитель», рассказы «Янко-музыкант», «За хлебом» и др.

С 1882 года у Сенкевича начался второй период творчества. Им были написаны романы — о борьбе Речи Посполитой с восставшей Украиной времен Хмельницкого «Огнем и мечом», затем «Потоп» об освободительной войне поляков со шведской интервенцией 1655 г. и роман «Пан Володыевский» о борьбе с турецким нашествием. Эта эпопея — трилогия, сочетающая былинный жанр и исторический роман вальтер-скоттовского типа — центральное произведение писателя.

Роман — эпопея Сенкевича «Камо грядеши» (1894-1896) посвящен противостоянию христиан с Нероном. Это произведение было удостоено Нобелевской премии за 1905 год.

Следующий роман «Крестоносцы» (1897-1900) — эпопея из истории Тевтонского ордена на рубеже 14-15 вв.

Сенкевичем были написаны еще несколько романов после 1905 г. — «Омут» (против революции 1905 г.), «Легионы» (роман из эпохи наполеоновских войн, не закончен).

Писатель, более других польских прозаиков, способствовал развитию литературного языка, искусства пластической лепки образов.

Отрывок из романа Сенкевича «Легионы»:

«...Петроний распорядился провести гостя в тепидарий, куда перешел сам. Виниций был сыном его старшей сестры, которая когда-то вышла замуж за Марка Виниция, консула при Тиберии. Молодой Марк служил под началом Корбулона в войне против парфян, и теперь, когда война закончилась, вернулся в город...»

ЛИТЕРАТУРА:

1. История зарубежной литературы. М., 1969 г.
2. Польская литература. М., 1957 г.

